

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Сюй Минюань

**ЭВФЕМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент Д.А. Осильбекова

Москва – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССМОТРЕНИЯ ЭВФЕМИЗАЦИИ И ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО	12
1.1. Эвфемизация и история её изучения	12
1.1.1. Понятие эвфемизации и эвфемизма.....	12
1.1.2. Цели эвфемизации в речи	16
1.1.3. Функции эвфемизмов	20
1.1.4. Классификации эвфемизмов.....	23
1.1.5. Основные подходы к исследованию эвфемизации: история вопроса	28
1.2. Юмористический дискурс: основные аспекты изучения	39
1.2.1. Понятие юмора и комического.....	39
1.2.2. Юмористический дискурс как тип дискурса	42
1.2.3. Языковые средства комического.....	47
1.2.4. История изучения юмора и юмористического дискурса в русском языкознании	54
Выводы.....	60
ГЛАВА 2. ЭВФЕМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	64
2.1. Способы образования эвфемизмов в современном юмористическом дискурсе	64
2.1.1. Эвфемизмы на фонетическом уровне.....	64
2.1.2. Образование эвфемизмов на лексическом уровне	67
2.1.3. Стилистический контраст как приём эвфемизации	80
2.1.4. Словообразовательные особенности эвфемизмов в юмористическом дискурсе.....	83

2.1.5. Морфологические средства эвфемизации в юмористическом дискурсе	85
2.1.6. Обыгрывание прецедентных текстов как приём эвфемизации.....	87
2.1.7. Эвфемизмы на синтаксическом уровне.....	89
2.1.8. Эвфемизация на текстуальном уровне	95
2.2. Функции эвфемизмов в юмористическом дискурсе	97
2.3. Эвфемизмы в юмористическом дискурсе русского и китайского языков: сопоставительный аспект.....	102
Выводы.....	113
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗАЦИИ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	
3.1. Эвфемизмы в современном русском анекдоте	117
3.2. Эвфемизмы в репризах КВН.....	126
3.3. Эвфемизмы в жанре детского садистского стишка.....	133
3.4. Эвфемизмы в современном российском ситкоме.....	140
Выводы.....	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	158
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ	186
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ.....	187

ВВЕДЕНИЕ

Юмористический дискурс современного русского языка представляет собой один из наиболее активно развивающихся типов дискурса. Обогащается состав юмористических жанров, развивается система языковых способов создания комического в юмористическом дискурсе. В условиях культурной цензуры и политической корректности актуальным для языковой личности ресурсом формирования юмора становится эвфемия. В языке посредством эвфемизмов говорящий заменяет те наименования, которые нежелательны в данном фрагменте дискурса, так как связаны с физиологическими процессами, явлениями, называть которые прямо не принято. В юмористическом дискурсе эвфемия расширяет свои функции, становится элементом языковой игры, способом формирования шутки, средством оказания воздействия на восприятие адресата юмористического текста. У эвфемии появляются особые цели и функции, подчас противоположные тем, которые данное явление выполняет вне юмористического дискурса. Говорящий с помощью эвфемии стремится уйти от серьёзного разговора и одновременно затронуть нешуточные темы, критически осмыслить актуальные происшествия, смягчить ситуацию общения, получить позитивную реакцию адресата на шутку.

В центре данного исследования находятся юмористические тексты разных жанров современного русского языка, в которых в той или иной форме отражён процесс эвфемизации, выступающий как средство формирования комического.

Актуальность исследования определяется тем, что изучение функционирования эвфемизмов и специфики их представления в юмористическом дискурсе способствует более глубокому проникновению в суть юмористического, осмыслению намерений языковой личности при создании шутки, постижению механизмов реализации данных намерений. Актуальность исследования определяется также малоизученностью эвфемии в пространстве юмористического дискурса.

Степень разработанности темы диссертации. В настоящий момент эвфемизмы анализируются в различных сферах использования, дискурсах,

стилях русского языка (Т.В. Бойко, Н.А. Ванюшина, Л.П. Водясова, Е.О. Милоенко, А.Ю. Миронова, О.В. Обвинцева, С.Н. Орлова, В.Ю. Харитонов и др.). Эвфемизмы рассматриваются как средства манипулирования сознанием адресата речи (Ю.С. Баскова, А.Д. Васильев, М.В. Громенко, А.А. Карамова, Н.Е. Медведева и др.); как стратегии коммуникации и убеждения (Л.Н. Саакян, В.Ю. Харитонов и др.); как инструмент политической корректности (А.О. Кагилева, Е.М. Лазаревич и др.); как явления лингвокультуры (Е.Н. Торопцева, Н.В. Тишина, О.С. Цыдендамбаева и др.) и т. п.

Значительное влияние на решение проблемы сути эвфемизации оказали фундаментальные труды таких ученых, как Р.А. Будагов, Л.А. Булаховский, А.М. Кацев, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, В.П. Москвин, О.Н. Трубачев и др. Проблеме анализа эвфемизмов как элемента идиостиля различных писателей и поэтов посвящены исследования С.И. Айтасовой, В.В. Андреева, И.Н. Никитиной, Э.А. Райчевой, С.Г. Тетюхина, О.С. Храмушиной и других лингвистов. Вопрос о типологии эвфемизмов рассматривали Е.Р. Дегтярева, И.В. Лаптев, С.Ю. Мамушкина, Н.Е. Реброва и др. Существенный вклад в изучение проблемы комической, игровой функции эвфемизмов и эвфемии в юмористическом дискурсе внесли О.В. Вострикова, Е.Г. Коромысленко и др. Однако эвфемия как способ создания комического в современном юмористическом дискурсе применительно к различным его формам и жанрам ещё не рассматривалась.

Проблема полностью не изучена, что и определяет актуальность настоящего исследования. Среди лакун, которые необходимо заполнить, особенно выделяются языковые способы конструирования эвфемизмов в юмористическом дискурсе, представленность эвфемии в различных юмористических жанрах.

Объектом данного исследования являются эвфемизмы русского языка как семантически и эмоционально нейтральные слова и выражения, заменяющие в речи единицы, которые могут быть признаны адресатом неприличными или неуместными.

Предмет исследования – эвфемизмы, выступающие как средство создания комического в структуре русского юмористического дискурса.

Цель работы заключается в рассмотрении эвфемизмов, употребляемых носителями русского языка в современном русском юмористическом дискурсе, как средства создания комического эффекта, инструмента юмора.

Из цели работы вытекают её **задачи**:

1. Рассмотреть понятие эвфемизмов, цели их использования носителем языка, функции в современном русском языке; описать имеющиеся классификации эвфемизмов и историю изучения эвфемии в лингвистике.

2. Провести теоретический анализ понятий юмора и юмористического дискурса, выявить языковые средства создания комического и место эвфемии в их системе; описать историю изучения юмора и юмористического дискурса.

3. Рассмотреть эвфемизмы, создаваемые средствами различных языковых уровней (фонетического, лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического, текстуального) в русском юмористическом дискурсе.

4. Проанализировать стилистические и интертекстуальные средства создания эвфемии в юмористическом дискурсе.

5. Выявить функции, выполняемые эвфемизмами в юмористическом дискурсе и их специфику в сопоставлении с функциями данных языковых средств в других типах дискурса.

6. Рассмотреть особенности эвфемизации как средства создания юмора в китайском языке на фоне русского.

7. Провести анализ эвфемизмов как инструмента создания шутки в наиболее популярных и активно развивающихся жанрах современного русского юмористического дискурса: анекдоте, репризах КВН, детском садистском стихе, ситуационной комедии (ситкоме). Выявить специфику эвфемии в каждом из жанров.

Материалом исследования стали тексты русского юмористического дискурса самых разнообразных жанров. Проанализированы восемь печатных

сборников юмористических текстов («Анекдоты: Верблюды», «Анекдоты (до 16-ти и старше...)», «Лучшие медицинские анекдоты», «Самые лучшие анекдоты и тосты для любого застолья», «Свежие отборные анекдоты» и др.) общим объёмом более двух тысяч страниц, а также около двадцати электронных юмористических ресурсов.

Методологическую базу исследования составили лингвистические труды, посвящённые дискурсу (Н.Д. Арутюнова, В.П. Бадина, А.В. Зеленовская, В.И. Карасик, А.А. Романов и др.); посвящённые юмору, юмористическому дискурсу и комическому (Ю.В. Балакшина, М.М. Бахтин, Н.Г. Беретарь, Л.В. Бородина, С.Г. Воркачев, С.А. Горбунов, М.А. Евстафьева, Л.А. Зелезинская, А.А. Иванюшкин, И.А. Лавринцев, С.Ю. Лаврова, Д.С. Лихачёв, В.Я. Пропп, О.С. Редкозубова); исследования разнообразных языковых средств и способов создания комического (Е.М. Александрова, М.В. Влавацкая, Н.А. Глазова, Т.А. Гридина, Н.А. Давыдкина, Е.Б. Демидова, М.Р. Желтухина, А.А. Иерусалимская, Е.В. Комарова, М.Н. Крылова, Е.С. Малыхина, Л.В. Орлецкая, Т.А. Сандалова, П.В. Середа, Г.А. Хайрутдинова и др.); изыскания в области различных юмористических жанров (Ю.М. Беленький, Н.Г. Бирюков, Д.Г. Букланс, А.А. Горькова, М.А. Гросс, О.Ю. Жильцова, Р.Р. Залялова, А.А. Куляпин, С.А. Логачев, О.М. Месропова, С.Н. Петренко, Ю.В. Шурина и др.); в области особенностей юмора в китайском языке (О.В. Геращенко, Д.Ц. Го, В.Е. Ермоленко, Е.В. Калачинская, Л.В. Косинова, С. Чжан, Ф. Чжэн и др.); работы, посвящённые эвфемизмам и процессу эвфемизации в русском и других языках (Т.Н. Абакова, Ю.С. Арсентьева, Е.А. Костина, А.П. Кудряшова, А.С. Мейриева, Н.В. Прядильникова, Е.П. Сеничкина, М.М. Старук, Е.Н. Степанова и др.) и т. д.

Для достижения цели диссертации и решения поставленных задач применялся комплекс исследовательских **методов**:

1. Описательный метод, использовавшийся для наблюдения за функционированием эвфемизмов в текстах юмористического дискурса.

2. Метод сплошной выборки при подборе языкового материала из текстовых и электронных источников.

3. Метод наблюдения, применяемый с целью получить объективную информацию о языковых способах эвфемии, функциях эвфемизмов и т. д.

4. Методы анализа и синтеза для выявления способов и приёмов использования в юмористическом тексте эвфемизмов, особенностей эвфемизации в разных жанрах юмористического дискурса.

5. Метод сопоставления при сравнении функционирования эвфемии как средства создания комического эффекта в русском и китайском юмористическом дискурсе.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нём впервые предпринимается попытка комплексного описания разноуровневых способов образования эвфемизмов в русском юмористическом дискурсе; определения функций эвфемизмов как инструмента юмора в юмористическом тексте; специфики использования эвфемизации в различных жанрах современного юмористического дискурса. Глубоко рассматривается вопрос о несовпадении формальной (маскирующей) и реальной (открывающей, предъявляющей) сути эвфемизации, противоречии между ними, проявляемом в юмористическом дискурсе и служащем привлечению внимания адресата к шуткам, которые основаны на использовании эвфемии.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она заполняет пробелы в исследовании эвфемии, с одной стороны, и русского юмористического дискурса – с другой; вносит определённый вклад в разработку теории формирования юмора как языкового явления. Расширены теоретические представления о многообразии способов образования эвфемизмов и приёмов их использования; уточнены и детализированы функции эвфемизмов в юмористическом дискурсе. Результаты, полученные в итоге комплексного многоаспектного анализа эвфемизации как инструмента юмора в русском юмористическом дискурсе, могут быть применены с целью дальнейшего

разноаспектного изучения эвфемии в других дискурсах, а также в юмористических дискурсах других языков.

Практическая ценность диссертации связана с возможностью использования её материалов в процессе дальнейшего исследования эвфемизации и языковой составляющей юмористического дискурса. Результаты осуществленного исследования могут найти применение в вузовских курсах стилистики текста, коммуникативной лингвистики, курсах и спецкурсах по лингвокультурологии и лингвопрагматике, в организации научно-исследовательской работы студентов по анализу языка и текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эвфемизмы активно используются в современном русском юмористическом дискурсе, так как и эвфемизмы, и юмор одной из своих важнейших функций имеют нейтрализацию негативных эмоций.

2. Эвфемизм в юмористическом дискурсе выступает как орудие создания комического эффекта, является инструментом юмора. При этом образование эвфемизмов возможно средствами различных уровней языка – фонетического (оперирование созвучиями), лексического (использование метафор, заимствованных слов, антонимов, широкозначных слов и других лексических средств), словообразовательного (обыгрывание словообразовательных средств, конструирование окказионализмов, аббревиация), морфологического (апелляция к семантике указательных и других местоимений, аббревиатур), синтаксического и текстуального (формирование эвфемизма на уровне соответственно предложения и текста) и интертекстуального (применение прецедентных феноменов).

3. В процессе эвфемизации в юмористическом дискурсе используются разнообразные приёмы: стилистический контраст, каламбур, буквализация значения, инфериорность, эффект обманутого ожидания, приём умолчания и др.

4. Функционирование эвфемизмов в юмористическом дискурсе имеет свою специфику, связанную с тем, что здесь для говорящего важно не смягчить негативную информацию, а наоборот, сделать высказывание более острым,

усилив негативное звучание. Это не столько противоречит сути эвфемизма как лингвистического явления, сколько расширяет его функции и возможности использования эвфемизмов в языке.

5. В юмористическом дискурсе отмечается несовпадение формальной и реальной сути эвфемии. К примеру, с формальной точки зрения эвфемизмы служат для маскировки негативной характеристики объекта шутки или для маскировки оскорбления, а реально с их помощью создаются негативная характеристика и оскорбление. Создаётся эмоциональное и стилистическое противоречие между смыслом шутки и языковым способом её реализации. Скрытый характер негативной характеристики или оскорбления делают их ещё более сильными, яркими, привлекающими к себе внимание.

6. Эвфемизмы в юмористическом дискурсе применяются в первую очередь в игровой функции как способ создания шутки, однако она детализируется в конкретных функциях, многие из которых специфичны именно для этого типа дискурса, – функции привлечения внимания, функции маскировки негативной характеристики лица или явления, функции пробуждения воображения адресата шутки, функции маскировки оскорбления, функции политкорректности.

7. В каждом из жанров русского юмористического дискурса эвфемизация имеет свою специфику. Высоко востребованными в небольших по объёму юмористических жанрах являются синтаксические и текстуальные средства эвфемизации. Юмористический текст небольшого объёма (анекдот, реприза КВН) подчинён единому коммуникативному замыслу, служит выражению единого юмористического посыла, и эвфемизм часто становится здесь основным орудием формирования юмора. В шутках КВН эвфемизация служит средством интеллектуального и «вызывающе нетолерантного» юмора. В ситкомх эвфемизация приобретает черты художественного приёма, становится характерологическим, оценочным, сюжетообразующим и эмоциональным средством. В детском садистском стишке, в соответствии с традициями «чёрного» юмора, эвфемизация чаще всего используется для разнообразной и оригинальной номинации смерти героев стишка.

8. Эвфемизация в юмористическом дискурсе редко выступает обособленно; она применяется как комплексное средство, сочетаясь с широким спектром других языковых средств – каламбуром, конкретизацией, гиперболизацией, использованием фразеологизмов, прецедентных феноменов, парцелляций, повторов и т. п.

9. **Апробация работы** проводилась в ходе докладов на научных и научно-практических конференциях: LIV Международная научно-практическая конференция «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, 28 июля – 4 августа 2017 г.), XXX Международная научно-практическая конференция «Культура. Духовность. Общество» (Новосибирск, 17 августа 2017 г.), XXX Международная научно-практическая конференция «Язык и культура» (Новосибирск, 30 августа 2017 г.), XLI Международная научно-практическая конференция «Приоритетные научные направления: от теории к практике» (Новосибирск, 31 августа 2017 г.) и др.. Пять материалов диссертации отражены в научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, в том числе, “Эвфемизмы как средство создания комического в шутках КВН” (“Вестник Костромского Государственного университета”), “Специфика эвфемии в различных юмористических жанрах” (“Вестник Пятигорского государственного университета”), “Способы создания новых эвфемизмов в современном юмористическом дискурсе” (“Преподаватель XXI век”), “Прецедентный текст как актуальный способ создания эвфемизмов в русском юмористическом дискурсе” (“Балтийский гуманитарный журнал”), “Специфика функций эвфемизмов в юмористическом дискурсе” (“Балтийский гуманитарный журнал”).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав (одной теоретической и двух практических), заключения, библиографического списка, включающего 264 источника, списка словарей и энциклопедий из 17 наименований, а также списка из 28 источников примеров.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССМОТРЕНИЯ ЭВФЕМИЗАЦИИ И ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО

1.1. Эвфемизация и история её изучения

1.1.1. Понятие эвфемизации и эвфемизма

Эвфемизацию мы понимаем как процесс создания эвфемизмов, процесс замены табуированного слова или выражения эвфемизмом и как явление использования эвфемизмов в языке. Термин «эвфемия» чаще всего используется как синоним эвфемизации, есть также исследования, в которых эвфемия рассматривается как частный случай (разновидность) синонимии [Алексикова 2009]. Н.А. Ванюшина характеризует эвфемию как намерение и даже потребность языковой личности: «Эвфемия должна быть порождением внутреннего состояния, души говорящего, выражающаяся в использовании определенных лексических единиц и синтаксических конструкций» [Ванюшина 2008: 34]. В большинстве исследований понятия «эвфемизм», «эвфемизация» и «эвфемия» не различаются и употребляются как синонимичные [Васильев 2010; Лазаревич 2011; Полякова 2017 и др.]. Встречается подобное неразграничение понятий и в зарубежной литературе: Ч. Кейни определяет эвфемию как «средство, с помощью которого неприятный, оскорбительный или внушающий страх предмет обозначается косвенным или смягченным наименованием» [Kany 1960: V], имея в виду в данном случае, как нам кажется, эвфемизм. Такая идентификация терминов, по нашему мнению, ошибочна хотя бы потому, что эвфемизм обозначает конкретное понятие (слово или выражение), а эвфемизация и эвфемия – абстрактные (процессы). Достаточно точная их характеристика представлена в дефиниции эвфемии Н.А. Ванюшиной: «...Замена грубых или резких слов и выражений более мягкими, соответствующими конкретной ситуации общения» [Ванюшина 2008: 35]. В связи с этим отождествление

последних двух понятий в некоторых случаях допускается, но необходимо учитывать более сильное значение процесса, динамичности в термине «эвфемизация» за счёт специфического суффикса *-изаци(я)*.

Термин «эвфемизм» является широко используемым и понятным носителю языка, обладающему начальными лингвистическими знаниями. В толковом словаре С.И. Ожегова эвфемизм определяется как «слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное» [Ожегов 1999: 906], причём подразумевается деление эвфемизмов на исторические, связанные с древними табу, и современные, связанные с требованиями вежливости и смягчения неприятной информации, так как представлены два примера: *уснул последним сном* вместо *умер* и *неумен* вместо *глуп* [Там же].

Необходимо отметить связь термина «эвфемизм» с термином «табу». В большом энциклопедическом словаре «Языкознание» под редакцией В.Н. Ярцевой табу определяется как «запрет на употребление тех или иных слов, выражений или собственных имён» [Леонтьев 1998: 501]. В этом источнике, как и в большинстве лингвистических энциклопедий, табу понимается в основном как древнее явление, связанное с выполнением языком его магической функции, то есть «с верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка» [Там же]. Однако в конце словарной статьи есть отсылка к возможному более широкому пониманию табу: «В современных языках к табу можно отнести тенденцию... избегать упоминаний о “неприличных” предметах и т. п.» [Там же]. Представление о существовании у термина «табу» переносного, более широкого значения зафиксировано и в словаре С.И. Ожегова, где указано два толкования: «В первобытном обществе: запрет, налагаемый на какое-нибудь действие, слово, предмет, употребление или упоминание которых неминуемо карается сверхъестественной силой» и второе: «Вообще запрет, запрещение» с пометой «переносное» [Ожегов 1999: 786]. В современных исследованиях понятие «табу» чаще толкуется широко, например, Ч. Чжан указывает, что оно «возникает в сфере общественной жизни на разных ступенях человеческого

развития» [Чжан 2012: 84], Н.В. Соловьева и Л.С. Мартынова отмечают, что табу «выполняет роль препятствия для использования в речи» неприемлемых слов и выражений [Соловьёва 2016: 160]. Нам также представляется более перспективным с точки зрения исследования эвфемизмов в современном дискурсе широкое понимание табу как любого запрета, влекущего за собою использование говорящим эвфемизмов. При этом мы считаем необходимым оперировать и термином «табу» в более узком смысле для наименования магических, исторических запретов. Вообще табу относится к культурным универсалиям [Лич 2001: 46], то есть к представлениям, встречающимся в каждой культуре, свойственным традиции и современному состоянию каждого народа.

Важно учитывать, что табу является не только лингвистическим явлением. В процитированной выше статье из энциклопедического словаря дано основное толкование, указывающее на понимание табу как слова или выражения, в самой же статье сказано, что «бывают табу на те или иные акты поведения, контакты с определёнными людьми, употребление какой-либо пищи, питья, употребление некоторых предметов и материалов» [Леонтьев 1998: 501]. Для обозначения именно слов, подвергающихся табуированию, чтобы отличить их от других табуированных явлений, иногда используется термин «табуизм» [Рудко 2013]. В настоящем исследовании мы будем оперировать обоими терминами как синонимичными.

Несмотря на кажущуюся очевидность значения данного понятия, исследователи воспринимают его по-разному. В большом энциклопедическом словаре «Языкознание» дано следующее определение эвфемизмов: «Эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [Арапова 1999: 590]. В данной словарной статье зафиксировано деление эвфемизмов на этикетные (*пожилой* вместо *старый*) и исторические (*хозяин* вместо *медведь*), а также существование окказиональных эвфемизмов, используемых писателями и поэтами в языке их

художественных произведений. Здесь же объясняется термин дисфемизм как «замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным и т. п., например, загреметь вместо упасть» [Там же]. Связь между эвфемизмами и дисфемизмами, их противопоставление, контрастность, дихотомичность несомненны, поэтому многие исследователи рассматривают эти явления в комплексе [Абакова 2007; Бойко 2005; Бушуева 2005].

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой представлено принципиально иное толкование понятия «эвфемизм»: «Троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова 1969: 521]. Особенностью данного определения является подход к эвфемизму как к стилистическому средству, характеристика его как тропа. Эвфемизмы, выступающие как тропы, выполняют в речи риторическую, художественную функцию, однако она не является для них единственной и первичной.

Наиболее общее, на наш взгляд, определение эвфемизмов дал один из авторитетных исследователей данного явления В.П. Москвин, понимающий их как «лексические единицы или выражения, используемые для замены такого прямого наименования, употребление которого представляется говорящим неуместным (то есть табуируемым) в данной конкретной ситуации» [Москвин 1999: 6]. В этом определении выделен и характер исходного наименования (прямое), и возможная структура эвфемизмов (слова или выражения), и связь эвфемизмов с табу (запретом на то или иное наименование), и зависимость эвфемии от конкретной ситуации. Эвфемизмы вторичны и предназначены для того, чтобы заменить табуированное слово или выражение, поэтому «эвфемизмы недолговечны» [Ларин 1961: 120]. Как только исчезает запрет на упоминание в речи какого-то явления, сразу отпадает необходимость в эвфемии и эвфемизм утрачивает свои заменительные свойства.

Ю.С. Арсентьева отмечает, что эвфемизмы «экстралингвистичны по своей природе» [Арсентьева 2012: 3], то есть обязаны своим появлением фактам внеязыковым, социальным и психологическим. Интересно мнение

Е.О. Милоенко, согласно которому прогресс эвфемии в современном языке связан с «историческим процессом, переживаемым сегодня социумом, что влечёт за собой активизацию целого ряда моделей эвфемистического представления современной действительности» [Милоенко 2009: 3]. То есть сам характер общественного развития способствует выработке всё большего количества ситуаций, в которых употребление эвфемизма является более предпочтительным, чем использование заменяемого им компонента. К наиболее ярким ситуациям относится «политкорректный» запрет на использование наименований некоторых национальностей и расовых типов, наблюдаемый в разных языках: сравним в английском *афроамериканец*, в русском – *лица кавказской национальности*. Можно даже говорить об «устойчивой тенденции к появлению новых тематических групп эвфемизмов» [Кипрская 2005: 5], связанной с характером современных общественных процессов.

1.1.2. Цели эвфемизации в речи

Эвфемизация происходит в языке с определёнными **целями**:

1. «Задобрить» высшие силы, Богов, духов и т. п., которые могут нанести вред человеку, если напрямую назвать то или иное явление. Эвфемизмы такого типа можно назвать магическими, так как они основаны на магической функции языка. Это первичная цель использования эвфемизмов, действующая в языке, начиная с периода первобытного развития человека и до наших дней. К примеру, наши предки верили, что, если назвать напрямую медведя, то можно накликать беду от этого сильного и опасного животного; отсюда целая цепочка эвфемизмов данного понятия в русском языке: *бер – медведь – Потапыч (хозяин, косолапый, Мишка* и др.). Аналогичны по происхождению эвфемизмы, заменяющие понятие *беременная* (чтобы злые духи не услышали и не навредили женщине и её будущему ребёнку) – *будущая мама, ждущая ребёнка, на сносях, тяжёлая* и т. п. Многие неблагозвучные фамилии (*Дураков, Несчастная* и др.) также являются

эвфемизмами такого плана: наши суеверные предки полагали, что, если назваться такой фамилией, то незримые высшие силы не станут вредить и без того страдающему человеку (семье). Верования или суеверия препятствуют называть напрямую богов, духов, всё, связанное со смертью и неизлечимыми, наиболее опасными болезнями. У истоков таких табу – первобытный страх человека перед необъяснимыми для него и опасными явлениями в природе и окружающем мире.

Создание магических эвфемизмов прекрасно обыграно в книгах Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере: главного злодея Волан-де-Морта герои опасаются называть настоящим именем и используют эвфемизмы: *Сам-Знаешь-Кто*, *Тот-Кого-Нельзя-Называть* и др.

2. Быть деликатным, вежливым. С этой целью говорящий старается не называть напрямую смерть, болезни, физические и психические недостатки людей, не именовать прямыми терминами явления «телесного низа», физиологии, секса, появления на свет детей. Л.П. Крысин характеризует эту цель как стремление «не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта» [Крысин 1994: 32]. Примеры: *человек с ограниченными возможностями* (вместо *инвалид*), *особенный ребёнок* (вместо *ребёнок с нарушениями в развитии*), *нашли в капусте* (вместо *родился*), *шлёпнул пониже спины* и т. п. Чем более развивается мораль общества, чем на более высокий культурный уровень выходит социум, тем больше эвфемизмов, создаваемых с целью быть вежливым, деликатным, появляется в языке.

По мнению Н.В. Прядильниковой, эвфемизмы «маркируют... зоны культурного, социального и коммуникативного напряжения» [Прядильникова 2007: 3], то есть с их помощью обозначаются те элементы текста, которые могут внести диссонанс в общение, способствовать разбалансированности социального и культурного взаимодействия субъектов.

Надо отметить, что нередко две названные выше цели (магическое вуалирование и вежливость) сочетаются, что особенно заметно в эвфемизации наименований, связанных со смертью и беременностью. Понять, чего больше,

отголосков суеверных страхов или вежливости, в наименованиях *угаснуть*, *испустить последний вдох*; *носить ребёнка под сердцем* и т. п., очень сложно.

3. Снизить эмоциональность высказывания, сделать его эмоционально нейтральным. Ю.С. Баскова отмечает, что эвфемизмы являются «эмоционально нейтральными субститутами нежелательных или слишком резких обозначений» [Баскова 2006: 3]. Эта цель несколько совпадает с предыдущей, к примеру, наименование *пухленькая* вместо *толстая* будет относиться к обеим группам.

4. В современном языке, особенно в языке СМИ и рекламы, эвфемизмы часто используются с целью «воздействия на аудиторию» [Корчевская 2012: 3]. С их помощью журналист и рекламщик, постоянно ищущий новые способы влияния на читателя, зрителя или слушателя, может изменить мнение и поведение аудитории. Эта же цель актуальна при использовании эвфемизмов в юмористическом дискурсе, где они выступают в первую очередь как стилистическое средство.

5. Ещё одну цель использования эвфемизмов Л.П. Крысин характеризует как «вуалирование, камуфляж существа дела» [Крысин 1994: 33], связанные с устройством социальной системы и наличием в ней органов социального запрета и наказания. Это такие эвфемизмы, как *компетентные органы* (вместо *КГБ, ФСБ* и т. п.), *спецконтингент* (вместо *заключённые*) и др. В постперестроечной России с помощью эвфемизмов данной группы «власть стремится смягчить удары, наносимые населению реформами» [Крысин 1994: 35], например, *непопулярные меры* (вместо *повышение налогов*). В условиях активно ведущихся Россией в последние десятилетия военных действий, как в границах государства, так и за его пределами, камуфлированию подвергаются термины военной сферы: *установление конституционного порядка* (вместо *военная операция*).

6. Ещё одна цель использования эвфемизмов – маскирующая: «сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему» [Крысин 1994: 39]. Если точнее, то информация, поданная с помощью эвфемизмов, станет понятна кругу лиц, которым она предназначена и которые заинтересованы в её получении. Множество примеров заключают в себе объявления о знакомстве с

собственной системой кодировки сообщения: *Хочу познакомиться с девушкой без комплексов* (вместо *готовой к сексуальным отношениям*) и т. п. Впрочем, данная цель пересекается с обозначенным выше желанием быть вежливым и не допускать нарушения этических норм.

7. Цель соблюдения врачебной или военной тайны схожа с табуированием, лежащим у исторических основ появления эвфемизации. В российской медицинской традиции больным не рекомендуется объявлять о том, что у них обнаружено неизлечимое заболевание, поэтому скрываются и заменяются эвфемизмами наименования, обозначающие онкологические заболевания (*новообразование, опухоль, канцер* вместо *рак*). Военная тайна запрещает указывать точное место расположения воинских частей, секретных объектов (эвфемизмы *почтовый ящик, объект* и др.).

8. Такая цель, как необходимость (и/или желание) быть толерантным актуализировалась в сфере эвфемии в течение последних десятилетий. Табуированными стали в первую очередь наименования лиц: *инвалид, нерусский, гомосексуалист, негр* и др. Вместо них используется широкий спектр эвфемизмов: *человек с ограниченными возможностями, некоренное население, лицо иной сексуальной ориентации, афрорусский* и др.

9. Цель завуалировать использование обсценной лексики была присуща эвфемизмам на разных этапах развития языка. Классический пример – замена популярного ругательства на наименование его начальной буквы Х (в русском алфавите до реформы 1917-18 годов носившей название «хер»), а затем приобретение данным названием семантики табуированного слова. В настоящий момент эвфемизмы обсценной лексики широко используются в речи говорящих на русском языке: *ё-моё, ё-ка-ле-ме-не, ёперный театр, блин, твою дивизию, твою такую мамочку*, элементы словообразовательного гнезда с корнем *-фиг-* и др. Происходит даже популяризация употребления некоторых из данных эвфемизмов с помощью СМИ и телевидения, например, популярный молодёжный сериал «Общага» способствовал распространению эвфемизма *типец*, являющегося частью речевого образа одной из главных героинь.

Особенностью и отличительной чертой данных эвфемизмов является их глубоко антикультурная суть: они выполняют функцию только внешней уступки этическим нормам и административным правилам, экспрессия же обценного слова с их помощью практически не нивелируется. М.Н. Крылова характеризует их как одно из проявлений речевой агрессии, а активизацию их использования называет признаком того, что стираются «границы правильного и неправильного, допустимого и недопустимого в речи» [Крылова 2017б: 48].

Исследователи отмечают, что «чем строже табу, тем труднее коммуникантам выбрать оптимальные слова или способ реагирования» [Чжан 2012: 86]. Табу на использование в публичной речи обценной лексики долгое время было одним из самых строгих в русской культуре. Однако сейчас ситуация изменяется, запрет на нецензурные слова и выражения стал менее строгим, несмотря на попытки государства законодательно ограничить их использование, поэтому шире и свободнее используются соответствующие эвфемизмы. Некоторые из них даже практически утратили свои связи с табуизмами, например, слова *блин*, *офигеть* и подобные и воспринимаются говорящими как эмоциональные языковые элементы, а слово *блин* стало распространённым словом-паразитом. Данные примеры ярко демонстрируют, что в языке живо отражаются изменения культурного менталитета народа.

1.1.3. Функции эвфемизмов

Вопрос о функциях эвфемизмов является одним из наиболее актуальных, так как функция связана с намерением говорящего при конструировании, выборе и употреблении в речи эвфемизма, с его коммуникативной задачей, а значит, очень важна для понимания сути и типа эвфемизма. Рассмотрим наиболее важные функции эвфемизмов.

В современном языке одной из важнейших функций эвфемизмов является **манипулятивная**. Это проявляется в первую очередь в языке СМИ, для которых

характерен скрытый характер воздействия. Ю.С. Баскова в кандидатской диссертации характеризует эвфемизмы в СМИ как «слова или выражения, способные вуалировать факты и события, имеющие для общественного сознания заведомо неблагоприятную систему оценок и способные вызвать антипатию» [Баскова 2006: 3].

Данная функция эвфемизмов часто проявляется в политической коммуникации, где особенно важно быть корректным, не переходить границ этически и политически дозволенного. Политическая коммуникация нацелена влиять на аудиторию, ориентирована на пропаганду тех или иных идей и порицание идей политического противника, и последнее невозможно без использования эвфемии. Эвфемизации здесь подвергаются «наименования всего, что может вызвать негативную оценку или оскорбить чувства адресата политической коммуникации, а также целенаправленно воздействовать на общественное мнение» [Обвинцева 2004: 8].

Также выделяется **рекламно-экспрессивная** функция эвфемизмов [Прядильникова 2007: 5]. Используясь в заголовочных комплексах СМИ, эвфемизмы привлекают внимание к публикации и способствуют повышению интереса к изданию в целом. В рекламной индустрии часто необходимо оперировать таким понятием, как *старение* (реклама кремов для омоложения кожи, лекарственных средств и т. п.). И.В. Лаптев отмечает, что данное понятие активно заменяется эвфемизмами (*возрастные изменения, возраст* и др.), чтобы привлечь внимание потенциальных покупателей, не оскорбив их чувств [Лаптев 2015].

Для продуктивного общения, организации коммуникации очень важна **контактоустанавливающая** функция [Прядильникова 2007: 5] эвфемизмов. В условиях, когда собеседники недостаточно хорошо знакомы, эвфемизация речи позволяет создать приятную атмосферу общения и построить его так, чтобы контакт был установлен, а общение стало продуктивным. В более широком смысле данную функцию можно рассматривать как **коммуникативную**, выполняя которую, эвфемизмы служат нормированию коммуникативного

пространства, поиску удобной для обеих сторон общения формы речевого взаимодействия.

Риторическая (художественная, стилистическая) функция [Торопцева 2003: 6] эвфемизмов проявляется в публичных выступлениях и художественном тексте и представляет собой использование эвфемизмов как стилистического средства – для украшения речи, создания повествования в высоком стиле, наполненного торжественным звучанием. Эта функция относится к прагматическому использованию эвфемизмов, когда говорящий стремится оказать воздействие на собеседника и соответствующим образом отбирает языковые средства.

Эстетическая функция эвфемизмов, по мнению Е.Р. Дегтярёвой, «реализуется, прежде всего, в художественных текстах» [Дегтярева 2015: 46], где для автора важно украсить текст, обойти те моменты, которые могут сделать повествование грубым, неприятным для восприятия, нарушающим требования социальной цензуры.

Функция **политкорректности**, которую выделяет Е.М. Лазаревич, состоит в ограничении использования в речи слов и выражений, которые обозначают физические недостатки, умственные и психические расстройства, возраст, внешность, пол, сексуальную ориентацию и т. д. [Лазаревич 2014]. Политкорректность стала актуальным явлением в современной культуре, распространилась в первую очередь в СМИ и через них проникает в обыденное мировосприятие россиян.

В числе прочих функций эвфемизмов можно выделить **игровую (юмористическую)** [Сахно 2006: 7], или комическую [Вострикова 2012], которая и является предметом нашего дальнейшего практического исследования. Эвфемизм выступает как языковой способ создания шутки, средство организации юмористического дискурса. Рассматривают данную функцию как присущую эвфемизмам А.М. Кацев [Кацев 1976], Л.П. Крысин [Крысин 1994], Е.П. Сеничкина [Сеничкина 2006] и другие авторитетные исследователи эвфемии.

1.1.4. Классификации эвфемизмов

Вопрос о классификации эвфемизмов по-разному решается разными учёными. Типология эвфемизмов может иметь различные основания.

Тематическая классификация является наиболее наглядной, так как основана на выделении групп эвфемизмов по сфере табуируемого понятия и семантике обозначающих табу и эвфемизмы слов. Выделяются, например, наименования смерти и болезней, физических и психических недостатков человека, пороков, преступлений, физиологических объектов, непрестижных профессий и др. Одну из первых тематических классификаций эвфемизмов предложил А.М. Кацев [Кацев 1989].

Выделяется **структурная классификация** эвфемизмов, основанием для которой является структура эвфемизма, принадлежность его к словам или сочетаниям. Первая такая классификация была разработана Б.А. Лариным, выделившим «однословные эвфемизмы» и «эвфемистические речения» [Ларин 1961]. Углубивший данную классификацию В.П. Москвин использовал другие термины – соответственно «лексические эвфемизмы» и «эвфемистические сочетания разной степени спаянности компонентов» [Москвин 1999: 6-7]. К первым относятся отдельные слова (*пухлый* вместо *толстый*), ко вторым – сочетания, в том числе фразеологизмы (*протянуть ноги* вместо *умереть*).

Несомненно, необходимо также выделение **уровневой классификации**, основанной на отнесении эвфемизма к тому или иному уровню языка. Существуют эвфемизмы фонетического уровня, когда слово-заменитель подбирается по звуковой аналогии (таковы эвфемизмы обценной лексики: *ё-моё*), лексического уровня (слова), морфологического уровня (прилагательные *известный*, *надлежащий* вместо слов более конкретной семантики) и синтаксического уровня, когда в эвфемизации задействовано целое предложение. Д.П. Хибарин описывает синтаксические способы эвфемии,

основанные на выборе синтаксической конструкции, к примеру, он отмечает: «Замена утвердительной конструкции на аналогичную отрицательную помогает представить злободневные общественные проблемы не очень значимыми» [Хибарин 2016: 405]. С учётом графической фиксации текста выделяются также эвфемизмы графического уровня, образуемые обычно заменой букв в середине или конце слова на точки: *иди на х...* В.З. Санников характеризует их как «наименее интересный вид эвфемизма» [Санников 2002: 537]. Действительно, их образование, во-первых, не является творческим, преобразующим процессом, а во-вторых, не вуалирует смысл негативного элемента должным образом, не нивелирует отрицательной коннотации подразумеваемого слова. В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило указывается также на существование эвфемизации на уровне текста – это «тексты эвфемистического характера» [Жеребило 2010: 462].

Можно также говорить о словообразовательном уровне эвфемизации, когда слово-эвфемизм образуется определённым словообразовательным способом. Например, способом негативной префиксации, в результате которого получается синоним заменяемого слова с префиксом отрицательной семантики (*неумный* вместо *глупый*). Как отмечает Д.П. Хибарин, «с психологической точки зрения отрицание слова с положительной семантикой легче воспринимается реципиентом, чем утверждение отрицательных слов» [Хибарин 2016: 404]. Кроме того, эвфемизмы образуются суффиксальным способом. По мнению Е.Р. Дегтяревой, «характерными словообразовательными чертами эвфемизмов являются суффиксы *-оват/-еват-*, *-еньк/-оньк-* у имен прилагательных и наречий» [Дегтярева 2015: 35]. Имеются в виду формы субъективной оценки: *полновата*, *громковато* и т. п.

Ещё одна типология эвфемизмов – **классификация по способу образования**, согласно которой разными исследователями выделяются метафорические и метонимические эвфемизмы, образованные с помощью аббревиации, иноязычных слов, перефразирования, замены видового понятия родовым и т. д.

Одна из классификаций по способу образования предложена В.П. Москвиным, который выделил четыре разряда эвфемизации. В основе первого лежит двусмысленность речи (используется метафора, метонимия и т. д.), в основе второго – нарочитая неясность (например, замена видового наименования родовым), в основе третьего – нарочитая неточность речи (синекдоха, перенесение с вида на вид), четвёртый разряд предполагает использование прямых наименований зашифрованного объекта, не очень хорошо знакомых носителю языка (заимствованных слов, специальных терминов) [Москвин 1999: 67].

Углубление и расширение классификации по способам образования связано с обнаружением исследователями всё новых способов образования эвфемизмов или с новой квалификацией уже рассмотренных ранее способов. К примеру, польский учёный С. Видлак назвал как средства образования эвфемизмов антонимы [Видлак 1967], Е.П. Сеничкина описала способ прономинализации – замены нарицательного существительного собственным [Сеничкина 2009], Х. Кудлиньска рассматривает отрицательные структуры разных языковых уровней (слова, словосочетания, предложения) в функции эвфемизмов: *нетрезвый* вместо *пьяный*, *не очень любит* вместо *ненавидит*, *не страдает от избытка ума* вместо *глупый* [Кудлиньска 2015] и т. д.

Классификация эвфемизмов по способу образования тесно связана с уровневой, так как способы образования эвфемизмов в первую очередь выделяются на разных уровнях языка. К примеру, подбор слова по созвучию будет относиться к фонетическому уровню (*по ссадику походить* вместо *справить малую нужду*).

Мотивационная классификация основана на выделении групп эвфемизмов, исходя из мотивов эвфемизации. Различными учёными выделялись разные группы эвфемизмов по данной классификации, при этом их типологии во многом совпадали, так как данный подход имеет экстралингвистические основания. Е.Р. Дегтярева выделяет в кандидатской диссертации этические эвфемизмы, «используемые с целью снижения потенциального оскорбительного

эффекта высказывания» [Дегтярева 2015: 39], например, *управляющий по влажной уборке* вместо *уборщица*; правовые, зависящие от «постулатов безопасности» [Там же], «квазисакральные», то есть эвфемизмы-табуизмы (*косолапый* вместо *медведь*, *папа* вместо *губернатор*) и др. Е.Е. Краснова предлагает рассматривать следующие группы эвфемизмов по мотивации: мотивированные чувством страха, например, страха перед смертью (*почить*); правилами приличия (*пятая точка*); деликатностью (*лица, ограниченные в средствах*); желанием замаскировать, скрыть что-то (*превентивный удар*); стремлением облагородить действительность (*исправительное учреждение*) [Краснова 2004: 16-17].

Морфологическая классификация – это выделение среди эвфемизмов единиц различной частеречной принадлежности. Выделяются, во-первых, имена существительные (*афрорусский* вместо *негр*) и имена прилагательные (*пышная* вместо *толстая*), а также местоимения (*некто* вместо имени лица) и глаголы (*отлить* в значении мочеиспускания). Имена существительные используются в процессе эвфемизации наиболее широко, это и заимствованные существительные, и гиперонимы вместо гипонимов, и слова обобщённой семантики, и диминутивы, и аббревиатуры, и многое другое. Превалирование существительных связано, как нам кажется, с номинативным характером эвфемизации, признанной в первую очередь, именовать разнообразные явления. Среди прилагательных также выделяются диминутивы, иноязычные слова, а кроме того – прилагательные с «диффузной» семантикой (*известный, определённый, надлежащий*). Среди местоимений активны указательные – «тот» и «этот». В.С. Листов анализирует их использование в стихотворениях А.С. Пушкина [Листов 2008]. С.Ю. Мамушкина рассматривает междометные эвфемизмы в русском и английском языках и выясняет, что их происхождение – общенная лексика, в которой происходит либо сокращение начального элемента (*Твою мать!*), либо замена слова более мягким (*Пёс с тобой!*) [Мамушкина 2015: 34-35].

Классифицировать эвфемизмы можно также с точки зрения их **общезыкового (узуального) или авторского характера**. Выделяются языковые, знакомые всем, широко используемые эвфемизмы (*пятая точка*) и окказиональные, созданные автором в пределах его литературного произведения с художественными целями. Интересный пример окказиональных эвфемизмов В.О. Пелевина, созданных в рассказе «День бульдозериста», анализирует С.Г. Тетюхин. Герои рассказа, заменив бранные слова лексемами *май, труд, серп* и др., оперируют эвфемизмами *май его знает, какого молота, высерпнуть* и др. [Тетюхин 2014]. Языковые эвфемизмы могут со временем утратить свою функцию эвфемизации, стать нейтральными и прямыми наименованиями соответствующих понятий. Так произошло, к примеру, со словом *уборная* в значении *туалет*, да и с самим словом *туалет*. Окказиональные эвфемизмы дают новый материал для формирования фонда общеизвестных эвфемизмов. По мнению Е.П. Сеничкиной, единственным отличием окказиональных эвфемизмов от узуальных является отсутствие у них «готовой воспроизводимости в речи» [Сеничкина 2006: 53].

Существуют вариации данной классификации, к примеру, Н.Е. Реброва выделяет реальные, потенциальные и окказиональные эвфемизмы. Под реальными она подразумевает языковые, а потенциальные, по её мнению, представляют собой некий буфер между реальными и окказиональными эвфемизмами. Потенциальные эвфемизмы реализуются только в контексте, например, сочетание *сделать это* может потенциально относиться в сфере интимных отношений, к справлению нужды, к совершению преступления [Реброва 2015: 123]. Эвфемизмы, используемые в юмористическом дискурсе, преимущественно окказиональные, яркие, часто неожиданные. Только такие единицы способны быть основой шутки, вызвать смех. Весь мыслительный процесс читателя или слушателя нацелен на выявление смысла юмористического эвфемизма, его декодирование.

1.1.5. Основные подходы к исследованию эвфемизации: история вопроса

Термин «эвфемизм» впервые прозвучал в научном обиходе в середине XVII века, использованный английским лексикографом Томасом Блаунтом в книге «Glossographia» («Глоссография») и обозначавший «хорошую или выгодную интерпретацию плохого слова». «Глоссография» представляла собой сборник выражений, заменяющих в «утончённом» английском языке «жёсткие слова» [Цит. по: Старук 2015: 203].

Научное внимание лингвистов к эвфемии как явлению языка оформилось в западной науке в конце XIX века с появлением схемы семантических изменений Г. Пауля. Данный исследователь, обосновывая семантический подход к эвфемизмам, заложил основы и других подходов, например, психолингвистического, так как причиной возникновения эвфемизмов он считал «чувство стыда», побуждающее говорящего пользоваться не прямыми, а «косвенными обозначениями» [Пауль 1960: 123].

В начале и середине XX века проблемой эвфемизации занимались такие исследователи, как А. Мейе [Мейе 1938], Э. Бенвенист [Бенвенист 1974] и др. Эвфемизмы и процесс их формирования в различных языках начали квалифицировать как семантические языковые универсалии [Ульман 1970: 5-31]. Э. Бенвенист выделял древние и современные эвфемизмы и анализировал эвфемиию как явление лексики и культуры [Бенвенист 1974]. Ш. Балли рассматривал эвфемизмы как одно их проявлений асимметрии в языке, заставляющей по-разному развиваться различные его стороны [Балли 1955]. Первые исследования эвфемизмов развивались в основном в рамках западной науки, хотя уже в первой трети XX века появились публикации российских (советских) учёных. Был распространён подход, согласно которому эвфемизмы рассматривались в первую очередь как элементы культовых традиций, связанные с верованиями и суевериями того или иного этноса. Можно отметить в этой связи исследование Д.К. Зеленина, посвящённое табу у народов Восточной Европы и Северной Азии [Зеленин 1929-1930]. Продолжались

подобные изыскания и в более поздние периоды, к примеру, Н.А. Баскаков анализировал табу в языках народов Алтая [Баскаков 1975].

В 60-80-х гг. XX века в советском языкознании появился ряд значимых публикаций, авторы которых стремились описать эвфемизмы как явление языка, не обязательно связанное с историческими табу, выявить их назначение и функции. Б.А. Ларин в статье «Об эвфемизмах» выделил три основных группы эвфемизмов с точки зрения сферы их использования: общеупотребительные, профессиональные (классовые), семейно-бытовые [Ларин 1961]. А.М. Кацев указывал, что эвфемизмы соотносятся «в сознании участников речевого акта с денотатами вне табуируемого круга» [Кацев 1981: 141]. Появились подробные разделы, посвящённые табу и эвфемизмам в учебниках и учебных пособиях по введению в языкознание, например, в учебнике Л.А. Булаховского [Булаховский 1953] и Р.А. Будагова [Будагов 1965]. Р.А. Будагов рассказывает об этнографических и культурных истоках табу и эвфемии, предлагает различать «эвфемизмы общелитературного языка и эвфемизмы различных жаргонов» [Там же: 107], обнаруживает эвфемизмы в художественной литературе «как своеобразное средство характеристики» [Там же: 110].

Во второй половине XX века в российском и мировом языкознании, представляющем собой многовекторную науку, выработалось несколько подходов к анализу эвфемизмов, и их исследование приобрело междисциплинарный характер.

Выделяется **семантический подход**, сторонники которого опираются на семантическое понимание эвфемизмов как синонимов табуированных слов и выражений (грубых, некультурных, неуместных), имеющих ту же семантику, что и исходные, заменяемые ими единицы. Данный подход разрабатывают И.В. Арнольд [Арнольд 1986], А.В. Баринова [Баринова 2003], Е.Е. Тюрина [Тюрина 1998], В.Ю. Харитоновна [Харитоновна 2008] и другие исследователи. С семантической точки зрения эвфемизация представляет собой «выбор более смягченного слова из синонимического ряда в целях эвфемистического кодирования» [Саммани 2014: 643]. Выступая в первую очередь как синонимы,

эвфемизмы, согласно семантическому подходу, обогащают речь, служат более точному выражению сложных мыслей говорящего.

В рамках семантического (лексикологического) подхода становятся объектами внимания лингвистов и отдельные семантические поля, в которых образуются и функционируют эвфемизмы. А.П. Кудряшова рассматривает семантические области, в которых эвфемизмы наиболее востребованы: «смерть», «болезнь», «возраст» [Кудряшова 2002]. Е.А. Костина рассматривает эвфемизмы-соматизмы, использование которых обусловлено «наличием запретов в сфере телесного» [Костина 2013: 3]. Как наиболее распространённые и значимые она отмечает «метафоро-метонимические фразеологические заменяющие наименования с элементами-соматизмами *живот, голова, кости*» [Там же: 6].

Во-вторых, внимание лингвистов привлекают разновидности эвфемизмов по составу и входящим в них элементам, по способу их образования. Данный подход можно охарактеризовать как **лексико-грамматический**. О.С. Сахно анализирует эвфемизмы синтаксического уровня и рассматривает фразовую номинацию как средство эвфемизации [Сахно 2006]. Ю.С. Арсентьева посвящает своё исследование фразеологизмам-эвфемизмам и считает их отличительной особенностью использование «в ряде случаев возвышенных образов» [Арсентьева 2012: 5], например, *отдать Богу душу* вместо *умереть*. Исследования М.М. Старук также посвящены фразеологическим эвфемизмам. Она, как и Ю.С. Арсентьева, выделяет фразеологизмы-эвфемизмы высокого и низкого стиля, например, заменяющие понятие «смерть»: *почить вечным сном* и *сыграть в ящик*, а также стилистически нейтральные: *отправиться на тот свет*. По мнению М.М. Старук, фразеологические эвфемизмы имеют перед лексическими ряд преимуществ, в частности, характеризуются «большой информативностью, более яркой стилистической окрашенностью, образностью» [Старук 2015: 209].

Структурная лингвистика как ведущее направление в исследовании языковых единиц начала и середины XX века обусловила **структурный**,

системный подход к эвфемизмам. С. Видлак одним из первых рассмотрел эвфемизмы на фоне теории языкового поля. Он выяснил, что эвфемизмы объединяются в различные тематические группы, синонимические ряды, родовые группы и другие парадигматические объединения [Видлак 1967: 273-274], зависящие, по сути, от характера табуированного явления. К примеру, табуируется и заменяется эвфемизмами явление *физиология* (как родовое понятие), а также входящие в него явления *менструация*, *испражнение*, *сморкание* и др., что формирует родо-видовое объединение соответствующих эвфемизмов.

Кроме того, сформировался **стилистический подход** к эвфемии. Сторонники данного подхода С.И. Айтасова [Айтасова 2013], В.В. Андреев [Андреев 2007], Т.В. Бойко [Бойко 2005], О.А. Рутер [Рутер 2007] и др. понимают эвфемизмы как стилистические средства языка, а эвфемию – как стилистический приём, с помощью которого говорящий смягчает выражение своих мыслей. В художественном тексте эвфемизмы выступают как одно из авторских стилистических средств, к примеру, в поэзии М.И. Цветаевой с их помощью происходит «моделирование сюжета художественного произведения, создание фона повествования» [Рутер 2007: 6-7]. Эвфемизмы со стилистической точки зрения служат украшению речи, выполняют «декоративную функцию» [Айтасова 2013: 5], и частое использование способа метафоризации при образовании эвфемизмов – один из сильнейших аргументов для сторонников стилистического взгляда на данное явление. В юмористическом тексте стилистическое использование эвфемизмов преобладает. В.О. Кравчук рассматривает здесь эвфемизмы как один из стилистических приёмов, наряду с использованием эпитетов, метафор, аллюзий и цитат [Кравчук 2015: 83].

С формированием функциональной лингвистики в языкознании стал широко применяться **функциональный подход** (коммуникативно-функциональный) к явлениям языка, в том числе к эвфемизмам. Е.Р. Дегтярева в кандидатской диссертации даёт функциональное описание эвфемизмов современного русского языка. Учитывая теорию коммуникативного акта, она

выделяет типы эвфемизмов с позиций говорящего и с позиций слушающего. В частности, Е.Р. Дегтярева рассматривает влияние на формирование эвфемизмов интенций говорящего и делит эвфемизмы на «интенционально ненагруженные» и «интенционально нагруженные», а среди последних вычленяет эвфемизмы, созданные «с целью ухода от правовых и этических рисков» [Дегтярева 2015: 6]. Функциональный подход позволяет взглянуть на эвфемизмы с точки зрения функционирования их в речи и больше внимания уделить интенциям говорящего при их создании и использовании.

Особенно большой потенциал имеет изучение эвфемизмов с позиций **лингвопрагматического подхода**, предполагающего использование языковых единиц с прагматическими целями, для организации удачного, успешного для обеих сторон речевого взаимодействия. Вежливость является одним из постулатов лингвопрагматики, и именно вежливость, стремление быть тактичным становятся целями использования эвфемизмов в большом количестве случаев. Лингвопрагматический подход проявляется в исследованиях Т.С. Бушуевой [Бушуева 2005], Н.А. Ванюшиной [Ванюшина 2011], М.Н. Садовниковой [Sadovnikova 2016] и других лингвистов. Т.С. Бушуева связывает использование эвфемизмов с речеповеденческими стратегиями самопрезентации, обусловленными «культурой языкового коллектива» [Бушуева 2005: 5], в котором существует индивид. Л.Н. Саакян называет эвфемиию «прагмалингвистической категорией в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения» [Саакян 2010: 3]. В любом случае, прибегая к эвфемизму, говорящий стремится определённым образом воздействовать на собеседника, перестраивает структуру своего высказывания в соответствии с ожиданиями адресата речи, то есть действует в рамках языковой прагматики.

Значительный вклад в исследование эвфемизмов внёс Л.П. Крысин, отметивший в современной речи две противоположные тенденции — «к огрублению речи и к её эвфемизации» [Крысин 1994: 28]. Л.П. Крысин выделил основные темы и сферы эвфемизации. Во-первых, выделяется личная сфера со следующими темами:

- некоторые физиологические процессы и состояния (*освободить кишечник*);
- части тела, связанные с «телесным низом» (*орган*);
- половые отношения (*встречаться*);
- болезнь и смерть (*Его нет больше с нами*) [Там же: 32-33].

Во-вторых, выделяются эвфемизмы социальных сфер, среди которых Л.П. Крысин называет дипломатию (*пойти на крайние меры*), репрессивные действия власти (*применить санкции*), государственные военные тайны (*объект*), действия армии, разведки (*акция*), сферу распределения и обслуживания (*товары повышенного спроса*), отношения между представителями различных социальных и национальных групп (*некоренное население*), некоторые профессии (*оператор машинного доения*) и др. [Там же: 35-36]. Подход Л.П. Крысина, как видим, является **социолингвистическим** и нацелен на выявление социальных целей и социальных сфер использования эвфемизмов. Социолингвистический подход к эвфемии обусловлен экстралингвистическим характером данного языкового явления, преобладанием внеязыкового над языковым в его структуре. Проблему эвфемизации наименований непрестижных и малопрестижных профессий рассматривают также М.М. Старук и В.Ю. Меликян, отмечающие прогресс данного типа эвфемии в современном русском языке (*оператор клининга* вместо *дворник* и т. п.).

Широкое распространение когнитивной лингвистики вызвало внимание когнитивистов и к эвфемии. Можно говорить о ещё одном – **когнитивном подходе** в исследовании эвфемизмов. Л.В. Порохницкая в докторской диссертации рассматривает концептуальные основания эвфемии и выявляет существующий в разных языках «концептуально-метафорический номинативный базис эвфемизмов» [Порохницкая 2014: 4]. О.С. Цыдендамбаева выдвигает понятие «эвфемистическая картина мира», в рамках которой анализирует концептосферу «человек» [Цыдендамбаева 2011].

Е.О. Милоенко использует **психолингвистический** подход и рассматривает эвфемизмы в индивидуальном лексиконе, где они выступают «как достояние человека» [Милоенко 2009: 3]. Психолингвистический подход проявляется также в акцентуализации уважительного отношения к собеседнику как цели эвфемии, исключении возможности оскорбления.

С точки зрения **гендерной лингвистики** подходит к проблеме использования в языке эвфемизмов Г.А. Вильданова. Она выделяет в языке гендерно-вежливые эвфемизмы, отражающие гендерные стереотипы. Исследователь отмечает перенос эвфемизации, связанной с языком женщин, из личной сферы в социальную [Вильданова 2008: 7]. Рассмотрев эвфемизмы в речи мужчин и женщин, В.Ю. Харитоновна наблюдает «свойственное женщинам предпочтение утончённых, завуалированных и уклончивых номинаций» [Харитоновна 2016: 142].

Актуальны при рассмотрении эвфемизмов также **этнолингвистический и лингвокультурологический** подходы, так как эвфемизация отражает особенности национальных традиций и культуры народа. Эвфемизмы, появление которых связано с религиозными и культовыми запретами, лучше других позволяют увидеть особенности развития того или иного этноса, его традиции. Они получили название «исторических» [Сеничкина 2008] и привлекали внимание исследователей во все периоды, благодаря своей высокой информативности, богатому потенциалу в выявлении особенностей исторического и культурного развития этноса, например, [Трубачев 1958]. Однако и другие разновидности эвфемизмов, отражающие этические, нравственные, коммуникативные нормы социума, также чрезвычайно информативны. Н.В. Тишина в кандидатской диссертации сопоставляет эвфемизмы медицинского и педагогического дискурсов русского и английского языков. Наряду с многочисленными чертами сходства в использовании эвфемизмов носителями разных языков, исследователь отмечает, что в английском языке они употребляются чаще. Есть также различия в отдельных семантических сферах, например, в английском языке значительно более

распространена эвфемизация в сфере «Учебная деятельность и школьные предметы» [Тишина 2006: 21]. Чжан Чань сопоставляет эвфемизмы русского и китайского языков и характеризует эвфемизацию как языковую универсалию языков, в связи с чем в русском и китайском языках эвфемизмы имеют больше сходства, чем различий [Чжан Чань 2013]. О.С. Цыдендамбаева сопоставляет явление эвфемии в четырёх языках – бурятском, русском, английском и немецком и выявляет как универсальные черты, так и национально-маркированные особенности в области эвфемизмов [Цыдендамбаева 2011].

Данные подходы актуализировались с развитием антропоцентрической парадигмы в современном языкознании, с появлением у учёных стремления обнаружить в языке факторы, свидетельствующие о связи его развития с развитием языковой личности во всём комплексе её национальных, культурных особенностей, а также в связи с историей народа и общества. Е.Н. Торопцева, к примеру, рассматривает эвфемизмы в аспектах языка, истории и культуры. Она выясняет, что формированию и изменению эвфемизмов способствуют «мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и политическая обстановка» [Торопцева 2003: 18], что говорит о таких важнейших факторах эвфемии, как психологический, социальный и исторический.

Во многих исследованиях эвфемизмов сочетаются различные научные подходы к данному явлению. К примеру, в кандидатской диссертации А.С. Мейриевой – лексико-грамматический, когнитивный и прагматический подходы [Мейриева 2004], в кандидатском исследовании Л.В. Порохницкой – лингвокультурологический и когнитивный [Порохницкая 2004], в работе Чжан Чань – лингвокультурологический и лингвопрагматический [Чжан Чань 2013] и т. п.

Исследователи стремятся описать функционирование эвфемизмов **в различных сферах современного русского языка**. О.В. Обвинцева рассматривает в кандидатской диссертации политические эвфемизмы, и их анализ в русском языке позволяет ей сделать вывод, что в российской политике существует тенденция «считать проблемы государства в целом важнее проблем

отдельного человека» [Обвинцева 2004: 8]. Политические эвфемизмы стали также предметом исследования А.Ю. Мироновой, анализирующей их как «средство реализации стратегии уклонения от истины» [Миронова 2012: 3], А.О. Кагилевой, обращающейся к проблеме политической корректности [Кагилева 2015], В.А. Новоселовой, рассматривающей политические эвфемизмы в региональной прессе [Новоселова 2015], и других лингвистов. Для большинства авторов несомненным является использование эвфемизмов в политическом дискурсе как средства манипуляции общественным сознанием [Громенко 2015; Карамова 2016; Печак 2014 и др.]. С.Е. Полякова рассматривает военно-политическую эвфемизацию [Полякова 2017] как разновидность, используемую в военной и политической сферах.

Эвфемизмам в языке СМИ посвящено кандидатское исследование Ю.С. Басковой, утверждающей, что здесь они являются средством манипулирования [Баскова 2006]. Е.В. Кипрская соединяет две названные ситуации (рассматривает политические эвфемизмы, используемые в СМИ) и акцентирует внимание на их основной функции – «камуфлировании действительности» [Кипрская 2005: 3]. С помощью эвфемизмов в тексте СМИ можно создать более выгодное представление о том или ином явлении политической жизни, завуалировать остроту происходящих событий, показать их более безобидными, более или, наоборот, менее значимыми. Тенденция к использованию эвфемизмов в СМИ в начале XXI века становится всё более определённой и ярко выраженной, и лингвисты отмечают это значительным количеством исследований. Н.В. Прядильникова представляет комплексную характеристику эвфемизмов в СМИ с точки зрения их прагматики, семантики и особенностей функционирования; она концентрирует внимание на различных типах, группах СМИ, специфика которых определяет использование в них эвфемизмов. По мнению исследователя, в «бульварной» прессе, где наблюдается «отказ от способов открытого выражения оценки» [Прядильникова 2007: 16], эвфемизмы используются более активно. Н.А. Ванюшина предпринимает семантический и прагматический анализ эвфемизмов, используемых в СМИ. Она

также считает, что здесь они часто служат целям «камуфлирования действительности и нивелирования негативного воздействия» [Ванюшина 2011: 5], что особенно ярко проявляется в публикациях, посвящённых состоянию экономики, коррупции, отношений между государствами, алкоголизации населения и т. п. Анализом эвфемизмов в публикациях СМИ, посвящённых состоянию экономики, рассматривают И.Н. Никитина [Никитина 2013], С.Н. Орлова [Орлова 2010], В.Ю. Харитонова [Харитонова 2015] и другие лингвисты. По мнению исследователей, использование эвфемизмов в этой сфере связано с «желанием донести информацию до адресата в закодированном виде» [Орлова 2010: 171].

К сфере СМИ примыкает реклама, в которой эвфемизмы также выступают значимым стилистическим средством, призванным как привлекать внимание к рекламной продукции [Корчевская 2012; Пирогова 2014], так и вуалировать негативные наименования, которые могут отпугнуть потенциального потребителя рекламируемых товаров или услуг [Лаптев 2015; Степанова 2017]. Исследование эвфемии в данной области имеет прагматические основания, направленные на выработку продуктивных рекламных стратегий, повышающих уровень потребления товара или услуги.

Эвфемизмы в языке художественной литературы также привлекают внимание исследователей. Э.А. Райчева анализирует литературную эвфимию в языке А.С. Пушкина и отмечает богатство языка поэта «по арсеналу фигур, используемых в эвфемистической функции» [Райчева 2011: 7] и особенную распространённость эротических и этических эвфемизмов при описании понятий, связанных с любовью и смертью. Есть писатели, в языке произведений которых эвфемизмы играют ключевую роль. К их числу относится, к примеру, М.Е. Салтыков-Щедрин [Андреева 2013]. Кроме того, эвфемизмы в художественной литературе рассматривают Л.П. Водясова [Водясова 2016], И.Н. Никитина [Никитина 2015], О.С. Храмушина [Храмушина 2017] и другие лингвисты.

Для нашего исследования актуальным является вопрос о степени изученности использования эвфемизмов в юмористическом дискурсе. Надо отметить, что вопрос об эвфемизации как средстве создания комического ставится исследователями нечасто. Е.Г. Коромысленко отмечает, что юмористическая функция стала выполняться эвфемизмами не так давно и не была свойственна им в древности [Коромысленко 2015а: 41]. Она оперирует понятием «комического эвфемизма» для характеристики данного явления и отграничивает его от «иронического эвфемизма», то есть иронии (сарказма, антифразиса). В.З. Санников затрагивает проблему юмористических эвфемизмов в исследовании, посвящённом языковой игре в русском языке, и описывает некоторые средства создания юмористических эвфемизмов, в частности, гиперболизацию [Санников 2002: 110-115]. Рассматривая темы, по поводу которых создаются юмористические эвфемизмы, лингвисты не могут не отметить преобладание слов и выражений «деликатной темы», или «туалетной тематики» [Коромысленко 2015б: 58]. Е.П. Сеничкина выделяет среди эвфемизмов, имеющих отношение к «деликатной теме», имена собственные (*Кремлёвский Дворец съездов, позвонить в Смольный*) [Сеничкина 2006: 52]. М.Н. Крылова отмечает, что эвфемизация затрагивает в первую очередь такой сегмент русского юмористического дискурса, как неприличная шутка, где «нацелена не на вуалирование смысла, а обыгрывание его и создание яркого комического эффекта» [Крылова 2018: 96]. Несомненно то, что для понимания юмористических высказываний, построенных с помощью эвфемизмов, «необходим высокий уровень лингвистической и культурной компетенции» [Торопцева 2014], то есть общий для адресанта и адресата речи культурный фон.

Интересно мнение О.В. Востриковой, считающей, что, даже при использовании в юмористическом высказывании, эвфемизмы не выполняют комической функции. Юмор при этом «создаётся автором с помощью ряда других стилистических приёмов» [Вострикова 2012: 17], а сами эвфемизмы выступают в ослабленном виде, уже собственно не являясь эвфемизмами. Мы не можем согласиться с подобным утверждением. Скорее всё же в юмористическом

высказывании мы имеем дело с особой функцией эвфемизмов – юмористической, которая, конечно, отличается от других функций, так как эвфемизм здесь нацелен не на смягчение или вуалирование смысла, а на создание шутки. В этом, по нашему мнению, проявляется процесс расширения в современном языке функций эвфемизмов.

Исследователями рассматриваются также некоторые из уровневых типов эвфемизмов, служащих образованию в тексте комического эффекта. Н.А. Давыдкина анализирует употребление с данной целью наречий типа *несколько*, *немного*, «характеризующих низкую степень признака» и выполняющих поэтому «функцию деклассирующих семантических операторов» [Давыдкина 2011: 18]. В качестве современного примера (Н.А. Давыдкина иллюстрирует использование данных наречий примерами из произведений Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева и других классиков) можно привести комментарий из анекдота по поводу названия книги, содержащего обценную лексику: «*Меня, знаете ли, название **несколько** смущает*» [Анекдотов.net 2018].

На фоне широкого распространения в русском юмористическом дискурсе эвфемизации незначительное количество работ, посвящённых данной теме, указывает на необходимость внимательного её изучения, определения способов построения шуток, основанных на эвфемизмах, их структурных типов, сфер их использования, намерений говорящих, применяющих эвфемизмы в юмористическом дискурсе.

1.2. Юмористический дискурс: основные аспекты изучения

1.2.1. Понятие юмора и комического

Юмор является одним из интереснейших явлений человеческой психики, отражающимся в языке, литературе, общественных механизмах и символизирующим способность человека творчески переосмысливать

окружающую действительность, находить в ней элементы, которые нарушают логичность реальности и встраиваются при этом в иную реальность – юмористическую.

В толковом словаре С.И. Ожегова слово *юмор* имеет три значения: ‘понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-нибудь’; ‘изображение чего-нибудь в смешном, комическом виде’; ‘насмешливая и шутливая речь’ [Ожегов 1999: 915], второе значение с пометой «в искусстве». Первое значение демонстрирует понимание юмора как ментального качества человека, отличающее его от других живых существ, второе является специальным и касается в первую очередь художественной литературы (как, впрочем, и авторского сегмента юмористического дискурса), третье является результатом метонимического переноса по модели процесс – результат. Многозначность лексемы *юмор* демонстрирует разноплановость самого данного явления, принадлежность его к разным сферам деятельности человека.

Юмор изучается представителями различных гуманитарных наук. Внимание его анализу уделяют философы: Ю.В. Латышев проводит теоретико-методологический анализ феномена юмора в структуре современного социально-информационного взаимодействия [Латышев 2003]; О.С. Редкозубова подвергает анализу смеховую культуру, присущую студенчеству, как креативно-онтологический феномен [Редкозубова 2010]; проводя социально-философский анализ юмора, Л.А. Зелезинская рассматривает «функции и роль юмора в жизни человека и общества» [Зелезинская 2014: 6]. Социологи стремятся выделить социокультурные особенности юмора и их зависимость от ценностной системы этноса [Беретарь 2006], а также увидеть в зеркале юмора основные социальные страхи [Попов 2015]. Для политологов актуальны вопросы роли политического юмора как инструмента взаимодействия общества и власти [Иванюшкин 2006], как средства политического влияния [Зелезинская 2012] и т. д. Культурологи выявляют культурную сущность различных видов юмора, например, «чёрного» юмора в западном киноискусстве

[Перфильева 2006], отмечают необходимость изучения юмора в контексте национальной культуры [Кознова 2016]. Психологи рассматривают чувство юмора как одно из базовых качеств личности и понимают его по-разному: как обычный поведенческий паттерн, как способность, как черту темперамента, как эстетическую реакцию на юмористический материал, как отношение (к юмору и к людям, обладающим чувством юмора), копинг-стратегию [Ершова 2012: 17]. Литературоведы анализируют юмористическую составляющую как особенность идиостиля того или иного автора: И.А. Гончарова [Балакшина 1999], Ф.М. Достоевского [Мухина 2012] и др.

Понятие юмора соотносится с понятием комического как видовое и родовое: понятие комического шире и включает в себя, наряду с юмором, сатиру, иронию. Первоначально комическое – это философское понятие, «категория эстетики, выражающая в форме осмеяния исторически обусловленное (полное или частичное) несоответствие данного социального явления, деятельности и поведения людей, их нравов и обычаев объективному ходу вещей и эстетическому идеалу...» [Филос. словарь 1991: 197]. Категория комического выделяется в ряду других философских категорий – прекрасного, безобразного, трагического и др.

У истоков изучения категории комического – античные учёные, философы. Ещё Аристотель отмечал в смешном сочетание и даже противоречие антинормы и положительной реакции человека на эту антинорму: «Смешное – это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное; так, чтобы не далеко ходить за примером, комическая маска есть нечто безобразное и искажённое, но без [выражения] страдания» [Аристотель 1957: 53]. Юмор привлекал философов своей жизненной сутью, ярко выраженной связью с человеком, отражением психических и ментальных процессов личности.

П.В. Середа в кандидатской диссертации определяет комическое как «категорию лингвистической прагматики, обладающую социально-критической направленностью, имеющую в своей основе биопсихические,

лингвокультурные, лингвистические и философско-эстетические аспекты» [Середа 2013: 3]. Данное определение представляет попытку синтезировать различные научные подходы к комическому и в то же время характеризует его как лингвистическую категорию, поэтому оно соответствует направленности нашего исследования.

Юмор и комическое могут быть реализованы в разных типах дискурса, но основной сферой их применения в языке является юмористический дискурс.

1.2.2. Юмористический дискурс как тип дискурса

Дискурсивные исследования активно проводятся российскими лингвистами в течение последних десятилетий. Дискурс определяется различными учёными по-разному. Данное понятие может быть соотнесено с текстом: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1998: 136]; с речемыслительной деятельностью: «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных 2003: 113]; с коммуникативной системой: «система коммуникации, имеющая реальное и потенциальное (виртуальное) измерение» [Шейгал 2000: 11] и т. п. Как видно из определений, между исследователями нет единства даже в основных положениях, касающихся сути дискурса, что указывает на сложность и неоднозначность данного понятия. Однако можно назвать несомненным одно – понятие дискурса выходит за пределы языка, символизирует широкий подход к языку, требующий рассмотрения не только собственно языковых единиц (слова, предложения, текста), но и тех явлений и факторов, которые предшествуют речи, сопровождают её, а также следуют за ней.

Дискурс включает невербальные средства языка, прагматическую ситуацию, психологические стороны общения и т. п., он существует в рамках определённого коммуникативного пространства, связан с речевым событием, соотносится с понятиями речевого акта и коммуникативного намерения. М.В. Горбунова предлагает понимать дискурс как «механизм реализации социального взаимодействия в языковой форме» [Горбунова 2008: 163], сочетающий в себе свойства речи как процесса и речи как результата.

Наиболее тесно связан дискурс с понятием «текст»: с одной стороны, он гораздо шире, чем текст, с другой – противопоставлен тексту (дискурс – процесс, а текст – результат), кроме того, дискурс реализуется в тексте. Специфика дискурса и любое его свойство, рассматриваемое лингвистами, зависит от его коммуникативной сути, так как «дискурс всегда ориентирован на собеседника (существующего или потенциального)» [Романов 2005: 127], он предполагает некую коммуникативную стратегию и нацелен на оказание воздействия на адресата речи.

Связь с коммуникативной ситуацией, использование для коммуникации в рамках определённого социального института обуславливают выделение различных типов дискурса в зависимости от цели и обстоятельств речевого взаимодействия. Активно исследуются в современной лингвистике рекламный дискурс [Бадина 2015; Тюрина 2009; Якупова 2017], политический дискурс [Семенец 2016; Тарасова 2017; Черняков 2016], магический дискурс [Гончарова 2012; Филатова 2010], философский дискурс [Зимин 2004; Филатов 2016], судебный дискурс [Климович 2014], проповеднический дискурс [Сахарова 2014] и др. Выделяются и анализируются смешанные и частные типы дискурса: общественно-политический [Воякина 2013], военно-политический [Осипенко 2017], военно-повествовательный [Шевченко 2017], теоретико-теологический дискурс [Романченко 2009], философско-правовой [Гайворонская 2015] и многие другие разновидности. С расширением сфер коммуникации выделяются всё новые разновидности дискурса, и могут возникнуть термины-варианты, к примеру, для обозначения дискурса как явления сферы электронной

коммуникации – «компьютерный дискурс», «интернет-дискурс» и «виртуальный дискурс» [Зеленовская 2014], а также «электронный дискурс» [Козырева 2017]. Различные типы дискурса, направленные на «речевое взаимодействие внутри социальных групп или институтов», называются институциональными, или статусно-ориентированными [Лаврова 2012: 89]. С их помощью организуется взаимодействие между субъектами общения, выполняющими различные роли, например, в педагогическом дискурсе – роли «педагог» и «ученик».

А.М. Морозова утверждает, что юмористическая тональность может появиться в дискурсах разного типа. При этом некоторые институциональные дискурсы (бытовой) более других «предрасположены» к юмору, в них он более естественен, другие (научный, политический, педагогический дискурс) «настроены» на юмор в меньшей степени, здесь переход к юмористической тональности допустим при определённых условиях, а третьи (религиозный, юридический) – вообще отрицают юмор [Морозова 2013б]. Как нам кажется, «предрасположенными» к юмористическим элементам являются также интернет-дискурс, рекламный дискурс и публицистический (медийный) дискурс, реализующийся в СМИ. Предрасположенность здесь определяется более свободным характером общения, значительными элементами устной разговорной речи, эмоциональностью и нацеленностью на оказание сильного воздействия на адресата речи (текста). В любом случае говорящий всегда может применить и воспринять шутку, если она соответствует социальным нормам того дискурса, который используется в данный момент. Необходимость самостоятельной оценки удачности момента, переключения между серьёзным и несерьёзным модусами коммуникаций, к чему говорящий не всегда готов, не исключает неуместных и неудачных шуток [Шилихина 2013].

Как разновидность дискурса рассматривается и юмористический дискурс, по определению являющийся «несерьёзным» и требующий использования комического. Он не является институциональным, так как представляет собой «текст, погружённый в ситуацию смехового общения» [Лаврова 2012: 90]; он отвлечён от социальных отношений, более того, нацелен на разрушение

социальной дистанции, сословных и классовых границ, на игнорирование социальной иерархии, дружелюбие. Черт, отличающих юмористический дискурс от институциональных, множество, но наиболее значимой из них, на наш взгляд, является «опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения» [Карасик 2002: 175]. Институциональные дискурсы предназначены для всяческого поддержания социальных стереотипов, юмористический – разрушает их, уравнивая с помощью смеха людей разного социального статуса, уровня благосостояния. Данное отличие проявляется и на уровне языка: для институционального дискурса наиболее востребованы стереотипные языковые средства, модели, клише, для юмористического дискурса – оригинальные, авторские, окказиональные, в том числе языковые эксперименты, игра.

Определения юмористического дискурса соотносятся с определениями дискурса, поэтому на передний план в дефиниции может быть выдвинуто соотношение дискурс – текст: «Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик 2002: 397] или дискурс – речь: «Юмористический дискурс представляет собой целостную форму речи, характеризующуюся несерьезной тональностью общения, игровым переосмыслением актуальных концептов и стереотипов и преследующую развлекательную цель» [Бочкарева 2013: 249]. Юмористический дискурс характеризуется как «сфера игровой коммуникации» [Там же: 249], в которой большое значение имеет авторское творчество, окказионально-игровые элементы. В работах Т.А. Гридиной рассматривается ассоциативная стратегия языковой игры как формы лингвокреативной деятельности [Гридина 2008, 2018]. Н.А. Лаврова отмечает: «Игра является неотъемлемой частью деятельности людей, в том числе речевой деятельности и речевого поведения» [Лаврова 2010: 161], а значит, игра является важнейшей составляющей дискурсивной деятельности. Поэтому юмористический дискурс выступает как один из наиболее востребованных языковой личностью дискурсов, один из самых древних, наиболее органично вписывающийся в специфику деятельности человека на всех этапах развития общества.

В дискурсивной системе русского языка юмористический дискурс является компонентом игрового дискурса, другими элементами которого являются пародийный и развлекательный дискурсы [Карасик 2014: 248-265; Воркачев 2016: 26].

Организация коммуникации в рамках юмористического дискурса является непростой задачей. Цели, способы и стратегии взаимодействия участников юмористического дискурса рассматривает А.А. Тирская на примере телевизионного юмористического дискурса. Она отмечает, что успешным взаимодействие делают «игровой настрой коммуникантов, их активное участие в дискуссиях, высокая степень вовлеченности, общность понимания, эмоциональная близость» [Тирская 2012: 40]. Т.А. Гридина в современном радиодискурсе выделяет такой жанр, как прикол, и анализирует приемы языковой игры, на которых строится стратегия общения ведущих с радиослушателями [Гридина 2014]. Общение в рамках юмористического дискурса должно исключать возможность оскорбления, что сложно с учётом провокационного характера юмора, а также речевой агрессии, заложенной как неотъемлемая составляющая во многие жанры юмористического дискурса, например, в «бытовой» анекдот [Князян 2015].

С.Г. Воркачев обращает внимание на такое важное свойство юмористического дискурса, как интеллектуальность. Игра требует применения сформированных познавательных способностей и в то же время способствует их формированию. Одной из целей юмориста является стремление «вызвать у получателей речи удивление и восхищение» [Воркачев 2016: 28], что невозможно без значительной интеллектуальной составляющей. Интеллектуальность является важной компонентой такого личностного качества, как чувство юмора (остроумие), относящееся «к надстроечным категориям *homo sapiens* как высшего социального представителя земной фауны» [Наумов 2017: 100]. Более того, чувство юмора рассматривают как составную часть эмоционального интеллекта [Горбунов 2015].

Произведения юмористического дискурса имеют содержательную и формальную (языковую) составляющие. С точки зрения формы юмористического высказывания наиболее значим вопрос о тех средствах языка, которые использует говорящий для репрезентации юмористического смысла.

1.2.3. Языковые средства комического

Средства создания юмористического эффекта обнаруживаются на всех уровнях языка.

Выделяются **фонетические средства** создания комического. И.В. Цикушева характеризует их следующим образом: «Фонетическая шутка непритязательна и создаёт непринужденность обстановки, характеризуя свободное отношение к форме речи и возбуждая эстетическое удовольствие» [Цикушева 2008: 92]. С юмористической целью могут использоваться звукоподражания, метатеза, аллитерация, омофоны. Например, в анекдоте обыгрываются омофоны – одинаково звучащие слова разных языков:

«– *Ту тикетс ту Даблин!*

– *Куда, блин?*

– *Туда, блин».*

И.В. Цикушева рассматривает применение данных средств в русских сказках [Там же]. Е.С. Малыхина анализирует их применение Е.Л. Шварцем в сказке «Золушка», отмечая в первую очередь аллитерацию [Малыхина 2016]. А.Н. Матрусова и А.Г. Столярова описывает использование с целью достижения комического эффекта фонетической стилизации [Матрусова 2016]. Е.М. Александрова дополняет данный перечень такими фонетическими средствами создания языковой игры в русских анекдотах, как обыгрывание «твёрдых и мягких согласных, редукция гласных в безударной позиции, а также оглушение звонких согласных на конце слов» [Александрова 2014: 523]. Автор приводит

пример, в котором «редукция гласных в безударной позиции способствует возникновению паронимии, обуславливающей двусмысленность»:

«– Надо стараться произносить больше позитивных слов: счастье, радость, умиротворение...

– Умер от варенья?» [Там же: 526].

Фонетическая игра – это всегда игра одновременно со звуком и смыслом, нередко она происходит в рамках каламбурного преобразования.

Если юмористический текст репрезентируется в письменной форме, то актуальными становятся также **графические средства** создания комического. П.В. Середа выделяет среди них «обыгрывание сокращений и аббревиатур, визуального сходства графического облика буквы с каким-либо предметом или фигурой, а также графическую контаминацию» [Середа 2015: 148], например, обыгрывание аббревиатуры: «**ЖЭК** – *Потрошитель*» [Там же: 152].

Активно используются говорящими как механизмы конструирования комического **лексико-стилистические средства**, представляющие собой лексический и стилистический потенциал языка. Сюда относятся обыгрывание омонимов, однокоренных слов, паронимов, использование полисемии, а в стилистическом аспекте – столкновение лексики различных функциональных стилей, использование тропов. М.В. Влавацкая отмечает большое значение сочетаемости как способа создания комического эффекта с использованием лексических средств языка – многозначных слов, омонимов, антонимов, паронимов, а также при обыгрывании фразеологизма [Влавацкая 2016]. В приводимых автором примерах мы видим, как, по мнению исследователя, «сочетаемость сталкивает прямое... и производное значения слова»:

«– Вот выпадет снег, ударят морозы...

– А я тогда не выйду на улицу.

– Почему?

– А чтоб меня морозы не ударили» [Там же: 95]

Лексико-семантическая сочетаемость нарушается говорящим намеренно и целенаправленно, при этом создаются условия бытия языковой единицы,

противоречащие её «существованию в системе языка» [Там же: 94]. И.В. Цикушева относит к лексическим средствам комического также алогизмы, перифраз [Цикушева 2008]. Например, алогизм: *«Ой, мама! Значит, я уже умер. Скорее в больницу побегу!»*.

Столкновение лексики, различной по стилистической окраске, встречается в следующих вариантах: разговорная лексика может использоваться официальными лицами, величественными героями; грубые слова и выражения – положительными героями; канцеляризмы – неискренними персонажами. Анализируя сказку Е. Шварца «Золушка», Е.С. Малыхина отмечает: «В речи мачехи время от времени используются канцеляризмы, что обнаруживает непомерно высокое самомнение этой героини, не соответствующее тому, что она действительно собой представляет». Также может быть смешана лексика разных исторических эпох [Малыхина 2016: 45]. «Нарушение стилистических норм сочетаемости слов» как средство создания комического в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова рассматривает Е.Б. Демидова, выделяя столкновение общеупотребительных слов, с одной стороны, с просторечными, а с другой – со словами «высокой» окраски, а также включение в художественный текст канцеляризов. Например, смешение высокой и разговорной лексики: *«Совершенно освирепев, Никанор Иванович **отверг** кресло и **завопил**»* [Демидова 2015].

Из тропов актуальными средствами создания комического являются метафора, метонимия, сравнение, гипербола, литота, аллегория, антифразис (ирония), оксюморон и др. Метафора рассматривается как источник комического эффекта в медийном дискурсе [Щурина 2009], в политическом дискурсе [Желтухина 1998] и других сферах использования языка. Использование с юмористическими целями гиперболы, литоты, иронии, метонимии и других тропов описывает Н.А. Глазова, по мнению которой «буквализация метафоры, ирония, силлепс, гипербола, литота» «обладают комическим ореолом», то есть ярко выраженным комическим потенциалом. Пример буквализации метафоры, приведённый автором: *«Человек может **вынести** все, если его не остановить»*

[Глазова 2015: 24] – обыгрывается значения слова *вынести*. Творческий характер юмористического дискурса и юмора вообще предполагает обращение к языковым элементам, обеспечивающим наибольшую оригинальность речевого продукта, что и делает тропы важными составляющими в системе юморообразующих средств.

Яркими языковыми средствами создания юмористического эффекта являются **фразеологические средства**, представляющие собой различные способы игры с формой и содержанием фразеологической единицы. Выделяются трансформация формы фразеологизма (полная или частичная), буквализация или переосмысление его значения и другие способы. Л.В. Орлецкая в кандидатской диссертации указывает на высокие возможности фразеологии как инструмента юмора и когнитивную специфику происходящих при этом процессов [Орлецкая 1994]. Фразеологические средства создания юмора исследуются на материале языка как классических авторов (Е.В. Комарова рассматривает их в пьесах-шутках А.П. Чехова [Комарова 2016], К.А. Феоктистова анализирует с этой целью произведения В.В. Маяковского [Феоктистова 2016]), так и современных: М.Н. Крылова выделяет множество примеров различной юмористической трансформации фразеологических единиц в текстах А.В. Жвалевского, И.Е. Мытько и других современных авторов. Пример из сказки «Личное дело Мергионы»: «*В центре было врезано монументальное “Окно выдачи за всё по полной программе”*» – совмещены устойчивые выражения *окно выдачи* и *получить по полной программе* [Крылова 2017а: 96].

На **уровне деривации** также могут наблюдаться творческие авторские находки в образовании комического эффекта. Е.Б. Демидова относит к ним у М.А. Булгакова «деривационный», или «аффиксальный повтор», то есть использование в пределах одного текстового фрагмента однокоренных слов с различными аффиксами: *неизвестно – известно, застёгивая – расстёгивая* и т. п. [Демидова 2015: 393].

Грамматические средства создания комического проявляются на морфологическом и синтаксическом уровнях языка. К **морфологическим**

средствам относятся обыгрывание рода и падежа существительных, спряжения глаголов, образования грамматических форм и др. Г.А. Хайрутдинова рассматривает морфологические юмористические приёмы в художественной речи, отмечая такие средства, как «повторение слова в разных грамматических формах (полиптиот), отклонение от языковых норм» [Хайрутдинова 2008: 305]. В русском языке, обладающем богатой системой склонения и спряжения, полиптиот как игра падежными или глагольными формами очень актуален. Г.А. Хайрутдинова приводит интересный пример нарушения норм из сказки Ф.Д. Кривина «Глупый король»: *«Но он отвечал, что я ерунжу, что в случае чего я очучусь в незавидном положении. Но теперь я его убежу не словами, а превосходящей живой силой и техникой, я обезлюжу его королевство!»* [Там же: 308]. Чжон Тэ Он отмечает искусную игру нелитературными грамматическими формами М.М. Зощенко [Чжон Тэ Он 2000]. Е.Б. Демидова обнаруживает в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» такое яркое морфологическое средство создания комического эффекта, как «приём использования устаревших форм различных частей речи, несвойственных современному русскому языку» [Демидова 2015: 393].

Синтаксические средства создания юмора предполагают обыгрывание нарушения управления, использование семантических особенностей отрицательных предложений и др. В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» это соединение далёких по смыслу фраз, «алогичное употребление союзов и частиц» и другие средства [Демидова 2015: 394]. Пример алогичного использования союзов и частиц, при которых сочетание не связанных по смыслу слов и фраз предстаёт перед читателем как параллельное, логически осмысленное: *«Надавать администратору по морде, или выставить дядю из дому, или подстрелить кого-нибудь, или какой-нибудь ещё пустяк в этом роде, это моя прямая специальность...»* [Там же]. Синтаксические средства комического также могут быть стилистическими, выразительными (антитеза, параллелизм, градация, риторические вопросы и др.).

Наиболее ярким языковым приёмом создания комического является **каламбур** (игра слов, языковая игра). Е.М. Александрова говорит «о расцвете языковой игры» в современной коммуникации: рекламных слоганах, заголовках и т. д. [Александрова 2014: 523]. В словаре-справочнике лингвистических терминов каламбур определяется как «фигура речи, состоящая в юмористическом использовании многозначности слова или звукового сходства различных слов» [Розенталь 1985: 103]. Как видно из этого определения, к каламбурам относятся шутки, основанные прежде всего на лексических средствах – многозначности и омонимии (включая смежные с омонимией явления), однако более современный подход состоит в широком понимании данного понятия: «Каламбур основан на игре значений, созвучий, сочетаний и форм» [Крылова 2012: 61]. То есть каламбуром может быть названа любая языковая игра, и использоваться при этом могут не только полисемантические слова и омонимы, но и паронимы (парономазия), созвучия (фонетические каламбуры), «народная этимология», фразеологизмы, однокоренные слова, логические несоответствия, грамматические формы, синтаксис, окказиональные авторские образования и т. д. [Там же: 62-63]. Г. Чжэн отмечает значимость каламбурных авторских окказионализмов юмористического характера при создании фэнтезийного мира в книгах А.В. Жвалевского и И.Е. Мытько о Порри Гаттере. К таким авторским новообразованиям относятся, к примеру, придуманные писателями смешные заклинания: *Боингус-747-вертикалис-взлётус-зависатус*, *Шлепкус вмятикус капиталис* и др. [Чжэн 2016: 55].

Современные исследователи рассматривают разные типы каламбура. П.В. Середа в кандидатской диссертации анализирует омонимию и многозначность как инструменты языковой игры и выделяет при этом различные типы многозначности, не только лексическую (полисемантическую слова), но и фразеологическую (буквализацию фразеологизмов), синтаксическую [Середа 2013].

Приём **контраста** является одним из основополагающих при создании юмористического высказывания, так как само комическое предполагает

контраст, противоречие – «несовместимость мыслей, соединение мыслей, взаимоисключающих друг друга, вообще несоответствие чего-либо чему-либо» [Степанова 2009: 3]. Контраст проявляется в юмористическом дискурсе при помощи разноуровневых приёмов – от обыгрывания антонимов до антитезы, на уровне фонетики, лексики, грамматики, синтаксиса. На контрасте построены и антифразис: *«Вот так умница!»* – тому, кто умницей не является; и каламбур: *«Западная жизнь стала для нас западней»* (М. Задорнов); и алогизмы: *«Он обещал на съезде, что родит роман и сына»* (И. Ильф); и оксюморон (*старый новый год*), и многие другие средства комического.

Ещё один приём создания комического – использование **прецедентного текста**, разнообразные аллюзии. А.А. Иерусалимская анализирует прецедентный текст как способ языковой игры в предполагающей «соревнование в остроумии» интернет-коммуникации. Прецедентные тексты здесь обыгрываются такими способами, как эффект обманутого ожидания, антитеза, грамматическая аллюзия и др. [Иерусалимская 2014: 569]. Автор шуток, обращаясь к прецедентному тексту, использует свободу владения этим источником своего адресата и играет на перестроении прецедентного текста. В детской юмористической книге выделяются также аллюзии, «отсылающие к каким-то историческим фактам и событиям, но выстроенные таким образом, что выглядят комично» [Чжэн 2016: 55]. Эта игра, в которую охотно включаются авторы и адресаты шуток, демонстрирует распространение постмодернистских приёмов в широких слоях современной культуры. Прецедентное имя используется как средство комического не только в юмористическом дискурсе, но и в других типах дискурсов, например, в медицинском [Казакова 2013].

На фоне названных выше средств создания комического «эвфемизация продолжает оставаться одним из ведущих процессов современного русского дискурса» [Костина 2013: 6] и заслуживает внимательного изучения.

1.2.4. История изучения юмора и юмористического дискурса в российском языкознании

В исследование комического значительный вклад внёс М.М. Бахтин, на многие годы определивший основные подходы к юмору и комическому в российской науке. В книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтин рассмотрел природу и историю развития юмора, комического, уделил большое внимание простонародным юмористическим элементам и их отражению в авторской юмористической литературе, описал культуру средневекового карнавала [Бахтин 1990]. Оригинальный психологический подход к комическому разработал В.Я. Пропп, по мнению которого сама по себе действительность не является комической и осмысливается в таком плане именно личностью, субъектом, допускающим в своём представлении возможность смешного в окружающем мире [Пропп 1999]. Д.С. Лихачёв и А.М. Панченко в работе «Смеховой мир Древней Руси» рассмотрели смех как часть истории и культуры народа, как явление, сочетающее разрушительное и созидательное начала. В смеховой культуре Древней Руси они отметили «направленность на наиболее чувствительные стороны человеческого бытия» [Лихачёв 1976: 9].

В современной лингвистике подвергаются изучению различные жанры юмористического дискурса. Чан Тхань Тунг классифицирует юмористические жанры по уровню их сложности, или по структуре и выделяет наиболее простой, первичный жанр – «шутку в виде бытовой реплики»; более сложные, вторичные жанры – «афоризм, велеризм, анекдот», «пародию, пустоговорку, частушку» и, по-видимому, все малые жанры, а также сложные жанры – «юмористический или сатирический рассказ, сатирический роман» [Чан Тхань Тунг 2014: 9]. М.В. Паршина определяет вторичный речевой жанр как «тип текстов, структурным элементом которых выступает первичный речевой жанр» [Паршина 2015: 4], то есть все жанры юмористического дискурса генетически

восходят к шутке, разворачивают и развивают установки и специфику построения, заложенные в этом малом жанре.

Развёрнутый перечень жанров юмористического дискурса представляет А.М. Морозова. В центре данной жанровой системы она помещает шутку, а далее, по мере удаления от центра – «анекдот, байку, розыгрыш..., насмешку, издёвку, юмористический или сатирический рассказ, ироническую поэзию, фельетон, сатирический роман, пародию, пустоговорку, частушку, лимерик, детские шутливые стихи... и велеризм». Периферийными юмористическими жанрами исследователь называет афоризм и эпиграмму [Морозова 2013а: 220].

Шутке как первичному и центральному юмористическому жанру посвящено немало лингвистических исследований. Ю.В. Шурина в кандидатской диссертации рассматривает шутку с позиции теории речевых актов, анализирует механизмы её функционирования. Она считает шутку «результатом нестандартного, творческого подхода к языку» [Шурина 1997: 4], видит её специфику в разрушении реальной действительности, её искажении. О.М. Месропова, проанализировав жанры шутки и анекдота, отмечает, что их когнитивной целью является «представление картины мира в комическом ракурсе» [Месропова 1999: 5]. О.Ю. Жильцова выделяет формы шутки – «вопрос/ответ, короткая байка» и отмечает, что характер шутки репрезентативен, он раскрывает особенности создавшего её человека, его «речевые привычки и пристрастия, художественный вкус» [Жильцова 2014: 460].

Для всех исследователей юмористических жанров несомненно особое положение анекдота в жанровой системе юмористического дискурса. Л.В. Бородина в кандидатской диссертации анализирует его с позиций антропоцентризма, стремясь обнаружить отражение в анекдоте «человека изображенного» и «человека говорящего» [Бородина 2015: 3] и связывая с антропоцентричностью «специфику построения текста анекдота», а именно «его политематичность или диффузию тем» [Там же: 4]. А.М. Морозова отмечает его особую интертекстуальную природу, утверждая, что анекдот не существует сам по себе, он всегда вписан (в текст практически любого жанра, в ситуацию), а

кроме того, «способен функционировать как прецедентный текст» [Морозова 2013а: 220]. Лексические средства создания комического в русском анекдоте рассматривают Е. Хохонин и Е.А. Шедогубова, отмечая как наиболее распространённые «приёмы каламбура полисемию и омонимию» [Хохонин 2017: 111]. В диссертационных исследованиях анализируются механизмы функционирования метафоры в анекдоте [Нагуш 2006], лингвокогнитивные аспекты профессионального анекдота [Залялова 2007], национально-культурные основы анекдота [Хрущева 2009] и другие аспекты изучения данного малого юмористического жанра. М.В. Паршина обращает внимание на эволюцию жанра анекдота и отмечает, что изменения в его содержании связаны с «ценностными установками и представлениями» языковой личности, их динамикой на современном этапе развития общества [Паршина 2015: 7]. А.Т. Князян описывает гендерную специфику «бытового» анекдота, проявляемую, в частности, в том, что «женщины используют вербальную агрессию для выражения гнева, а мужчины – для повышения социального статуса» [Князян 2015: 94].

Значительные лингвистические исследования посвящены жанру литературной пародии: рассматриваются риторико-герменевтические аспекты её языка [Яшина 2002], её когнитивные и лингвостилистические особенности [Лушникова 2010] и другие вопросы. Активно исследуется также жанр басни: рассматриваются лингвостилистические особенности её текста [Полуянова 2001], языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни [Микова 2011] и т. д. Языковые особенности фельетона также привлекают внимание исследователей с точки зрения интертекстуальных включений в текст фельетона [Сандалова 1998], с точки зрения семантико-прагматических особенностей [Логачев 2009] и т. п.

Жанровая система современного юмористического дискурса подвижна. К примеру, несколько лет назад появились новые жанры – небольшие юмористические стихотворения «пирожки» и «порошки», бытующие в интернет-пространстве, сразу занявшие прочное место «между фольклором и

литературой» [Петренко 2014]. Подвижность жанровой системы проявляется также в том, что некоторые юмористические жанры становятся менее актуальными, реже используются. Так произошло, например, с жанром эпиграммы, которая была широко распространена в литературе XIX века и начала XX века [Горькова 2014; Добрицын 2005; Кушлина 1983], а сегодня практически не востребована.

В современном языкознании актуальными являются исследования того или иного явления с позиций разных научных парадигм. Юмористический дискурс анализируется с точки зрения **когнитивной лингвистики**. Когнитивное обоснование юмора, рассмотрение когнитивных механизмов его возникновения проводит Е.Е. Семенова [Семенова 2010]. Когнитивные условия восприятия интеллектуального юмора анализируют Е.В. Белоглазова и Л.И. Шмелевич, выделяющие в данном виде юмора позиции «интеллектуальной сложности и особые требования к идеальному адресату» [Белоглазова 2014: 189]. Авторитетным исследователем когнитивных механизмов юмора стала М.В. Мусийчук, выделяющая когнитивные механизмы, воспроизводящие основания юмора, – «коммуникативный, креативный, гелозоический, аксиологический» [Мусийчук 2010: 52]. С.Ю. Лаврова и Ю.Ю. Бочкарева рассматривают концепты «ум» и «глупость» в дискурсе двух поколений российских юмористов – М.М. Жванецкого и резидентов «Comedy club». По их мнению, юмор поколения М.М. Жванецкого выполнял интеллектуальные задачи – «заставить аудиторию думать, размышлять», а юмор современных молодых юмористов имеет другие цели – «поразить, эпатировать публику, создать нечто своеобычное, качественно новое» [Лаврова 2009: 35], что обуславливает разницу и в используемых ими языковых приёмах создания комического.

На стыке когнитологии и прагматики проведено кандидатское исследование Л.И. Шмелевич, рассмотревшей когнитивно-прагматические основания порождения юмористического эффекта. Автором делаются интересные выводы: «...Семантико-когнитивным основанием для порождения юмористического эффекта является конфликт на уровне концепта», а

«прагматическим основанием для порождения юмористического эффекта является конфликт между ожидаемым коммуникативным поведением, предписываемым прагматическими правилами, и реальной коммуникацией» [Шмулевич 2015: 6]. Оба вывода очень любопытны и способствуют пониманию механизма воздействия юмористического дискурса на адресата шутки.

С.А. Петренко, рассматривая лингвокогнитивный статус юмористического дискурса, обращает внимание на обязательность «нарушений максим, принципов кооперации в языке, приводящих к юмористическому итогу» [Петренко 2016: 92].

Лингвокультурологические исследования юмористического дискурса предполагают выделение тех особенностей юмора, которые отражают культуру нации и личности, имеют антропоцентрические основания, демонстрируют внутренний мир, ментальность человека посредством создаваемого им юмористического высказывания. Одним из основных понятий с позиций лингвокультурологии является национальный юмор. Действительно, такие явления как английский юмор, итальянский юмор, французский юмор стали общепризнанными и активно исследуемыми. И.В. Вержинская отмечает: «Каждая нация со временем приобретает свою уникальную форму юмора, созданную на основе жизненно-исторического опыта» [Вержинская 2012: 107]. В настоящий момент в филологии нашли своё изучение особенности юмора практически каждой нации: Ш. Моу проводит лингвокультурологический анализ русского юмора [Мой 2015], Е.В. Мартынова – анализирует развитие юмора в США [Мартынова 2016], особенности британского юмора стали предметом анализа Д.А. Павлюк [Павлюк 2015] и т. д.

Прагматический потенциал юмористического дискурса несомненен для современных исследователей, особенно с учётом высокой востребованности юмора в современной рекламной, медийной и шоу-индустрии. **Прагмалингвистические исследования** юмористического дискурса ведутся многими лингвистами. М.А. Воробьева рассматривает коммуникативно-прагматическую направленность комического в произведениях В.Н. Войновича.

Она отмечает: «Языковые средства обладают коммуникативно-прагматической заданностью на достижение какого-либо эффекта, предусмотренного автором» [Воробьева 2006: 5]. Д.И. Суровегина анализирует концепт смеха в прагмалингвистике [Суровегина 2016].

Проводятся также исследования юмора и комического в психологическом ключе, с позиций **психологии** и **психолингвистики**. И.Ф. Бревдо в кандидатской диссертации стремится раскрыть психологический механизм разрешения неоднозначности в шутке, выявить «универсальные и специфичные стратегии построения шутки как факторы, облегчающие или затрудняющие её понимание» [Бревдо 1999: 18]. М.Г. Ситдикова рассматривает «психолингвистические механизмы возникновения комического в письменной речи выпускников средней школы» [Ситдикова 2013]. Комическое здесь является результатом ошибок и коммуникативных неудач школьников. Д.Е. Барашева и М.А. Морозова рассматривают «анекдот как средство профессиональной деятельности психолога» [Барашева 2017: 50] и отмечают его значительные психотерапевтические возможности.

Оформилась как отдельная научная дисциплина, выделившись из психологии, гелотология – наука о смехе. Смех рассматривается психологами как «выразительное движение» [Козинцев 1999: 97] и по-прежнему является для них во многом загадочным явлением, так как «вопрос о том, что же он выражает, так и остался неразрешенным» [Там же]. Несмотря на загадочность явления, его внешнее воздействие вполне конкретно, это «благоприятное влияние смеха на психику людей, потому как юмор позволяет индивидууму расслабляться, получать эстетическое удовлетворение и даже поднимать самооценку» [Лукьянова 2015: 152]. Подъём самооценки происходит, кстати, за счёт отрицания, которое психологи признают важнейшим свойством комического. Отрицая в объекте смеха соответствие норме, человек ощущает себя нормальным и таким образом самоутверждается.

Исследование юмористического дискурса очень перспективно и может проходить в рамках различных научных парадигм, с точки зрения содержания, структуры, коммуникативной направленности и т. п.

Выводы

Эвфемизмы представляют собой одно из наиболее активно развивающихся явлений современного русского языка. И в личной, и в социальной сферах говорящие всё чаще предпочитают не пользоваться прямым наименованием, заменить его на смягчающее выражение. У явления эвфемии значительные исторические корни: она восходит к табуированию наименований, связанных с магическими понятиями, религией, суевериями, страхами, и заменой их на более нейтральные, «разрешённые» слова и выражения. В современном языке историческая эвфемия присутствует как отражение древних традиций, верований, однако более распространённой на данном этапе развития языка стала эвфемизация социального типа, целями которой являются желание говорящего быть деликатным, вежливым; снизить эмоциональность высказывания; воздействовать на аудиторию; завуалировать, скрыть существо дела; замаскировать что-либо; соблюсти военную или врачебную тайну; быть толерантным; завуалировать (узаконить) использование обценной лексики.

С целями эвфемизмов связаны и выполняемые ими в языке функции: манипулятивная (эвфемизмы выступают как средство влияния на адресата речи), рекламно-экспрессивная (эвфемизмы используются с целью рекламы, продвижения товара, с целью обратить на высказывание внимание реципиента), контактоустанавливающая, или коммуникативная (эвфемизмы служат средством установления и поддержания контакта в ситуации общения), риторическая, или художественная (эвфемизмы в тексте выступают как риторические, стилистические средства), эстетическая (с помощью эвфемизмов украшается, «улучшается» высказывание, текст), функция политкорректности (эвфемизмы заменяют в тексте наименования, которые признаны общественным мнением неpolitкорректными). Одной из основных функций эвфемизмов

является также игровая (юмористическая), выполняя которую, эвфемизмы служат средствами создания комического, шуток, юмористических высказываний. В тексте различные функции эвфемизмов могут сочетаться.

Существуют различные классификации эвфемизмов: тематическая – на основе семантики эвфемизма (наименования магических объектов, названия лиц по возрасту, наименования из сферы физиологии и др.); структурная – на основе принадлежности эвфемизма к слову или словосочетанию); уровневая – на основе уровня языка, к которому относится эвфемизм (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические и др.); классификация по способу образования – в зависимости от способа создания эвфемизма (метафора, иноязычное слово, перефразирование, отрицательные слова и сочетания и др.); мотивационная – на основе мотива эвфемизации (этические, мотивированные чувством страха, деликатностью и др.); морфологическая – по части речи эвфемизма (имена существительные, прилагательные, местоимения и др.); классификация с точки зрения закреплённости в языке (языковые, потенциальные, окказиональные).

В лингвистике проводится рассмотрение эвфемизмов с различных точек зрения, в рамках разных научных подходов. Семантический подход предполагает анализ эвфемизмов с точки зрения синонимической замены ими табуизмов; лексико-грамматический подход – это анализ эвфемизмов по составу, по способу образования; системный подход к эвфемизмам требует рассмотрения их на фоне тематических групп, семантических полей и других парадигматических объединений; стилистический подход – это подход к эвфемизму как к средству языковой выразительности; функциональный подход – их анализ с точки зрения функционирования в речи; лингвопрагматический – с точки зрения целей говорящего при использовании эвфемизмов в коммуникации; социолингвистический – с точки зрения сферы использования эвфемизмов, личной, профессиональной, дипломатической, политической и др.; когнитивный подход к эвфемизмам предполагает выявление их концептуальных оснований; психолингвистический – личностных, психологических основ

эвфемизации; гендерный подход нацеливает исследователя на выявления гендерной специфики эвфемизмов; этнолингвистический и лингвокультурологический подходы предполагают рассмотрение отражения в эвфемии традиций, культуры, менталитета народа и особенностей отдельной личности.

Эвфемизмы используются в различных сферах языка: политической коммуникации, экономическом дискурсе, СМИ, рекламе, художественной литературе и др. Одной из сфер, где востребована эвфемия, является юмористический дискурс.

Юмор представляет собой сложное явление и изучается философами, социологами, политологами, культурологами, психологами, литературоведами, лингвистами и представителями других гуманитарных дисциплин. Комическое и юмор как его разновидность отражают историческое развитие общества и формирование личности индивида, реализующего себя через юмор.

Юмористический дискурс является одной из разновидностей дискурса, противопоставленной институциональным дискурсам (политическому, философскому, юридическому, медицинскому, педагогическому и др.) отсутствием стереотипов речевого поведения, разрушением коммуникативных норм, языковой оригинальностью, творческим началом. Его изучение в современном языкознании ведётся в нескольких направлениях, в рамках различных научных парадигм – с позиций когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, лингвокультурологии и др.

В жанровой системе юмористического дискурса выделяется шутка как первичный и центральный жанр, а также вторичные жанры – анекдот, байка, пародия, афоризм, частушка, розыгрыш, лимерик и др. Наиболее сложными и объёмными вторичными жанрами являются юмористический рассказ, сатирический роман. Жанровая система юмористического дискурса постоянно развивается и пополняется новыми жанрами (например, малые жанры интернет-дискурса «пирожки», «порошки»), что указывает на динамичный характер юмористического дискурса.

В современном русском языке выделяются разнообразные средства создания комического эффекта, юмора: фонетические, графические, лексико-стилистические, словообразовательные, морфологические, синтаксические; а также приёмы: каламбур, контраст, использование прецедентных феноменов. Эвфемизация выступает одним из оригинальных приёмов создания комического в юмористическом дискурсе.

ГЛАВА 2. ЭВФЕМИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Способы образования эвфемизмов в современном юмористическом дискурсе

2.1.1. Эвфемизмы на фонетическом уровне

Эвфемизмы используются в самых разнообразных дискурсах, обслуживают различные ситуации общения. Для того чтобы продуктивно провести анализ их употребления в юмористическом дискурсе, необходимо сразу же конкретизировать предмет исследования. Мы будем рассматривать только те случаи функционирования эвфемизмов в юмористическом тексте, в которых они выполняют особую роль – служат средством создания шутки, инструментом юмора. Например, в анекдоте *«Женщины не любят **пожилых** мужиков не за то, что они **в годах**, а за то, что те знают им настоящую цену»* [Мухин 2017: 43] использованы эвфемизмы слова *старый* – *пожилой* и *в годах*. Однако юмор создаётся не с их помощью, то есть применение эвфемизмов здесь не связано с юмористическим характером дискурса. Примеры подобного типа не будут привлекаться нами в качестве материала для исследования.

Эвфемизм как способ языковой и логической игры может создаваться средствами разных языковых ярусов – фонетического (с помощью звуков), словообразовательного (с помощью морфем и моделей словообразования), лексико-фразеологического на уровне лексем и фразем), морфологического (с использованием различных частей речи), синтаксического и текстуального (на уровне предложения и текста).

Фонетический способ образования эвфемизмов заключается в использовании вместо запрещённых, табуированных слов лексем, отличающихся от них каким-то звуком (звуками) и созвучных им. Например, в шутке *«Мальчик Петя ударил молотком по пальцам трудовика и получил **пять**.*

По крайней мере, ему так слышалось» [Шутки КВН 2018] обыгрывается созвучие слова *пять* и распространённого обценного ругательства. Юмористический характер описываемой ситуации усиливается за счёт взгляда на неё «глазами ребёнка», просто не расслышавшего бранное слово и невинно принявшего его за хорошую оценку.

Фонетические эвфемизмы касаются практически исключительно замены обценных слов. В бытовой жизни, в обиходе они используются очень часто (*ё-к-л-м-н, пипец, блин*). Они заменяют обценные слова, которые называются (реже заканчиваются) такими же звуками. Причиной появления данных эвфемизмов в бытовой речи является обычная ситуация: говорящий начинает произносить нецензурное слово, уже говорит первый звук (слог), а затем понимает, что произнести ругательство полностью недопустимо в данной ситуации. Тогда слово заканчивается по-другому и появляется фонетический эвфемизм: *ё-перный театр, ёшкин кот* и т. п. В юмористическом дискурсе эвфемизмы фонетического уровня встречаются реже, чем лексического, так как шутка, в отличие от непринуждённой бытовой речи, продумывается.

Фонетическая игра даже позволяет говорящему использовать в анекдоте обценные ругательства в практически неизменном виде, если они комбинируются с другими словами или являются частями других слов: *«Последние исследования в области спортивной гребли установили, что в двухместной байдарке обычно находятся два загадочных существа, называющихся **Гребибля** и **Гребубля**»* [Самые лучшие анекдоты 2017: 125]. В данном случае фонетическое средство сочетается с графическим: при восприятии письменного текста более отчётливо будет видно, что сконструированные наименования являются именами собственными.

Могут обыгрываться отдельные звуки, которые входят в табуированные слова – грубые ругательства. Такие эвфемизмы сочетают признаки фонетических и графических. Сокращение позволяет соотнести эвфемизм с другим словом, которое может быть точно так же сокращено, в результате появляется возможность для языковой игры и скрытого оскорбления.

«– *Жанна, Жанна Ижевская. Ижевская. Через “Ж”.*

– *У Жанны Аркадьевны всегда всё через “Ж”...*» [Моя прекрасная няня 2018].

С помощью созвучия обценного слова или вульгаризма с другими словами русского языка в юмористическом дискурсе может создаваться дисфемизация – «замена естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым» [Ахманова 1969: 137]. Применение дисфемизации мы видим и в примере, приведённом выше: упоминание о том, что фамилия Ижевская пишется через букву «Ж», вполне естественно, а соотнесение этого факта с созвучным ругательством грубо и служит оскорблению одного из участников диалога.

Ещё один пример подобного типа:

«– *Скажите, а как пишется слово “хирург”, через Е или через И?*

– *Ну, если хороший, то через И*» [Самые лучшие анекдоты 2017: 45].

Адресату шутки предлагается представить, как будет выглядеть слово *хирург*, если написать его через букву Е, и соотнести получившееся слово с обценным ругательством. Мотивом для подобных шуток является созвучие, при создании их фонетическая игра сочетается с орфографической.

Целью дисфемизации, создаваемой на фонетическом уровне, является демонстрация реципиенту созвучия бранного элемента и некоего слова (сочетания), которое обозначает понятие, заслуживающее, с точки зрения говорящего, обценной характеристики. В любом случае подобная дисфемизация выдвигает на передний план явление негативное. Оно может касаться личной сферы (пример с эвфемизмом «*Через “Ж”*»), социальной среды (пример со словом *хирург*) и т. п.

Основанная на созвучиях фонетическая игра может быть самоценной – игрой ради игры. Но чаще всего она таковой не является: её функцией становится негативная характеристика какого-то явления.

Применение дисфемизмов отражает в языке «агрессивность, негативную экспрессию» [Азнабаева 2009: 487]; в процессе фонетической дисфемии

наблюдается практически ничем не прикрытое использование обценной лексики, которая, хотя и дана не полностью, а одним-несколькими звуками или вписана в другое слово, но явна для обеих сторон – и говорящего, и слушателя (читателя). Юмористические тексты такого типа дают говорящему разрешение выругаться, легализуют нецензурную и вульгарную лексику. При этом нельзя не отметить психотерапевтической функции, которую выполняют дисфемизмы, они «обладают компенсационными качествами, восполняя эмоциональный дискомфорт носителей языка» [Там же: 488]. Кроме того, в приведённых примерах дисфемизация всё же сочетается с эвфемизацией, так как грубые слова не приводятся полностью. А игровой характер, каламбурное соотнесение между собой сходно звучащих слов свидетельствуют о творческом подходе говорящего к различным ресурсам русского языка, в том числе грубой лексике.

Как видим, фонетические средства (точнее, фонетико-графические) служат не столько эвфемизации, сколько противоположно направленному процессу – дисфемизации. На фонетико-графическом уровне эти явления причудливым образом смешиваются.

2.1.2. Образование эвфемизмов на лексическом уровне

Эвфемизмы являются средствами вторичной номинации, поэтому их образование на лексическом уровне является наиболее распространённым, можно сказать, основным. Е.А. Костина, рассматривая эвфемизмы-соматизмы в русском языке, выделяет такие способы их образования: «Метафоризация, метонимия, эпонимия, использование терминов иноязычного происхождения, средства инфериорности, перенесение с рода на вид, прономинализация» [Костина 2013: 5]. Как видим, все названные исследователем способы можно отнести к способам лексического уровня. Е.Н. Торопцева в кандидатской диссертации делает вывод: «Самым продуктивным способом образования эвфемизмов является перенос значения» [Торопцева 2003: 17]. С данными

исследователями нельзя не согласиться. Действительно, эвфемизация на лексическом (шире – лексико-фразеологическом) уровне языка и такое её проявление, как метафоризация, очень широко распространены.

В юмористическом дискурсе могут наблюдаться два явления, связанные с использованием эвфемизмов: во-первых, создание новых эвфемизмов, во-вторых, обыгрывание уже существующих в языке эвфемизмов. Рассмотрим данные явления.

Создание эвфемизмов – сложный когнитивный процесс, а в юмористическом дискурсе – это процесс ещё и творческий, так как языковой личности необходимо удивить адресата, рассмешить его. В этом случае мы наблюдаем игру, основанную на понимании говорящим и слушателем сути эвфемизации, на знании обоих о существовании эвфемизмов, способах их создания и умении продуцировать эвфемизмы самостоятельно с юмористическими целями.

Способом создания эвфемизма нередко является **метафоризация**, при которой основанием использования слова в качестве эвфемизма является сходство. Метафора представляет собой «употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений [Розенталь 1985: 128]. Например, в анекдоте говорится о соревнованиях по плаванию среди подводников:

«Все плывут кролем, а Иванов на спине.

– Иванов, ты почему на спине плывёшь?

*– Настоящий подводник должен плыть **перископом** вверх!»* [Самые лучшие анекдоты 2017: 128].

Сфера эвфемизации «ниже пояса» очень распространена в юмористическом дискурсе. Лексема *перископ* в данном анекдоте обозначает ‘мужские гениталии’, а метафора, применённая в анекдоте, содержит намёк на состояние эрекции. Мы видим семантику сходства явлений, послужившую основой для эвфемизации.

Метафоризация предполагает использование вместо табуированного, неназванного понятия слова в переносном значении, указывающего с помощью сходства на табуируемый элемент. При этом точное сходство сопоставляемых явлений не обязательно, более того, порой отсутствие прямого сходства между сопоставляемыми явлениями (табуированной единицей и эвфемизмом) и служит основным способом создания юмористического эффекта. Например:

«Разговор во время танца:

– Девушка, я читаю ваши мысли, потому что вы как открытая книга.

*– Читайте, пожалуйста. Только перестаньте поглаживать **обложку**...»*

[Анекдоты 1994: 19].

Эвфемизм *обложка* обозначает в данном случае какую-то часть тела девушки, скорее всего, ягодицы, хотя, возможно, и просто спину (это тот случай, когда точно установить завуалированный предмет и сложно, и не нужно), а причиной метафоры, её основанием является фразеологизм *как открытая книга*, употреблённый в первой фразе анекдота-диалога.

В качестве эвфемизма может использоваться **заимствованное слово**. Оно призвано завуалировать смысл, сделать его менее явным для реципиента. При этом эвфемизмы могут быть весьма далёкими по значению от заменяемого явления. Например: *«Ах ты, подлец! Немедленно убери от меня свой грязный лайк. Я – замужняя женщина!»* [Бугага 2018]. Здесь использовано слово *лайк*, являющееся калькой английского *to like* – ‘нравится’. Данным заимствованным словом среди пользователей социальных сетей называют условное выражение материалу, пользователю, фотографии одобрения при помощи нажатия соответствующей кнопки. Юмор интенсифицируется, так как это слово очень популярно в сети, как собственно и обмен лайками между пользователями. В процитированном анекдоте слово *лайк* обозначает внимание, оказанное мужчиной замужней женщиной. Сказать точно, какое именно понятие или действие нейтрализуется с помощью эвфемизма, сложно, скорее всего, улыбка, подмигивание.

Очень активно используется в юмористическом дискурсе такой способ эвфемизации, как **широкозначные слова**. Одной из первых начала разрабатывать проблему широкозначности в языке Н.Н. Амосова, определившая широкое значение как «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [Амосова 1961: 127]. В юмористическом дискурсе вместо табуированной лексемы в предложение вводится слово с более широким, общим значением. Например: *«Гурману на заметку: порой отведать **корейской кухни** можно в ближайшей придорожной шашлычной»* [Шутки КВН 2018]. Широкозначное выражение *корейская кухня* в данном случае является эвфемизмом и заменяет более конкретное по значению выражение *блюда из собак*. С одной стороны, это апелляция к фоновым знаниям об особенностях корейской кухни, неприемлемых для российской культуры, с другой – намёк на то, что в некоторых заведениях общепита можно найти продукты, приготовленные из некачественного, фальсифицированного сырья.

Широкозначные слова и выражения помогают избегать прямых наименований, если речь идёт о предметах, называть которые прямо этически неуместно. В юмористическом дискурсе они становятся средствами логической игры, в частности, в примере, приведённом выше, стимулируется логический поиск реципиента.

Как отмечает В.Г. Шабаев, «широкозначность сопутствует многозначности, перекрещивается с ней» [Шабаев 2014: 196]. В примере видно, что глагол *войти* является многозначным, и эвфемистическое значение (кстати, не зафиксированное словарями эвфемизмов) – одно из многих в его семантической структуре. Однако особенность широкозначного слова в том, что его широкое значение (первичное, прямое) не исключает переносных, а включает их в себя, что активно используется в юмористическом дискурсе. Отличия между многозначными и широкозначными словами уже несколько десятилетий активно обсуждается исследователями. В.К. Колобаев видит его в том, что

«многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий; слово с широким значением всегда обозначает одно понятие, которое является настолько широким, что охватывает ряд понятий» [Колобаев 1983: 11]. Конкретизация значения широкозначного слова происходит в тексте. Для юмористического дискурса этой конкретной семантикой становится эвфемистическая.

Широкозначные единицы выступают в юмористическом дискурсе как лексические единицы со значением неопределённости, а в тексте они получают более определённое, совершенно конкретное значение. Юмор создаётся за счёт контраста между неопределённостью общезыковой семантики лексической единицы и определённой её эвфемистического значения.

Юмористический эффект, который достигается за счёт использования в тексте широкозначных слов и оборотов, основан именно на широком значении, предполагающем изначально возможность различного понимания: *«Новости: В Китае после отъезда русской сборной на Великой Китайской стене обнаружена Великая Русская надпись!»* [Шутки КВН 2018]. И только собственное мышление слушателя (читателя) гарантирует более конкретное понимание широкозначного слова (сочетания), например, для приведённой шутки: *Великая Русская надпись* – это ‘обценная лексика’. То есть читатель, воспринимая такой текст, понимает, что критерием отбора конкретного значения из нескольких возможных является его собственное восприятие действительности, его фоновые знания. Приведённый пример интересен также тем, что эвфемистическое сочетание сконструировано по модели уже существующего: *Великая Китайская стена*.

Схож с приёмом использования широкозначных слов способ, при котором эвфемизмом является родовое понятие (гипероним), употреблённое вместо видового (гипонима). Отличие в том, что родовые понятия – это «более конкретизированный тип широкозначных лексем» [Федюк 2009: 203], в то время как широкозначные слова обладают «категориально-широким значением» [Там же]. Например: *«В летнем лагере детям не терпелось открыть подарки, но*

вожатый потерял штопор» [Шутки КВН]. Использованное в предложении слово *подарки* (гипероним) заставляет адресата шутки предположить, что речь идёт о конфетах, игрушках, фруктах и других типичных подарках, которые родители привезли детям в летний лагерь. Однако упоминание штопора приводит к мысли, что под подарками подразумевалось вино.

Эвфемизмы могут быть **антонимами** тех слов или сочетаний, которые они заменяют в юмористическом дискурсе, то есть способом эвфемии на лексическом уровне выступает антонимия. Придать эвфемизмам антонимическое значение, взглянуть на них по-новому, помогает каламбур. Так происходит, к примеру, в случаях «чёрного» юмора:

«Мужик возвращается домой из больницы, где проведывал тёщу:

– Врач сказал, что твою маму скоро выпишут.

– И что конкретно он сказал?

*– Что надо **готовиться к худшему**»* [Самые лучшие анекдоты 2017: 212].

Готовиться к худшему – оборот, обозначающий ‘готовиться к смерти’, его употребляют врачи и близкие больного, когда он неизлечимо болен и скоро умрёт. Этот эвфемизм в языке выполняет смягчающую функцию и призван указать на смерть, не называя её напрямую. В анекдоте он переосмысливается полностью: для зятя худшим, чем смерть, является возвращение тёщи домой. Эвфемизм некогда был образован с помощью широкозначного слова, в юмористическом переосмыслении этому слову сначала возвращено широкое значение, а затем оно снова конкретизировано, но на этот раз по-другому и приобрело антонимическое значение. Анекдот посвящён одной из популярных тем русского юмора – теме плохих отношений тёщи и зятя, и сложно понять, зять издевается над умирающей тёщей или он глуп и просто не понял доктора.

Возможно также создание эвфемизма на базе **фразеологической единицы**. Например, в анекдоте *«С одной стороны – она просто супер, но с другой стороны – лицо»* [Анекдотов.net 2018] обыгрывается значение модального выражения *с одной стороны*. Понятое в прямом значении, оно является эвфемизмом и подчёркивает, что женщина по-разному выглядит с

разных ракурсов (Сравним с пословицей: «*Сзади пионерка, спереди пенсионерка*» в значении ‘о женщине с некрасивым, пожилым лицом, но стройной фигурой (выглядающей на первый взгляд моложе своих лет’ [Мокиенко 2007: 500]). Вслед за данным выражением буквализируется, как следствие, и его грамматическая пара – с *другой стороны*.

Обыгрываться может только один из лексических элементов в составе фразеологической единицы:

«– *Что со мной произошло? – пробормотал человек, приходя в себя после операции.*

– *Вы попали в автомобильную катастрофу, и вас прооперировали.*

– *Значит, я в больнице?*

– *Ммм... Да, большей частью»* [Самые лучшие анекдоты 2017: 47].

В этом примере буквализация коснулась фразеологизма *большой частью*, имеющего значение ‘преимущественно, в основном’ [Булыко 2007: 18]. Обыгрывается слово *часть*, обозначающее в данном случае, скорее всего, ампутированные конечности человека. Этот пример «чёрного» юмора демонстрирует готовность говорящего шутить над самыми страшными событиями, которые могут происходить в жизни.

Особенно изобретательны авторы текстов юмористического дискурса при конструировании выражений, имеющих значение ‘совершить половой акт’. Чем неожиданнее и оригинальнее будет подобранное выражение, тем более удачной становится шутка. Например:

«*Парень провожает девушку. Подходит к дому:*

– *Ну что же, вы так далеко меня провожали, давайте зайдём ко мне, чайку попьём...*

– *Ну хорошо, только я сначала зайду в аптеку, что-нибудь... к чаю куплю...*» [Анекдоты 1994: 7].

Скрытый смысл выражения *чайку попьём* становится ясен благодаря слову *аптека* (появляется намёк на покупку презервативов), в противном случае выражение не приобрело бы значения ‘совершить половой акт’. Представим, к

примеру, вместо обстоятельства *в аптеку* в анекдоте обстоятельство *в магазин*. С помощью шуток данного типа стимулируется лёгкое, изобретательное отношение к обозначению сексуальных отношений, к этой теме в общении и потенциально – к сексу.

Приведённые примеры показывают желание говорящего поместить сферу сексуального в игровое поле, репрезентировать её в языке разнообразно и изобретательно, удивляя читателя или слушателя. Функция смягчения, вуалирования смысла в данном случае вступает в наиболее продуктивные отношения с игровой функцией эвфемизма.

При создании эвфемизмов в юмористическом дискурсе может использоваться такой приём, как **инфериорность** – недостаточность информации. Во многих приведённых выше примерах данный приём используется. Рассмотрим его более подробно. Табуированное понятие (как правило, связанное с сексуальной сферой или obscene лексикой) просто изымается из текста, не заменяясь эвфемизмом. Эвфемия состоит в отсутствии элемента: «*Ученик слесаря навсегда расстаётся с детством после первой фразы слесаря...*» [Шутки КВН 2018]. На месте отсутствующего (подразумеваемого) элемента в данном примере видим многоточие. По-видимому, подразумевается, что слесарь много нецензурно выражается. Недостаточность информации компенсируется за счёт фоновых знаний адресанта и адресата. Несомненно, текст, образованный с использованием данного способа эвфемизации, будет сложен для восприятия иностранца.

Инфериорность становится приёмом образования эвфемистических острот в формате телеэфира, где присутствуют строгие этические ограничения, особенно в телепередачах ведущих каналов. Например:

«– *И вообще, давай поговорим, наконец, как мужчина с мужчиной.*

– *Мне неинтересно обсуждать, как мужчина с мужчиной*» [Шутки КВН 2018].

В данном примере опущен глагол с семантикой ‘совершают половой акт’. Он не заменён эвфемизмом, а просто исключён из предложения. Одновременно

происходит обыгрывание фразеологизма *как мужчина с женщиной*, что усиливает юмористический эффект. В лучших традициях юмора подразумеваемая скабрёзность действует на адресата гораздо сильнее, чем представленная эксплицитно.

Инфериорность может быть связана не только с пропуском элементов, указывающих на сексуальные отношения и обценную лексику. Может опускаться совершенно безобидная информация. Например: *«Мне нужны сильные эмоции! Пойду посмотрю счета за коммунальные услуги»* [Бугага 2018]. Здесь опущена информация: *«высокие счета»*, о которой эвфемистически сообщается при помощи первой фразы и упоминании о сильных эмоциях. То есть инфериорность представляет собой своеобразную игру, в которой адресату шутки предлагается достроить неназванные элементы информации. Приведённый пример демонстрирует также самоиронию говорящего, юмористическую реакцию на нерадостные события.

Результатом создания эвфемизмов являются яркие, авторские, окказиональные слова, выражения и значения, которые появляются в юмористическом дискурсе. Рассмотрим теперь случаи **обыгрывания** в юмористическом дискурсе уже существующих в языке эвфемизмов.

Средством столкновения различных значений многозначного слова, а также омонимов, становится **каламбур**, очень характерный для русского юмора. Как отмечает М.Н. Крылова, «с помощью языкового чутья, тончайшего понимания языковой семантики и структуры создатель каламбура объединяет, заставляет пересекаться и играть схожее и различное в языке» [Крылова 2012: 61]. Например, в шутке *«На самом деле, только жена Черчилля реально понимала, что такое “Синий Winston”»* [Шутки КВН 2018] обыгрываются два значения слова *синий* – значение цвета и семантика ‘пьяный’. Автором шутки подмечено, что наименование сигарет *Winston*, которые бывают в синей пачке, каламбурно соотносится с именем Черчилля в его английской орфографии. Чем в более разных плоскостях находятся каламбурно сопоставляемые явления (в данном случае пачка сигарет и видный политический деятель), тем ярче шутка.

Для каламбура важно, чтобы у обыгрываемого слова было несколько очень ярких и плохо сопоставимых друг с другом значений. Чаще всего такими значениями обладают омонимы, но некоторые многозначные слова также имеют значения такого типа:

«Деловая женщина сидит в баре. К ней подходит мужчина:

*– Здравствуйте! Разрешите **предложить** свою **компанию**...*

*– А почему вы хотите её **продать**?» [Сергеев 2009: 25].*

Юмор ситуации создаётся за счёт столкновения значений *компания* ‘общество, группа лиц, проводящих вместе время’ – *компания* ‘торговое или промышленное предприятие, торгово-промышленное объединение предпринимателей’ [Ожегов 1999: 288]. Сочетание *предложить свою компанию* является эвфемизмом (в словарях отсутствует), в котором слово *компания* употреблено в первом значении. Суть шутки в том, что деловая женщина не в состоянии понять смысла эвфемизма ‘провести вместе вечер’, так как её ум настроен иначе, *компания* для неё – это предприятие, и она понимает слово во втором значении. Вышучивается как смягчающий характер эвфемизма, которым пользуется мужчина, так и изменения в женском менталитете, произошедшие в 90-х годах прошлого века и приведшие к появлению нового типа женщин – деловых леди.

Шутка также может быть построена на явлении обратном, противоположном метафоризации, – **буквализации** эвфемизма. Буквализация представляет собой «стилистический приём, который состоит в том, что метафорическое выражение нарочито осмысляется и употребляется в прямом (буквальном, непереносном) значении» [Сковородников 2014: 75]. В нашем случае метафорическим выражением является эвфемизм, который понимается одним из персонажей описываемой ситуации буквально и поэтому служит созданию юмора. Например: *«В детстве девочка Таня всегда просила **купить ей братика**, а когда выросла – всерьёз занялась **работоторговлей**» [Шутки КВН 2018].* В данном примере мы видим подшучивание над одним из

многочисленных эвфемизмов, используемых взрослыми как ответ на детский вопрос: «Откуда берутся дети?».

Буквализации значения при каламбурном употреблении эвфемизма чаще всего подвергаются **фразеологические единицы**. Например, М.Н. Задорнов в одном из своих монологов рассказывает историю о «тинейджерке», которая угодила в больницу, увидела там «утку» и на вопрос о том, что это такое, получила ответ: «*Это, чтобы ночью **ходить в туалет***». Далее, собственно, сама история: «*Ночью всё отделение было разбужено диким лязгом. Тинейджерка надела ну одну ногу свою утку, на другую – соседскую, и **пошла по коридору в туалет***» [Задорнов 2016: 52]. Буквально воспринято значение эвфемизма *ходить в туалет* – ‘испражняться’. Данный эвфемизм обыгрывается также в анекдоте:

«– Доктор! Я никак не могу **сходить в туалет!**

– Главное – оптимизм! Не можете в туалет – сходите в театр, на выставку...» [Самые лучшие анекдоты 2017: 58].

Слово *ходить (сходить)* и в первом, и во втором случае употреблено в своём прямом значении ‘то же, что идти’ [Ожегов 1999: 865], за счёт чего и создаётся юмористический эффект.

Автор такой шутки проходит путь, которым когда-то создавался данный эвфемизм, в обратном направлении – от переносного значения к прямому. Эвфемизм начинает звучать юмористически, если обозначает другое явление, совсем не запретное.

Буквализации может подвергаться не только всё устойчивое выражение, являющееся эвфемизмом, но и какой-то его элемент. Например, в анекдоте «Циля, я пока не готов на вас жениться, но уже могу сделать первый взнос в счёт уплаты **супружеского долга**» [Бугага 2018] буквально воспринимается слово *долг* в значении ‘взятое займы (преимущественно деньги)’ [Ожегов 1999: 173]. Его каламбурно обыгрывают с использованием других лексем и фразем финансовой тематики: *первый взнос, в счёт уплаты*. Эвфемизм в итоге используется в своём общеязыковом значении ‘вместо прямого наименования

половых отношений' [Сеничкина 2008: 411], а достоинством остроты становится её оригинальность и игровой характер.

Буквализация помогает по-новому взглянуть на выражения, которые стали привычными, например, на ФЕ *нашли в капусте*, используемое как эвфемизм в значении 'вместо мать родила' [Сеничкина 2008: 212] и применяемое для ответов родителей на традиционный детский вопрос: «Откуда берутся дети?». Буквализацию данного эвфемизма-сочетания видим в молодёжной шутке: «Очень наивный мальчик в своем генеалогическом древе нарисовал капусту» [Шутки КВН 2018].

Сама возможность буквализации эвфемизмов связана с образованием их с помощью метафоры. Языковая игра состоит в «раздевании» метафоры, выявлении исходной семантики, которую имело слово или выражение до метафоризации. У буквализации метафоры чисто игровая суть, с её помощью говорящий выявляет заложенные в языковые единицы потенциальные возможности, это «приём, создающий, как правило, комический эффект» [Сковородников 2014: 75]. При буквализации на первый план выносятся наиболее наглядное, прямое значение слова-эвфемизма, например: «Почему среди женщин так мало пилотов? Очень боятся **залететь**» [Свежие отб. анекдоты 2016: 88] – обыгрываются такие значения глагола *залететь*, как 'летя, оказаться где-нибудь, попасть куда-нибудь' [Ожегов 1999: 210] (прямое) и 'неожиданно забеременеть' [Сеничкина 2008: 132] (переносное, эвфемистическое).

В процессе употребления эвфемизмов используется также такой приём, как **эффект обманутого ожидания**. В этом случае слушателя заставляют поверить, что высказывание содержит эвфемизм, а затем разочаровывают его другим (чаще буквальным) пониманием эвфемистического выражения: «Если поступает человек со стенокардией, его **посылают на три буквы**: Э-К-Г!» [Интерны 2018]. Адресат, знакомый с эвфемистическим выражением *послать на три буквы* (*три весёлых буквы*) в значении 'вместо прямого наименования грубого ругательства' [Сеничкина 2008: 205], не ожидает, что в данном случае

эти буквы – не популярное обценное слово, а наименование медицинской процедуры.

Обычно эвфемизмы заменяют в юмористическом высказывании какое-то слово или выражение, которое не используется в тексте, а только подразумеваются. Однако иногда встречаются шутки, в которых присутствуют и табуированное слово (выражение), и эвфемизм. Например, анекдот: «*Мы не пьем. Мы дезинфицируем душевные раны*» [Бугага 2018]. В шутке данного типа сначала употреблён табуированный элемент с отрицательной частицей **не**, а затем эвфемизм в конструкции с союзом **а** или с подразумеваемым противопоставлением.

Естественно, такое соседство должно быть соответствующим образом обыграно. В качестве примера приведём комплекс шуточных правил «О шефе» (своеобразный «кодекс подчинённого») [Свежие отб. анекдоты 2016: 5-7]. Из 27 правил этого кодекса 19 основаны на вышучивании эвфемистической кодификации поступков вышестоящих лиц, распространённой в производственной среде: «*Шеф не флиртует, он обучает кадры*», «*Шеф не опаздывает, шефа задерживают важные дела*» и т. д. На примере этих 19-и правил можно увидеть несколько способов образования эвфемизмов:

- широкозначное слово: «*Шеф не спит, он отдыхает*»;
- иноязычное слово: «*Шеф не пьёт, он дегустирует*»;
- многословие: «*Шеф не неуч, шеф предпочитает творческую практику бесплодной теории*» и др.

Правила «О шефе» наглядно демонстрируют одну из функций эвфемизмов – с их помощью можно завуалировать любое неблагоприятное действие, положительно охарактеризовать негативные качества и поступки. В юмористическом дискурсе эта функция эвфемизмов высмеивается, хотя в приведённом выше примере смех горький, он показывает, насколько широко распространено в профессиональной сфере угодничество (лицемерие, подобострастие перед начальством), одним из способов которого является эвфемизация.

Шутки, включающие оба элемента – и заменяемое слово, и эвфемизм, – могут демонстрировать языковую компетентность говорящего, понимание им сути эвфемизации как языкового явления, пусть и без точных теоретических знаний о нём.

На лексико-фразеологическом уровне и при обыгрывании эвфемизмов, и в процессе создания новых говорящим задействуются лексико-семантические ресурсы русского языка. Использование других ресурсов – стилистических, морфологических, словообразовательных, синтаксических и др. – также нуждается в рассмотрении.

2.1.3. Стилистический контраст как приём эвфемизации

Для юмористического дискурса в целом характерна сниженная, разговорная стилистическая окраска. Юмор предполагает непринуждённое, неофициальное общение. Одним из способов создания комического становится стилистический контраст, то есть «перемещение слов и выражений из одного стиля речи в другой» [Коромысленко 2015а: 43], достигаемое, в числе прочего, с помощью эвфемизмов. С учётом разговорного характера юмористических текстов речь идёт о перемещении в их структуру элементов книжных функциональных стилей.

Стилистический контраст является приёмом, который, как правило, сопровождает образование эвфемизмов другими способами. Под стилем мы понимаем «разновидность языка, характеризующуюся особенностями в отборе, сочетании и организации языковых средств в связи с задачами общения» [Розенталь 1985: 345]. Выделяются такие книжные функциональные стили, как научный, официально-деловой и публицистический.

По нашим наблюдениям, чаще всего в юмористические тексты вводятся и обыгрываются в процессе создания эвфемизмов выражения публицистического стиля. Патриотическое выражение *поддерживать отечественного*

производителя, появившееся в русском языке в начале XXI века, и обозначающее ‘покупать продукцию российского производства вместо зарубежных товаров’ не могло не вызвать множество каламбуров в юмористическом дискурсе. В данном выражении публицистического стиля слово *производитель* употреблено в значении ‘тот, кто производит, изготавливает что-нибудь’ [Ожегов 1999: 611]. У слова есть ещё одно, эвфемистическое значение – ‘вместо прямого наименования самца, производящего потомство’ [Сеничкина 2008: 358], зафиксированное, кстати, не только в словаре эвфемизмов, но и в толковом словаре: ‘самец, производящий потомство’ [Ожегов 1999: 611]. Уже в момент появления фразы поддерживать отечественного производителя в российских СМИ стало ясно, что каламбурные преобразования не заставят себя ждать. В юмористическом дискурсе фраза *поддерживать отечественного производителя* начала употребляться в значении ‘рожать от русских мужчин’, то есть эвфемизм *производитель* расширяет своё значение и обозначает не самца животного, а мужчину:

«– Мама, я выхожу замуж. Он француз.

– А я думала, ты будешь **поощрять отечественного производителя**»

[Моя прекрасная няня 2018].

Языковая игра создаётся за счёт стилистического контраста – столкновения публицистического штампа и сниженной окраски его эвфемистического значения. Ещё один пример: «*Купив беляш на железнодорожном вокзале, корейский студент почувствовал вкус Родины*» [Шутки КВН 2018]. Здесь обыгрывается яркое публицистическое выражение с семантикой ностальгии *вкус Родины* (сравним: *зов Родины, запах Родины*), которое получает в тексте юмористическое звучание: подразумевается, что беляш был с начинкой из собачьего мяса.

Возможно полное перенесение юмористического дискурса в сферу, предполагающую особую стилистическую окраску текста, например, в сферу рекламы (также публицистический стиль):

«Новая акция от Билайн:

Позвони по номеру 02, громко скажи: “В Кремле бомба!”

И полосатые вещи станут твоими!» [Самые лучшие анекдоты 2017: 134].

Эвфемизм *«Полосатые вещи станут твоими»* обозначает *«Тебя посадят в тюрьму»*. Игра основана на использовании фоновых знаний говорящего и реципиента о расцветке одежды заключённых, а также на том, что фирменные знаки мобильной связи «Билайн» имеют полосатую раскраску. Большое значение в конструировании анекдота имеет также стилистика рекламы – бодрая, энергичная манера, в которой должен рассказываться данный анекдот.

Помимо публицистического стиля, для стилистической игры привлекается научный. Анекдот, построенный на эвфемизме синтаксического уровня, может представлять собой задачу: *«В бассейн втекает 400 литров воды, а вытекает 405. Вопрос: есть ли совесть у купающихся?»* [Самые лучшие анекдоты 2017: 126]. Табуированный смысл, вложенный в этот анекдот, состоит в том, что купающиеся мочатся в бассейн.

Слова и обороты из научного стиля используются для эвфемистического описания физиологических процессов: *«Американские учёные получили Нобелевскую премию за превращение кукурузы в биогаз. Господи, да я этим с пяти лет занимаюсь!»* [Бугага 2018]. Под эвфемистическим выражением научного стиля и строгой книжной окраской скрывается смысл ‘переваривание кукурузы и выделение кишечных газов’. Именно в этом случае стилистический контраст наиболее силён: между содержанием и его языковым выражением лежит «стилистическая пропасть».

Как видим, суть стилистического контраста та же: разговорный характер, свойственный эвфемизмам и обусловленный их сутью – обозначать явления сниженного плана, вступает в стилистическое противоречие с формой одного из книжных стилей.

2.1.4. Словообразовательные особенности эвфемизмов в юмористическом дискурсе

Словообразование даёт говорящему возможность сконструировать собственное слово – окказионализм – и использовать его в качестве эвфемизма. В ситкоме «Интерны» находим окказиональный глагол *намиккимаусить*: «*Кто намиккимаусил, тот и работает*» [Интерны 2018]. Он образован сложением основ с одновременной префиксацией и суффиксацией: **на-** + *Микки Маус* + **-и-(ть)**. Сложный способ образования эвфемизма позволяет продемонстрировать своеобразный юмор главного героя сериала – доктора Быкова, его изобретательность и незаурядные лингвистические способности. Фраза обращена к интерну Романенко, девушка которого забеременела, и теперь Быков загружает его дополнительной работой вместо неё. То есть семантика эвфемизма – ‘заниматься сексом и сделать женщину беременной’.

Глагольное словообразование очень активно в сфере эвфемизации. Динамика, свойственная глаголам, способствует точному и юмористическому изображению явлений, связанных, прежде всего, с половыми отношениями. Словообразование, как правило, проводится по словообразовательной модели, имеющей широкое применение в языке, но действующей на оригинальной производящей основе, как в примере, приведённом выше, или в следующем: «*Поматросит и бросит, покапитанит и обманет. Я бы даже сказал поадмиралит и отвалит!*» [Моя прекрасная няня 2018]. В языке применяется фразеологизм *поматросить и бросить*, обозначающий ‘быстро расстаться с любимой девушкой’ [Мокиенко 2007: 519]. Он восходит к описанию отношений с девушкой матроса, ненадолго сошедшего на берег, а затем снова отправившегося в плавание. Глагол *поматросить* при этом включает семантику ‘поухаживать, приударить за кем-либо; совратить кого-либо’ [Словарь русского арго 2017], то есть семантику эвфемистического типа. По данной модели в приведённом примере созданы выражения *покапитанить и обмануть* и *поадмиралить и отвалить*, основой которых являются глаголы, образованные

префиксально-суффиксальным способом, как и глагол *поматросить*: **по-** + основа + **-и-** (**ть**). Словообразование сочетается с фразообразованием – конструированием фразеологических единиц. Яркой приметой данной шутки является также рифмовка компонентов в каждой из трёх фразеологических единиц.

В сфере префиксального глагольного словообразования наблюдаем создание глаголов с семантикой неполноты действия, например, с помощью префикса **при-**: «*Приударил за девушкой. Приубил*» [Свежие отб. анекдоты 2016: 81]. Способом создания комического эффекта в данном примере становится тот факт, что семантика неполноты действия привносится в глагол, который не способен ею обладать в силу своего лексического значения.

Как видим, в сфере эвфемии на словообразовательном уровне глагольная деривация очень активна. Нельзя не согласиться с Д.А. Осильбековой, говорящей о продуктивности глагольных новообразований, передающих «экспрессию разговорного стиля» [Осильбекова 2009: 25].

Создание окказиональных слов – это проявление словообразовательной игры. Например:

«*Муж говорит жене:*

– *Ну и идиотка ты!*

– *Конечно, идиотка: была бы за генералом замужем, была бы генеральшей*» [Анекдоты 1993: 31].

В данном анекдоте языковая игра основана на использовании возможностей словообразовательной омонимии; шутка создаётся за счёт игры со словообразовательной моделью «суффиксальное образование наименования женщины от наименования её супруга». Читателю (слушателю) предлагается оценить словообразовательную пару *генерал* → *генеральша* и составить на её основе пару: *идиот* → *идиотка*. Эвфемистически представлено тонкое оскорбление, которое женщина, героиня анекдота, наносит мужчине и которое более эффектно, чем прямое оскорбление, нанесённое им ей. Данное средство

создания комического можно охарактеризовать как каламбур, словесную игру на основе словообразования – достаточно редкую разновидность каламбура.

К словообразовательным средствам эвфемизации относится также **аббревиация** – образование эвфемизмов с помощью сокращения. Аббревиатура, по определению О.С. Ахмановой, – это «слово, составленное из сокращённых начальных элементов (морфем) словосочетания» [Ахманова 1969: 27]. В процессе эвфемизации сокращается запрещённое (табуированное) словосочетание, а аббревиатура в результате получается позитивной, совпадающей с каким-то словом языка. Пример находим в анекдоте: мужики на работе обсуждают своих жён, дающих им мало денег на обед, и называют их «гадюкой», «стерьвой» (сохранена оригинальная орфография), а Митя говорит иначе:

«– *Моя **Зоя** даёт тридцать копеек.*

– *И ты её ещё Зоей называешь?*

– *А это **змея** **особо ядовитая***» [Анекдоты 1993: 9].

Чем неожиданнее аббревиатура, тем интереснее и оригинальнее шутка.

Грамматические ошибки в тексте шутки могут выступать в качестве эвфемизмов: «*Победим шизофрению вместе! – **подумали я***» [Бугага 2018]. Здесь сочетание единственного числа подлежащего и множественного числа сказуемого служит для выражения скрытого смысла: «*У говорящего раздвоение личности*».

2.1.5. Морфологические средства эвфемизации в юмористическом дискурсе

Морфологические средства эвфемизации используются в юмористическом дискурсе реже, чем средства других языковых уровней, впрочем, такая картина характерна и для других дискурсов. Однако такие примеры также присутствуют.

Из местоимений разных разрядов в качестве эвфемизмов используются чаще указательные *этот* и *тот*, мы рассматривали данную особенность выше

(п. 1.1.4). В юмористическом дискурсе данные местоимения-эвфемизмы обычно обозначают половой акт, хотя в словаре Е.П. Сеничкиной представлено более общее понимание данных эвфемизмов, например, слово **это** употребляется ‘вместо прямого наименования порицаемого или запретного к произнесению предмета или события’ [Сеничкина 2008: 420].

Например, в анекдоте говорится о том, как мужчина и женщина два года жили на соседних необитаемых островах, и передаётся их диалог:

*«– Ваня, плыви сюда и получишь **то**, чего тебе не хватало эти два года!*

– Вареники, вареники, вареники!» [Анекдоты 1994: 24].

Обыграна ситуация различного понимания, которая стала возможной благодаря именно указательной функции местоимения, отсутствию у него конкретной семантики. Юмористическое значение создаётся за счёт нивелирования явления сексуальной сферы и выдвижения на передний план не сексуальных, а кулинарных желаний.

Указательные местоимения могут указывать на потенциально любое явление, становящееся запретным именно в данном контексте. Чаще всего с их помощью действительно маскируют явления, связанные с сексуальной сферой.

В юмористическом дискурсе наблюдается также эвфемизация на материале относительного местоимения:

«Директор нового мясокомбината говорит начальнику охраны:

– Усильте охрану склада, чтоб всякая шпана с улицы нашу колбасу не воровала.

– Усилили уже.

– А вот на проходной охраны нет, надо бы поставить.

*– Не надо. Работники знают, **из чего** наша колбаса делается, воровать не будут»* [Свежие отб. анекдоты 2016: 25].

Под формой *из чего* скрыто наименование реального продукта, из которого делают колбасу. Причём однозначно сказать, что именно табуировано (бумага, кошки и под.), нельзя: адресату предлагается предположить самостоятельно, воспользоваться фоновыми знаниями.

С помощью местоимений говорящий в юмористическом дискурсе имеет возможность сделать «намёк», вызвать у адресата желание разобраться в том, что именно скрывается под неполнозначным словом, тем более, что в языке оно часто является эвфемизмом.

Использование морфологических средств эвфемии можно охарактеризовать как грамматический (морфологический) каламбур – языковую игру, построенную на обыгрывании морфологических особенностей и грамматических свойств слова.

2.1.6. Обыгрывание прецедентных текстов как приём эвфемизации

Термин «прецедентный текст» появился в лингвистической науке в 80-х годах прошлого века. Ю.Н. Караулов называет прецедентными тексты, «имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1986: 216]. Система прецедентных феноменов (текстов, имён, ситуаций) составляет культурный фонд, объединяющих носителей одной культуры. Апелляция к известному сюжету, произведению, факту, персонажу предполагает, что оба участника коммуникации – говорящий и адресат речи – владеют информацией о данном явлении, кроме того, для говорящего использование прецедента означает, что он уверен в понимании его адресатом.

В юмористическом дискурсе наблюдается обыгрывание прецедентных текстов – стилистическое средство, которое Е.В. Шпар характеризует как разновидность каламбура – «аллюзивную языковую игру, или игру с прецедентными текстами» [Шпар 2015: 280]. Значительная часть примеров связана с буквализацией смысла прецедентного текста.

Яркий юмористический эффект возникает, если шутка основана на фразе, долгое время воспринимавшейся очень серьёзно. Например, выражение из сатирического монолога М.Н. Задорнова: *«Мы все-таки **смогли сделать сказку былью!** Только очень страшную сказку»* [Задорнов 2016: 9] построено на обыгрывании строки из советской песни: *«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»*. В советское время данная фраза обозначала прекрасные перспективы построения социалистического и даже коммунистического общества, в постсоветском дискурсе она указывает на произошедшие в обществе кардинальные изменения, причём не в лучшую сторону. Способ создания эвфемизма здесь комбинированный: используется прецедентный феномен, а также буквализация сочетания, прямое понимание слова *сказка*.

Буквализацию в сочетании с метафоризацией наблюдаем также в анекдот-диалоге:

«– Как на личном фронте?»

– Победила дружба» [Анекдотов.net 2018].

Обыгрывается выражение *«Победила дружба»*, используемое для оценки результата товарищеских спортивных соревнований. В данном случае оно обозначает: *«Любовь прошла, но между нами сохранились дружеские отношения»*, причём в анекдоте, благодаря каламбуру, подчёркивается ироническое и немного грустное отношение к описываемой ситуации.

Эвфемизация может создаваться таким способом, при котором один компонент прецедентного текста опускается, а вербализируется только второй компонент. Например, анекдот: *«Русалка – это девушка, которая в детстве **ела много сладкого**»* [Бугага 2018]. Он основан на высказывании, которое используют по отношению к детям и более старшим любителям сладкого: *«Будешь есть много сладкого – в попе слипнется»*. Причём в разговорной речи чаще используется в качестве устойчивого оборота та часть выражения, которая опущена в данном эвфемизме: *«А попа не слипнется?»* – ‘говорится человеку, уделяющему слишком большое внимание сладкому или проявляющему жадность, стремление получить слишком много’ [Кузмич 2000]. Эвфемизм

построен на использовании менее популярной части фразеологического выражения, которая не содержит элементов, требующих замены, то есть по сути, представляет собой готовый эвфемизм.

Любое применение в языке прецедентного феномена требует от адресата фоновых знаний, общих с автором текста. В юмористическом дискурсе, предназначенном для восприятия максимально широким кругом лиц, используются прецеденты наиболее распространённые, широко известные. Это могут быть фразы из известных песен или фольклорные выражения, как в примерах выше. Если сферой прецедентности является наука, то акцентируются факты, изучаемые в курсе средней школы. Например: *«Он посмотрел на неё и понял: Дарвин был прав»* [Свежие отб. анекдоты 2016: 94]. Научная деятельность Ч. Дарвина известна в первую очередь его гипотезой происхождения человека от обезьяны, то есть данный анекдот содержит скрытое оскорбление: женщина сравнивается с обезьяной. Упоминание известного учёного придаёт шутке «научный», интеллигентский характер.

Игра с прецедентными феноменами позволяет говорящему конструировать краткие, лаконичные шутки. Например: *«Деньги меня не испортили. Даже не пытались...»* [Бугага 2018]. В этом анекдоте выражается смысл: *«У меня никогда не было много денег, поэтому я не смогла проверить, испортят ли они меня, мой характер, моё отношение к людям»*. Краткая формулировка достаточно сложного смысла стала возможна благодаря апелляции к известному выражению *«Деньги портят»* и обыгрыванию его. Большую часть информации адресат шутки получает из собственного культурного фонда, частью которого является это выражение.

2.1.7. Эвфемизмы на синтаксическом уровне

На синтаксическом уровне в процессе эвфемизации задействовано не одно слово (сочетание, комплекс слов и сочетаний), а целое предложение. В случае

синтаксической эвфемизации для пояснения произведённой замены и выявления истинного смысла необходимо сконструировать новое предложение. Синтаксический способ эвфемизации позволяет кодировать в одном юмористическом высказывании целостную мысль. Например: *«Пробегая стометровку, наслаждался каждой минутой»* [Бугага 2018]. Здесь скрыта негативная для говорящего информация о его собственной физической слабости, неспортивности. Для раскодирования данной мысли требуются гораздо большие усилия, чем для понимания эвфемизма, сконструированного лексическим способом. Например, чтобы понять приведённый выше эвфемизм, надо знать, что дистанция 100 метров пробегается средним человеком за 15-20 секунд, а мировой рекорд составляет 9,58 секунд (Усэйн Болт, 2009). Если человек, *«пробежая стометровку»*, наслаждается *«каждой минутой»*, то он, скорее всего, идёт, а не бежит, то есть он не занимается спортом, физически слаб.

Функции синтаксических эвфемизмов в юмористическом дискурсе кардинально отличаются от функций в других типах дискурса. В политической речи, например, сложность декодирования заложенного во фразу скрытого смысла «открывает широкие возможности для манипулирования сознанием аудитории» [Медведева 2015: 50]. В юмористическом дискурсе такая функция является абсолютно не востребуемой. Наоборот, для юмориста всегда важно, чтобы его острота была адекватно и однозначно понята адресатом речи. Манипуляция сознанием как цель коммуникации исключается.

Как отмечает Д.П. Хибарин, «на синтаксическом уровне, в синтаксической конструкции, распознать эвфемизацию гораздо сложнее» [Хибарин 2016: 405]. На эту особенность указывает и Н.Е. Медведева: «Если эвфемистическую замену на лексическом уровне распознать довольно легко, то эвфемизмы на уровне синтаксиса выделить сложно, потому что реципиент чаще всего не сосредоточивается на анализе синтаксических конструкций» [Медведева 2015: 49]. Действительно, понимание шутки, основанной на синтаксическом способе построения эвфемизма, требует от реципиента большего времени. Здесь исключена автоматизация восприятия, необходимо обдумать шутку и соотнести

её с тем выражением, которое в данном случае заменяется эвфемизмом. Например: *«Дети работников АвтоВАЗа всегда очень плохо собраны в школу»* [Шутки КВН 2018]. Скрытый смысл: *«АвтоВАЗ плохо собирает свои машины»*. Юмор заключается в изменении объекта: вместо автомобилей в шутке фигурируют дети, и тем самым происходит расширение смысла, формируется новый взгляд на объект шутки – завод АвтоВАЗ, на его работников, которые просто не умеют ничего собирать – ни автомобили, ни детей в школу.

Предметы эвфемизации на синтаксическом уровне те же, что и на других уровнях языка. Это может быть сексуальная сфера, сфера обвинений, оценки и оскорблений (пример выше), а также сфера оценки чьих-либо интеллектуальных способностей. В этом случае можно найти шутки, понять смысл которых не так-то просто. Например: *«Переезжая в Москву, жители Санкт-Петербурга увеличивают средний IQ жителей обоих городов»* [Шутки КВН 2018]. Синтаксическая форма эвфемизма позволяет максимально завуалировать сложное для юмористического кодирования явление: *«Из Санкт-Петербурга уезжают в Москву не самые умные из жителей (поэтому IQ оставшихся повышается). При этом в Москве они оказываются умнее среднего жителя (поэтому IQ повышается и здесь)»*. По сути, шутки такого типа (синтаксические, без прямого наименования явления) представляют собой не что иное, как намёки на обстоятельства, которые должны представить читатели (слушатели). Последний пример представляет собой достаточно сложную игру: смысл закодирован так сложно, что декодировать его будет способен далеко не каждый. Шутки такого типа характерны для КВН – юмористической игры, позиционирующей себя как высокоинтеллектуальная.

С помощью синтаксической эвфемии можно дать оригинальную оценку какому-то явлению. Например: *«У меня украли бумажник со всей моей зарплатой, я, конечно, расстроился, но, уверен, не так, как преступник»* [Бугага 2018]. Здесь скрыта информация: *«У меня очень маленькая зарплата»*. Простой смысл получает, благодаря эвфемии на синтаксическом уровне, очень значимую и развёрнутую оценку.

Синтаксические эвфемизмы могут использоваться также для передачи сообщения о непонимании кем-то простой информации. Сложность декодирования смысла в эвфемизмах данного типа позволяет говорящему вступать с адресатом информации в такую сложную логическую игру. Например: *«Упорно не понимаю, почему пешеходы уверены в исправности моих тормозов больше, чем я?!...»* [Бугага 2018]. Закодирован смысл: *«Не понимаю, почему пешеходы не соблюдают правила дорожного движения и лезут под колеса?»*.

Эвфемизм, представленный на синтаксическом уровне, должен быть так же хорошо раскодирован адресатом, как и шутка, созданная любым другим способом. Чтобы дать слушателю время для понимания, говорящим (если юмористический дискурс разворачивается в устном виде) могут использоваться паузы. Если шутка конструируется в письменной форме (анекдот, к примеру), то у реципиента всегда имеется возможность более пристального рассмотрения фразы и выявления заложенного в ней, пусть и скрытого с помощью эвфемизации смысла.

К синтаксическим приёмам создания эвфемизма относится также **многословие**, чрезмерно усложненная синтаксическая структура. Чтобы идентифицировать многословие, необходимо сопоставить эвфемизм и то слово или выражение, которое он заменяет: первый будет гораздо длиннее и синтаксически сложнее оформлен.

Если синтаксическая шутка создаётся с помощью многословия, то её адресату предлагается старательно завуалированный смысл. Само назначение такой шутки в том, чтобы с помощью длинной фразы высказать то, что можно было бы сказать гораздо короче. Шутник стремится создать ситуацию, в которой его слушатель или читатель будет вынужден «выуживать» смысл из предложения и получит удовольствие от самого процесса декодирования. Например, в анекдоте *«Единственное, о чём прошу, – дайте мне шанс убедиться, что деньги не могут сделать меня счастливым»* [Свежие отб. анекдоты 2017: 15] заложен смысл *«Хочу разбогатеть»*. Для эвфемизации использован не

только синтаксический способ, но и прецедентный текст – пословица *«Не в деньгах счастье»*.

Многословие может служить для замены в тексте даже одного слова:

«– Твоя жена умеет готовить?»

– Готовить-то она умеет, только я не умею есть то, что она готовит» [Анекдоты 1994: 64].

Вторая реплика из этого анекдота-диалога полностью заменяет одно слово: *«Нет»*. Функция данного эвфемизма (смягчение неприятной информации) наиболее традиционна для эвфемизмов в языке, но редко встречается в юмористическом дискурсе. Многословие создаёт условия для «разгадывания» слушателем смысла анекдота, усложняет его смысловую структуру, включает возможность неоднозначного понимания анекдота.

Типичность данного приёма подтвердим ещё одним аналогичным примером:

«Мужик приехал на автосервис:

– Можно что-то сделать с моим автомобилем?»

– Если снять передний и задний бампер, между ними можно поставить новую машину» [Самые лучшие анекдоты 2017: 151].

В эвфемистическом ответе работника автосервиса также закодировано слово *«Нет»*. Показательно, что в обоих приведённых примерах реплика, обозначающая отрицание, оформлена, как согласие, как *«Да»*. Ещё один пример такого типа:

«– Доктор, я буду жить?»

– Да, но в разных людях, ну и в памяти, конечно...» [Бугага 2018].

Мы видим здесь стремление говорящего играть на уровне выражения согласия-несогласия в разговоре, используя при этом синтаксический приём многословия. Это насмешка над одним из принципов коммуникации – принципом предпочитаемой структуры, в соответствии с которым слушатель предпочитает согласие, поэтому оно «выражается без промедления, предельно лаконично и ясно. Несогласие же формулируется пространно...» [Введенская

2001: 173]. Кроме того, в данном эвфемизме используется каламбур (*жить в разных людях* – ‘дать им после смерти органы для трансплантации’) и метафора (обыгрывание фразеологизма *жить в памяти* – ‘умереть’).

Непонимание эвфемизмов, созданных способом многословия, может даже специально обыгрываться в анекдотах:

«– Шеф нашей фирмы – любезнейший человек.

– Почему вы так думаете?

– Он вызвал меня и сказал: “**Я не представляю, как я сумею обойтись без вас, но всё-таки с нового года попробую**”» [Свежие отб. анекдоты 2016: 35].

Цитируемая недогадливым героем анекдота реплика шефа – не что иное, как завуалированное объявление об увольнении, в котором средством эвфемии является многословие, и юмор создаётся именно за счёт того, что сотрудник не смог декодировать этот смысл.

На синтаксическом уровне происходит эвфемизация в случае, когда используется **повтор** слова или сочетания. Естественно, повторяющийся элемент приобретает в новом контексте другое значение. Повтор может сопровождаться приёмом перестройки словосочетания, трансформацией структуры, при котором, к примеру, определение, употреблённое вторично, начинает относиться к другому определяемому:

«– Если один из ваших проектов прогорит, у меня есть **куча свежих** идей!..

– Извините, но **свежая куча** меня мало интересует!» [Счастливы вместе 2018].

Эвфемизм *свежая куча* здесь обозначает ‘фекалии’, в то время как при первоначальном употреблении обоих слов такой семантики даже не предполагалось.

Синтаксические способы эвфемизации активно используются в политическом юморе, так как здесь они дают говорящему возможность активной критики без прямой номинации негативного политического явления. Например: «*Больше всего поздравлений во Всемирный день театра получили правительство и Госдума*» [Мухин 2017: 66]. Данная фраза скрывает смысл:

«Российские политики ведут себя как актёры», при этом использован стилистический контраст – смысл облечён в синтаксическую форму, используемую в новостях, официальных сообщениях правительства, что интенсифицирует остроту.

Сферой использования эвфемизации на синтаксическом уровне является преимущественно юмористический дискурс: именно в этом виде дискурса данный способ эвфемизации реализует все свои возможности.

2.1.8. Эвфемизация на текстуальном уровне

Эвфемизация на уровне текста схожа с эвфемизацией на синтаксическом уровне, но здесь эвфемизм выступает в ещё более развёрнутом виде: целый текст (как минимум, два предложения) служат языковым средством кодировки какого-то запретного смысла.

С помощью текста описывается какая-то ситуация, например, привычная для всех, регулярная:

«– Профессор, а что вы говорите своим выпускникам при встрече?

– Большую колу и картошечку фри, пожалуйста» [Бугага 2018].

С помощью смоделированного в анекдоте диалога передаётся информация: *«Выпускники вузов работают продавцами в Макдональдсе»* и ещё более скрытая информация: *«Выпускники вузов, несмотря на полученное образование, не могут найти работу по специальности и вынуждены заниматься простым трудом, не требующим образования»*. В этом случае представлен горький юмор – шутка, выражающая печальный для говорящего смысл. Форма анекдота помогает говорящему иронизировать по поводу серьёзных проблем.

Высокий уровень кодировки информации, который предполагает синтаксический способ эвфемизации, в случае эвфемии на текстуальном уровне становится ещё более высоким. Кстати, именно анекдот представляет собой

юмористический жанр, в котором эвфемизация легко разворачивается в небольшой текст, то есть средством эвфемизации является именно этот текст – сам анекдот. Нейтрализуемое негативное понятие заключается в пространстве анекдота, например, понятие *старость*, которое не желает принимать как реальность своей жизни говорящий: *«Больше всего меня пугают ровесники. Почему они такие старые?»* [Бугага 2018]. В данном анекдоте заключён смысл: *«Больше всего меня пугает старость»*, однако напрямую он не передан, хотя и не скрыт полностью, ведь во втором предложении текста используется имя прилагательное *старый*. Ещё один вариант раскодирования смысла в данном анекдоте: *«Я уже не молод»*. Показывается, что говорящий с помощью эвфемизации пытается скрыть данный негативный смысл даже от себя самого.

Текстуальный эвфемизм часто реализуется с помощью диалога:

«Жена обращается к мужу:

– Если я уйду к другому мужчине, ты будешь жалеть?

– Зачем мне жалеть другого мужчину?» [Бугага 2018].

С помощью данного анекдота передаётся скрытый смысл: *«Нет, я не буду жалеть об уходе жены, так как она настолько плоха, что жалеть придётся другого мужчину»*. Это негативный смысл, завуалированный с помощью анекдота, точнее, с помощью остроумного ответа мужа на провокационный вопрос жены. Эвфемизация на текстуальном уровне сочетается здесь с каламбурным обыгрыванием двух значений лексемы *жалеть* – ‘огорчаться из-за чего-либо, сожалеть по поводу чего-либо’ и ‘чувствовать жалость, сострадание к кому-либо’ [Ефремова 2000].

Собственно говоря, будучи представленным на каждом из названных выше уровней – фонетическом, лексико-фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом – эвфемия обязательно охватывает весь текст, в котором реализован юмористический дискурс, будь то анекдот, реприза КВН, шутка из ситкома. Именно текст – то пространство, в котором разворачивается эвфемизация, а значит, текстуальный уровень – основной для данного явления.

2.2. Функции эвфемизмов в юмористическом дискурсе

Основной функцией эвфемизмов в юмористическом дискурсе является игровая (юмористическая) функция, рассмотренная нами в числе прочих в п. 1.1.3. Тем не менее использование эвфемизмов здесь имеет различные цели и обслуживает различные намерения носителя языка, поэтому можно говорить о нескольких частных функциях (каждая из них сочетается с игровой).

Функция привлечения внимания к табуируемому понятию или явлению противоречит основной функции эвфемизмов в языке – маскирующей, нивелирующей, но, тем не менее, она является главной в юмористическом дискурсе. Данная функция позволяет нам заявить, что сама суть использования эвфемизмов в юмористическом тексте в корне отличается от их общеязыкового применения. Эвфемизм выносит заменяемые им элементы на передний план, привлекает к ним внимание адресата текста, контрастно выделяет их. При этом нейтрализация негативных эмоций всё равно происходит, так как и эвфемизмы, и юмор предназначены для данной цели, пусть и достигают они её различными способами.

Функция негативной характеристики явления также специфична для юмористического дискурса, в других типах дискурса она не встречается. Эвфемизмы в юмористическом дискурсе по буквальной форме полностью соответствуют стандарту эвфемизации, но в юмористическом контексте они могут передать потенциальный негативный тон. Формально эвфемизмы маскируют негативную характеристику, в соответствии с языковой сутью явления эвфемии. При этом может использоваться синонимия как средство эвфемизации. Например: *«Светало. Потянулись домой первые мужья-сказочники»* [Бугага 2018]. С помощью лексемы *сказочники* нейтрализована негативная характеристика *лгуны*. Моделируется ситуация, когда мужья, не

ночевавшие дома, утром, вернувшись домой, выдумывают для оправдания перед жёнами разнообразные истории.

Но чаще в юмористическом контексте эвфемизмы выражают негативную характеристику или оценку какого-либо явления более явно, хотя и несколько нейтрализовано. Негативно могут характеризоваться, например, умственные и профессиональные способности людей: *«А, вот и биомасса в белых халатах! Отлично! Включайте свой ленивый одинокий нейрон, дабы воспринять необходимую информацию»* [Интерны 2018]. С помощью выражения *биомасса в белых халатах* передаётся смысл *«непрофессиональные, не очень умные, молодые врачи»*. С одной стороны, он завуалирован, не подан прямо, с другой – ясен для каждого, кто смотрит ситком «Интерны», то есть эвфемизация причудливо сочетается здесь с дисфемизацией, в чём и состоит специфика использования эвфемии в юмористическом дискурсе.

Функция пробуждения воображения читателя или слушателя часто проявляется в юмористическом дискурсе наряду с другими функциями, так как эвфемизм не называет явления напрямую, и адресат шутки должен сам вообразить, достроить, дофантазировать ситуацию, которая описывается с помощью эвфемизма. Например: *«Сидят трое грустных в машине – Антон, Сергей и столб...»* [Бугага 2018]. Если адресат юмора не представит себе конкретной ситуации (Произошла автоавария, машина с двумя пассажирами врезалась в столб), то он не сможет понять этого примера чёрного юмора.

Анекдоты такого типа можно назвать анекдотами-загадками, так как смысл в них завуалирован таким образом, что сразу догадаться, о какой ситуации идёт речь, сложно. Реципиенту приходится представить ситуацию и рассмотреть несколько вариантов, иначе говоря, действительно применить своё воображение. Например: *«Известно, что водители, желающие подчеркнуть свою нетрадиционную сексуальную ориентацию, перестраиваются, не включая сигнал поворота. Можно ли это считать пропагандой гомосексуализма?»* [Анекдотов 2018]. С помощью эвфемизма *нетрадиционная сексуальная ориентация* и текстуального способа эвфемизации в данном анекдоте

закодирована ситуация: водители ругают того, кто перестраивается, не включая сигнал поворота, используя при этом нецензурное наименование гомосексуалиста.

Адресат юмористического дискурса должен вообразить ситуацию, каким-то образом связанную с жизнью, требующую знания жизненных реалий. Например: *«Из Ухрюпинского зоосада **сбежали** три курицы, свинья и корова. Почему сбежали только съедобные животные, выясняет следствие»* [Шутки КВН 2018]. Понять данную шутку можно в том случае, если предположить ситуацию, в которой работники зоопарка съели домашних животных, а в документах объявили их сбежавшими.

Функция маскировки оскорбления выполняется с помощью эвфемизмов, если говорящему необходимо смягчить речевую агрессию, завуалировать грубость. Яркие примеры эвфемизмов такого типа находим в речи героя сериала «Интерны» (2010-2016) врача Быкова. Быков – заведующий терапевтическим отделением, он прекрасный специалист, но циничен и груб. Одним из средств оскорблений данным персонажем работающих в его отделении интернов становятся именно эвфемизмы. Они позволяют проявить такое качество Быкова, как тяга к речевым изыскам, стремление подчеркнуть свою интеллектуальность на фоне менее умных подчинённых. Кроме того, с помощью эвфемизмов доктор Быков может конструировать очень жёсткие высказывания, избегая при этом прямого оскорбления. Например, в выражении: *«Быстро эволюционируйте до прямоходящих и марш за работу!»* [Интерны 2018] завуалирован смысл: *«Вы животные, четвероногие, не люди!»*. Язык сериала «Интерны» удивительно богат эвфемизмами, с помощью которых Быков характеризует своих интернов как глупых. Фантазия сценаристов (а это почти двадцать человек – члены клуба «КВН» и выпускники Южно-Уральского государственного медицинского университета) поистине неисчерпаема и заслуживает самой высокой оценки. Причём эвфемизмы в функции оскорбления используются в ситкоме осознанно, в частности, устами доктора Быкова они характеризуется следующим образом: *«Мы оба умеем высокопарным слогом*

назвать человека какашкой» [Там же]. Собственно говоря, эвфемистические оскорбления выступают в данном ситкоме как своеобразная интеллигентская игра. Как и в случае маскировки негативной характеристики мы сталкиваемся здесь с несовпадением формальной и реальной функций эвфемии: формально перед нами маскировки оскорбления, а реально – собственно оскорбление, но выраженное изощрённо, с фантазией, а значит, более обидное и действенное, привлекающее внимание присутствующих при коммуникативном акте, в данном случае – зрителей ситкома.

Встречаются завуалированные с помощью эвфемизмов оскорбления и в анекдотах. Например:

«Жена говорит мужу в гневе:

– Лучшие бы я вышла замуж за чёрта!

*– Что ты, дорогая! Браки между **кровными родственниками** запрещены!»* [Анекдоты 1994: 69].

В данном анекдоте муж назвал жену чёртом (чертовкой), но сделал это с помощью эвфемизма, не напрямую. Юмор усиливается намёком на то, что жена не поймёт оскорбления мужа, так как оно сделано внешне очень вежливо и даже ласково.

В анекдоте может также обыгрываться ситуация, когда сначала говорящий пытался обойтись без оскорбления, завуалировать его с помощью эвфемизма, но сделал этот так замысловато, что адресат оскорбления не понял, и пришлось пояснить:

«– Когда ты в последний раз охотилась на зайцев?

– Прости, что?

*– **Борзая**, говорю, ты какая-то»* [Бугага 2018].

В любом случае эвфемизм не нивелирует оскорбление, а только делает его более изобретательным, не скрывает его, а, наоборот, выделяет, привлекает к нему внимание.

Хотя в юмористическом тексте несколько более раздвинуты границы дозволенного с точки зрения этики, требование толерантности является здесь

таким же актуальным, как и в других типах дискурса. Поэтому одной из функций использования эвфемизмов является **функция политкорректности**. Для примера хочется обратиться к юмористическому творчеству М.Н. Задорнова, где эвфемизмы, выполняющие функцию политкорректности, часто связаны с наименованием национальности. В России очень распространены семитские и антисемитские шутки, однако открыто указывать на обыгрывание в монологе темы еврейства М.Н. Задорнов не хочет. Одесситка, желающая узнать, настоящая ли фамилия писателя Задорнов и прочитавшая на визитке М.М. Задорнова Writer, обрадовалась: «А-а-а, так значит, всё-таки, вы **наши**!» [Задорнов 2016: 4]. Писателю удаётся, не используя слово *еврей*, пошутить на еврейскую тему с использованием притяжательного местоимения *наш*.

Шутя по поводу США, М.Н. Задорнов не может не затронуть темы расового различия между чёрными и белыми американцами, и в этом ему снова помогают эвфемизмы, выполняющие функцию политкорректности: «*В Америке негры по-прежнему лидируют в беге, а белые – в стрельбе*» [Задорнов 2016: 139]. В данном примере присутствует лексема, табуированная в современных текстах, – *негры*, а эвфемизм создаётся на синтаксическом уровне: всем содержанием и строем предложения сатирик отсылает слушателя к тем временам, когда чернокожие были рабами и сбегали от своих хозяев, а те преследовали их, в том числе с оружием. Эвфемизация на синтаксическом уровне представляет собой более тонкое и сложное явление, чем на лексическом уровне, что ярко проявляется в данном примере.

В качестве основной функции эвфемизмов мы хотим также назвать **функцию создания противоречия** между содержанием юмористического текста и языковым способом репрезентации данного содержания. Содержание может быть грубым, содержать оскорбления, касаться сферы «ниже пояса», туалетной темы, сферы смерти и т. п. Языковое выражение, то есть сам эвфемизм, отсылает к другим смысловым сферам – безобидным, позитивным и нейтральным. Адресата шутки смешит именно это противоречие, восхищает словесная и смысловая эквилибристика автора юмористического текста, его

умение «балансировать по краю», находя для запрещённого, табуированного содержания дозволенную форму. Противоречивой является также цель использования эвфемизмов в юмористическом дискурсе: они, как было сказано выше, не отвлекают внимание от табуированного слова или понятия, а привлекают к нему, что не соответствует общеязыковым правилам эвфемии, а значит, удивляет читателя (слушателя).

2.3. Эвфемизмы в юмористическом дискурсе русского и китайского языков: сопоставительный аспект

Китайский юмористический (комический) дискурс всё чаще становится объектом изучения российских языковедов. Л.В. Косинова рассматривает в кандидатской диссертации такие его жанры, как «сяншэн», «куайбань», «анекдот» и выявляет в китайской лингвокультуре универсальные и национально специфичные характеристики. Ценным замечанием исследователя является свойственное китайскому комическому дискурсу «более частое использование юмора слова, нежели юмора ситуации» [Косинова 2017: 5], что важно для исследования эвфемии в данном дискурсе как языкового юмористического средства. Словесный характер китайского юмора отмечают и другие исследователи, например, В.Е. Ермоленко называет китайский юмор в первую очередь каламбурным [Ермоленко 2017]; Д.Ц. Го пишет: «Если европейский юмор обычно является ситуационным юмором, где смеются над комичностью ситуации, китаец высоко ценит юмор “словесный”, игру слов» [Го 2016: 229]. Китайский юмор чаще всего основан «на словесных парадоксах, созвучии, каламбурах, игре слов» [Там же], в этом плане он близок русской юмористической традиции, в которой ценится юмор слова, а не юмор положения [Крылова 2012: 61]. Несомненно, склонность к словесному юмору свидетельствует о высоком творческом потенциале носителей языка, их стремлении и умении использовать разнообразные возможности языка в игровой

функции. Однако это же качество создаёт препятствия для интернациональности юмора, возможности перевода шутки с одного языка на другой без искажения смысла и утраты (снижения) комического воздействия на адресата.

Естественно внимание российских исследователей (как русских, так и китайцев по национальности) к сопоставительному изучению русского и китайского юмористических дискурсов. Публикация Д.Ц. Го посвящена сопоставлению китайских традиций юмора с европейскими и, в частности, русскими. Автор акцентирует внимание на превалировании сарказма над юмором в китайской традиции, отмечая: «Слово 讽刺 (fèngcì – сатира, сарказм, ирония) в китайском языке появилось раньше, чем слово 幽默 (yōumò – юмор)» [Го 2016: 228]. Для китайского юмора традиционно важнее критика и разоблачение, чем простое высмеивание и лёгкий юмор, однако в настоящий момент наблюдаются изменения, и, вопреки традициям, шуток лёгких, не имеющих цели обличения, становится всё больше. Ф. Чжэн выделяет в юмористических дискурсах обоих языков «юмор, иронию, сарказм, сатиру» [Чжэн 2017: 91].

Отличаются жанры русского и китайского юмора, хотя по этому вопросу мнения исследователей не всегда сходятся. Например, В.А. Разумовская и Цзан Годун отмечают, что, несмотря на наличие в китайском юмористическом дискурсе жанра анекдота, он не полностью совпадает с анекдотом в русской юмористической традиции. Сочетание 笑话 (xiào huà) обычно переводится как «анекдот», хотя обозначает «смешной рассказ», «смешные слова». Исследователи считают: «Китайские “смешные слова” представляют собой забавные истории, которые могут показаться представителям других культур и не очень смешными. Такие истории в определенной степени напоминают сказки» [Разумовская 2009: 87]. Надо отметить, что в научной литературе можно найти и совершенно противоположные высказывания. Например, С. Чжан отмечает: «Китайский анекдот – короткий смешной рассказ, по своим базовым

характеристикам сходен с анекдотами других стран» [Чжан 2015]. Такие несовпадения в точках зрения исследователей свидетельствуют о недостаточной изученности китайского юмора и необходимости более внимательного его рассмотрения, в том числе с точки зрения разнообразных средств создания комического.

Различные средства создания комического в китайском юморе рассматривает Л.В. Косинова, называя среди них высокий темп речи, тональную игру, иероглифическую игру, игру цифрами, обыгрывание диалектных различий, обыгрывание фразеологизмов, повторы и т. д. [Косинова 2015], однако не называя эвфемию. Проблема эвфемии в юмористическом дискурсе китайского языка является в настоящий момент практически не изученной. Л.В. Косинова упоминает только, что в жанре сяньшена (комедийного представления, построенного на диалоге двух актёров; эстрадного диалога) эвфемия является средством вуалирования смысла, что стало особенно востребованным для преодоления строгой цензуры во время Культурной революции (1966-1976 гг.). Как отмечает Л.В. Косинова, «некоторым артистам приходилось прибегать к эвфемизмам и аллюзиям, чтобы смысл их сатирических высказываний не был столь очевиден» [Косинова 2017: 10]. Способы создания комического эффекта в китайском языке анализирует также О.В. Геращенко, называя в их числе фонетическую имитацию чужой речи (обыгрывание диалектных различий в произношении), имитацию фонетической ошибки, перестановку слогов, рифму, омонимию, порядок слов в предложении [Геращенко 2014]. Л. Чэнь добавляет к этому перечню тоновую игру, основанную на особенностях китайского ударения [Чэнь 2017]. Е.В. Калачинская характеризует китайский юмор как каламбурный, а к единицам, которые чаще всего каламбурно обыгрываются, относит омонимию, полисемию, идиомы – прецедентные высказывания, нарушения грамматических, пунктуационных и стилистических норм [Калачинская 2016]. Эвфемия, как видим, не называется исследователями среди способов конструирования комического эффекта в китайском языке.

При этом можно отметить, что эвфемия в китайском языке достаточно широко распространена и наблюдается в самых разнообразных сферах коммуникации. С помощью эвфемизмов именуют высшее руководство, тех, кто выше по рангу, должности, социальному положению [Акылбекова 2015: 200]; дают имена детям [Чжан 2012]; называют некоторых опасных животных (тигра, змею) [Там же]; явления, связанные со смертью [Там же]; болезнями, недостатками, личной жизнью [Ницула 2016]; непрестижные профессии [Чжан 2010; Денисова 2016]; явления из сферы сексуальных отношений [Чжан 2011] и т. п. В данных сферах эвфемия выполняет смягчающую, вуалирующую и маскирующую функции, позволяет не называть прямо явления, упоминание которых противоречит традициям, моральным или этикетным нормам. Перечень названных выше сфер использования эвфемии совпадает с теми сферами, в которых она наблюдается в русском и других языках. Специфика китайской эвфемии состоит в её обусловленности традициями конфуцианства, предполагающими исключительно лояльное и уважительное отношение к окружающим, недопустимость хотя бы минимального проявления дерзости и грубости.

Есть и тематические ограничения: в китайском юморе не принято шутить о руководителях государства. Строгие традиции конфуцианства требуют беспрекословного подчинения младшего старшему и не допускают подшучивания граждан над правителем, молодёжи над стариками и т. п., даже с использованием эвфемии. Тематические ограничения, по мнению В.Е. Ермоленко, касаются также политики (шутки в данной сфере считаются неуместными), финансов и экономики (эти серьёзные сферы не предполагают высмеивания), отношений в семье (в китайском юморе неприлично касаться личных тем) и т. д. [Ермоленко 2017]. Однако в настоящий момент китайский юмор расширяет свои тематические границы, и в шутках, главным образом анекдотах, начинают затрагиваться сферы и раскрываться темы, ранее полностью табуированные.

Наши наблюдения за китайским юмором показывают, что в современном Китае юмор всё более европеизируется, становится интернациональным. Несмотря на сохранение Китаем значительного количества национальных традиций, на Китай, его язык вообще и его юмористический дискурс в частности всё же воздействует глобализация. В частности, юмор приобретает более свободный характер. Использование же в китайском юмористическом дискурсе эвфемизмов как средства создания комического соответствует отмеченной выше традиции словесного юмора в китайском языке. То есть европеизация китайского юмористического дискурса является, по нашему мнению, фактором, стимулирующим более активное использование эвфемии в качестве средства формирования комического эффекта.

Мы рассмотрели современные китайские анекдоты как жанр, наиболее популярный в современном Китае, ценимый китайцами за свою краткость и ёмкость. Эвфемия в качестве создания комического эффекта зафиксирована нами примерно в каждом двадцатом анекдоте.

Эвфемия чаще всего отмечается на текстуальном уровне, то есть бывает выражена посредством целого текста, что упрощает перевод анекдота на русский язык: при переводе просто необходимо обрисовать описанную в анекдоте ситуацию.

Эвфемия в китайских анекдотах может касаться, например, сферы сексуальных отношений:

母女二人去参观女儿男朋友的画展。

母亲发现其中一幅裸体人像酷似女儿,便问道:

“你没有光着身子让他画吧?”

“啊,没有,女儿答,他是凭记忆画的”。[Китайские анекдоты 2018].

Приведём перевод: *«Мать и дочь посетили выставку картин бойфренда дочери. Мать увидела один из портретов, на котором обнажённая девушка похожа на её дочь, и спросила:*

– Ты не позировала ему обнажённой?

– Ах, нет, – ответила дочь, – портрет нарисован по памяти».

Здесь подразумевается эвфемистический смысл: *«Художник прекрасно знает, как выглядит девушка обнажённой, потому что они занимаются сексом»*. Юмор создаётся за счёт того, что девушка пытается скрыть факт добрачной половой связи от матери и как бы случайно «проговаривается» матери, собираясь ответить возмущением на её предположение. Данный анекдот вполне соотносится с русским юмором, мы могли бы встретить подобный в сборнике русских анекдотов.

Ещё одна сфера использования эвфемии в анекдотах – полнота человека, лишний вес, о котором не принято говорить прямо в условиях распространения политкорректности. Например:

A: 我妻子想减肥, 所以她每天都去骑马。

B: 结果怎么样?

A: 马在一个月之中瘦了四十斤。 [Там же].

Перевод анекдота:

«A: Моя жена хочет похудеть, поэтому она начала ездить верхом каждый день.

B: Ну и что произошло?

A: Лошадь потеряла 40 цзиней (20 кг) за месяц».

Закодирован смысл: *«Жена настолько полная, что от верховой езды она похудеть не может, а вот лошадь, которая несёт её, худеет»*. Мы видим здесь традиционную для различных культур насмешку над людьми с избыточным весом, а также над теми людьми, которые пытаются похудеть. Тема похудения в настоящий момент является интернациональной, хотя в китайской традиции полнота человека считалась его достоинством, свидетельствующим о достатке, которым обладает он и его семья.

С помощью эвфемии может высмеиваться недостаточно высокий уровень обслуживания в общепите, например, в анекдоте:

某天有一个人上餐厅用餐,结果菜色令他很不满意。

就很不高兴的找服务员来说:“你们的菜怎么这么难吃,叫你们经理来”

。服务员:“我们经理到对面的那间餐厅去吃午饭了”。[Там же].

Приведём перевод: *«Однажды человек обедал в ресторане и не был удовлетворён качеством блюд. Недовольный, он позвал официанта и попросил пригласить директора, чтобы пожаловаться ему на пищу. Официант ответил: “Наш директор отправился на обед в другой ресторан”»*. Смысл (то, что еда плохая) частично заявлен в анекдоте прямо, но частично скрыт и выявляется с помощью эвфемии: *«У нас настолько плохо готовят, что директор предпочитает платить за обед в другом ресторане вместо того, чтобы бесплатно пообедать в нашем. Поэтому жаловаться бесполезно: все и так знают»*. В данном анекдоте мы видим мягкость китайского юмора, отсутствие злобного вышучивания, оскорблений, явно выраженного желания обидеть другого человека.

При этом в современных китайских анекдотах можно обнаружить примеры юмористических текстов, в которых наблюдается завуалированное оскорбление, что с трудом вписывается в китайскую традицию юмора. Рассмотрим пример, представляющий собой жанр байки, или исторического анекдота:

孔融是汉朝有名的文学家,他六七岁的时候就很聪明。很多有学问的大官出各种各样的难题考他,都没有把他难住。

有一次,孔融参加了一个宴会。在宴会上,他机智地回答了几个人出的难题,受到在场很多人的称赞。大家都说他长大以后一定会有出息。

可是，有一位大官看见大家都捧这个六七岁的小孩子，心里很不服气，就对人们说：“我看哪，小时候聪明的人，长大以后可不一定聪明。”孔融听了，马上回答说：“我想，你小时候一定非常聪明。” [Там же].

Текст состоит из двух частей, в первой рассказывается о герое байки – Кун Жуне (153-208), который был китайским государственным деятелем и поэтом эпохи упадка династии Хань. Сказано, что этот известный поэт проявил свой ум и таланты достаточно рано – в 6-7 лет, то есть был, как сказали бы сейчас, вундеркиндом. Далее следует собственно история. Переведём её: *«Однажды маленький Кун Жун присутствовал на торжестве, где правильно отвечал на каверзные вопросы людей, пытавшихся проверить его ум. Присутствующие хвалили Кун Жуна и говорили, что у него блестящее будущее: когда он вырастет, наверняка станет ещё более умным. Однако один из высокопоставленных чиновников не был убеждён в этом. Он сказал: “Я вижу, что молодой человек умный, но он может не быть умным после того, как вырастет. Так часто бывает”. Кун Жун мгновенно отреагировал: “«Я думаю, вы были очень умны, когда были молоды”»*. По сути в реплике юного Кун Жуна скрыт смысл: *«Если ваша логика верна, то вы сейчас не очень умный»*. Или проще: *«Вы – глупец!»*. История воспринимается адекватно представителем любой культуры, даже не знающим, кто такой Кун Жун. Её можно отнести к любому знаменитому учёному, поэту, общественному деятелю, рано проявившему свои дарования. Показано, что эвфемия может стать способом остроумно завуалировать оскорбление. В данной байке мы видим отступление от строгих конфуцианских традиций: глупцом выставлен важный сановник, то есть человек, занимающий высокое социальное положение, большую должность. Коммуникативная победа одержана ребёнком, то есть младший посрамил, высмеял старшего.

Становятся предметом вышучивания и личные отношения между мужчиной и женщиной, например, в таком анекдоте:

老公，你说要是你以后有了钱，会不会不要我去找小三

放心，不会的

为什么不会？

因为有你在，我哪里会有钱 [Там же].

Этот анекдот представляет собой диалог между мужем и женой (или между гражданскими супругами). Его можно перевести так:

«— Дорогой, скажи: если у тебя когда-нибудь появятся деньги, ты сможешь бросить меня и завести любовницу?»

— Не волнуйся, не смогу.

— Почему?

— Потому что пока ты рядом, я не смогу быть при деньгах».

В анекдоте передаётся смысл: *«Ты обираешь меня, выманиваешь у меня все деньги, заставляешь тратить на тебя всё. Ты вымогательница и транжира».* Этот анекдот звучит упрёком типу женщин, которые живут за счёт мужчины, не хотят сами зарабатывать, считают долгом мужчины обеспечивать их. Этот тип женщин интернационален, что также указывает на проникновение глобалистических тенденций в сферу китайского юмора. Хотя при этом юмор достаточно мягкий: показано, что мужчина любит женщину, даже вопреки такому её негативному качеству.

С помощью текстуальной эвфемии могут выражаться упрёки не только женщинам со стороны мужчин, но и наоборот — мужчинам со стороны женщин. Например, в анекдоте:

两个女友在交谈，其中一个死了丈夫。

你为什么不再找一个丈夫？”

“因为我养了狗，鹦鹉和猫了。”

“什么意思？”

“狗常常叫喊，鹦鹉常常发出不愉快的声音，猫在深夜也不回来。”

[Там же].

Рассмотрим перевод:

«Разговаривают две подруги, у одной из которых умер муж.

– Почему бы тебе снова не найти мужа? – говорит одна.

– Потому что у меня есть собаки, попугаи и кошки, – отвечает вторая.

– А при чём здесь они?

– Собаки постоянно лают, попугаи часто издают неприятные звуки, а кошки не приходят поздно ночью».

В анекдоте завуалирован смысл: *«Мужчины часто кричат, издают неприятные звуки, не приходят домой ночевать. Эти качества такие неприятные, что схожи с поведением животных».* Не характеризовать негативно мужчин прямо помогает перемещение – указание на обладание данными качествами животных. Приведённые примеры демонстрируют изменения, происходящие в сфере личных отношений между китайцами – большую свободу этих отношений, проникновение к ним особенностей, характерных для личной сферы людей любой национальности. Насмешка над мужчиной (женщиной), вышучивание их недостатков становятся разрешёнными, допустимыми, и эвфемия способствует тому, что такие шутки являются мягкими, незлобными.

Могут также затрагиваться отношения родителей и детей, например, в анекдоте, представляющем собой диалог между школьником и его отцом:

子：“如果我考全班第一名，你会怎样？”

父：“那我真要高兴死了！”

子：“爸爸，不要担心，我不会让你死的！ [Там же].

Анекдот переводится следующим образом:

Сын: *«Папа, что бы ты сделал, если бы я был лучшим по учёбе в классе?»*

Отец: *«Я умер бы от счастья!»*

Сын: «Папа, не волнуйся, я не позволю тебе умереть!».

Завуалированно передаётся информация: *«Я не лучший по учёбе в классе»*, скорее даже: *«Я очень плохо учусь»*. На передний план выносятся умение говорящего остроумно подавать неприятную информацию. Данная направленность часто бывает характерна для китайских анекдотов, в частности, мы уже видели подобное выше в анекдоте о качестве еды в ресторане. Совмещение непрямого смысла с остроумием свойственно китайскому комическому дискурсу.

Несмотря на превалирование текстуальной эвфемии, в китайском юмористическом дискурсе можно встретить и другие способы создания эвфемизмов, например, обыгрывание порядка слов, синтаксические трансформации:

一位学生对另一位说：“你的 汉语 最近学的怎么样？”

很好，我过去不懂中国人说话，可现在是中国人不懂我的话了。” [Там же].

Анекдот можно перевести так:

«Один студент спросил у другого:

– Как у тебя с изучением китайского языка в последнее время?

– Прекрасно. Раньше я не понимал китайцев, а теперь китайцы меня не понимают».

В нём закодирован смысл: *«Плохо»*, для выражения которого, как мы видим, использован приём многословия, но главное средство – это синтаксическая игра: подлежащее и дополнение поменялись местами, и смысл кардинально изменился, оставшись в то же время прежним. Присутствует, как нам кажется, и логическая игра: адресату предлагается разгадать своеобразную логическую загадку и понять, как же всё-таки обстоят дела у студента с изучением китайского языка. Примеры подобного типа очень интересны, но текстуальная эвфемия всё же является преобладающим способом образования эвфемизмов в юмористическом тексте китайского языка.

Сопоставив китайский юмористический дискурс с русским, мы можем отметить наличие значительного сходства между ними. В частности, китайский анекдот покажется русскому человеку неясным только в том случае, если юмор в нём основан на обыгрывании фонетических особенностей, непонятных иностранцу, обыгрывании иероглифов, их семантики и возможных вариантов произношения, а также обыгрывании других специфических языковых средств. Если же в качестве способа создания комического эффекта используется эвфемия, например, текстуальная, то юмор становится интернациональным, а анекдот вполне понятным иностранцу.

Выводы

В юмористическом дискурсе представлено множество способов как образования новых эвфемизмов, так и использования уже имеющихся в языке. Чаще всего встречается образование эвфемизмов на лексическом уровне. Эвфемизмы создаются при помощи метафоризации, употребления заимствованных лексических элементов, широкозначных слов, антонимов, использования родового наименования вместо видового и других лексических средств. Эвфемизмы формируются на базе фразеологических единиц, с помощью приёма инфериорности – недостаточности лексической информации и т. п. Применение уже существующих в языке эвфемизмов в юмористическом дискурсе носит игровой характер, то есть неразрывно связано с каламбуром. Обыгрываются, сталкиваются в тексте значения многозначного слова, омонимы, омофоны и другие языковые явления. Особенно часто наблюдается буквализация эвфемизмов – восприятие их в прямом значении. Используется для усиления комического действия приём обманутого ожидания. Эффективными являются оба явления – и создание нового, и обыгрывание уже имеющегося в языке эвфемизма.

На фонетическом уровне в качестве элементов шуток используются созвучия слов, нейтральных по стилистической окраске, и обценных ругательств. Небольшой состав русских обценных слов создаёт условия для

узнаваемости их по одному или нескольким звукам. Эвфемизация, построенная на созвучии, имеет ярко выраженную функцию негативной характеристики явлений.

Суть эвфемизмов, создаваемых средствами стилистики, состоит в стилистическом контрасте: анекдоту или иному тексту юмористического дискурса, а также элементу текста придаётся форма какого-то книжного стиля – публицистического (используется стилистика публицистического текста или рекламы), научного (используется лексика какой-либо науки, например, математики в анекдоте-задаче). Создаётся стилистический контраст, так как характер табуируемых в данном виде дискурса явлений обуславливает разговорную окраску текста.

На морфологическом уровне используются такие языковые средства эвфемизации, как местоимения *тот* и *этот*, относительные местоимения, а также грамматические ошибки. Способом обыгрывания данных средств является грамматический (морфологический) каламбур.

Средствами эвфемизации в юмористических текстах нередко становятся прецедентные феномены – тексты, имена, ситуации. Используются такие прецеденты, которые хорошо знакомы всем участникам коммуникации – автору шутки и его потенциальным реципиентам. Прецедентные феномены обыгрываются с помощью аллюзивной языковой игры.

На синтаксическом уровне некая мысль выражается посредством не слова или сочетания, а всей синтаксической конструкции. В результате табуированная информация представлена более завуалированно. Синтаксическими средствами эвфемизации являются многословие, лаконизм, повтор, в том числе с трансформацией структуры.

Эвфемизация может происходить также на уровне небольшого текста (например, диалога, рассказа, анекдота). В этом случае наблюдается наиболее высокая степень кодировки смысла, когда скрытая информация репрезентируется посредством целого текста.

Различные способы образования эвфемизмов в конкретном примере юмористического дискурса могут сочетаться. Особенно часто сочетается использование прецедентного феномена с другими способами эвфемизации – метафоризацией, синтаксическим способом. Комплексный характер эвфемии, привлечение одновременно способов, относящихся к разным языковым уровням, свидетельствуют о живом характере данного процесса, универсальности его для разных уровней языка.

Основная функция эвфемизмов в юмористическом дискурсе – игровая, однако есть и более конкретные функции, которые могут выполнять эвфемизмы, – функция привлечения внимания, функция маскировки негативной характеристики лица или явления, функция пробуждения воображения читателя (слушателя), функция маскировки оскорбления, функция политкорректности. Большая часть этих функций специфичны для данного типа дискурса и в других дискурсах не встречаются, что доказывает специфичность эвфемии в юмористическом дискурсе по сравнению с другими типами дискурса. В любом случае эвфемизм служит средством создания противоречия между смыслом, содержанием юмористической фразы и языковым (часто также стилистическим) способом выражения данного смысла.

В китайской юмористической традиции эвфемия как средство создания комического в анекдотах не была распространена, однако в настоящий момент под влиянием процессов интеграции и глобализации анекдоты, основанные на эвфемизмах, становятся распространёнными в китайском юмористическом дискурсе. Этому способствует общая тенденция китайского комического дискурса к превалированию юмора языка над юмором ситуаций, соответствующая направленности русского юмора. Чаще всего в китайском юмористическом дискурсе (анекдотах) используются как средства комического текстуальные формы эвфемии, которые интернациональны и адекватно переводятся на русский язык. Сферы (тематика) юмора соотносятся с теми сферами, которые наблюдаются в русском юмористическом дискурсе: вышучивание людей с лишним весом, отношения родителей и детей, личные

отношения мужчины и женщины, сексуальная сфера, плохое обслуживание в общепите, завуалированные оскорбления и др. В китайском юморе ценится умение остроумно и находчиво выразить неприятную для собеседника информацию. Европеизация китайского юмористического дискурса, приобретение им интернациональных, глобальных черт, расширение его тематики выступают факторами, стимулирующими носителей языка использовать эвфемии в качестве структурного средства образования комического. Эвфемия отражает традиционное стремление китайца быть уважительным, не говорить грубо, не проявлять дерзости.

Далее нам необходимо рассмотреть те особенности, которые имеет эвфемизация в различных наиболее популярных жанрах современного российского юмористического дискурса.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗАЦИИ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

3.1. Эвфемизмы в современном русском анекдоте

К жанрам современного русского юмористического дискурса относятся сатирический роман, юмористический рассказ, фельетон, басня, пародия, афоризм, анекдот, частушка, шутка, байка, розыгрыш, ироническое стихотворение, пустоговорка, лимерик, детские шуточные стишки, в том числе садистские, шутки (репризы) КВН, велеризм, эпиграмма, «пирожки», «порошки», ситком (юмористический сериал). Жанровая система юмористического дискурса подвижна, в неё регулярно включаются новые элементы, а старые начинают функционировать ограниченно. В частности, одной из особенностей жанровой динамики является прогресс жанров малого объёма (анекдот, детские садистские стишки, лимерик и др.) и регресс больших по размеру жанровых форм (сатирический роман, фельетон). Кроме того, нельзя не отметить, что активно развиваются юмористические жанры, связанные с медийным пространством и интернетом: «пирожки», «порошки», шутки КВН, ситком и др. Для нашего исследования бытования эвфемии в юмористическом дискурсе мы выбрали жанры, наиболее популярные в современном юморе, активно функционирующие, пополняемые новыми текстами, – анекдот, шутки КВН, детский садистский стишок, ситком. Критерием выбора стало также наличие жанровых особенностей в использовании эвфемии как средства создания комического в данных жанрах. Рассмотрение эвфемии на материале произведений разных жанров позволит нам увидеть влияние жанровой формы на использование эвфемизма, его содержание, структуру, функции.

Анекдот является наиболее распространённым жанром в современном юмористическом дискурсе. Он популярен в силу краткости формы, способности выражать глубокий смысл, афористичности. Хороший анекдот всегда заканчивается неожиданно, не так, как предполагалось в его начале, и этот

эффект неожиданности также является причиной исключительной популярности жанра анекдота.

Анекдот изучается в современном языкознании с разных точек зрения. Исследователей интересуют когнитивные основания, концептосфера русского анекдота [Барашева 2017; Залялова 2007], выражение посредством анекдота вербальной и невербальной агрессии [Князян 2015], эволюционные, динамические процессы в жанре анекдота [Паршина 2015], этнолингвистическая и лингвокультурологическая обоснованность анекдота [Хрущева 2009; Шмелёва 2014], аксиологическая природа анекдота [Карасик 2015; Паршина 2014] и другие вопросы. Наибольшее внимание лингвистов привлекают способы создания комического эффекта в анекдоте, среди которых выделяется языковая игра [Александрова 2014; Евстафьева 2006], метафоризация [Хохонин 2017], грамматические средства [Бирюков 2005], использование прецедентных феноменов [Тулина 2014] и т. п. Ярким средством создания комического в анекдоте являются и эвфемизмы, которые с такой позиции пока практически не рассматривались.

В современных анекдотах говорящим применяются различные структурные типы эвфемизмов, эвфемия на разных языковых уровнях.

На фонетическом уровне обыгрывается созвучие вульгаризмов и обсценной лексики с другими словами языка. Созвучие может быть полным при различиях в написании, тогда единицы представляют собой омофоны – «разные слова, совпавшие по звучанию при различии морфонологического состава» [Ахманова 1969: 288]. Например: «*Певицу **Насри** не пустили в Россию из-за фамилии, призывающей к административным правонарушениям*» [Бугага 2018]. У автора анекдота, благодаря явлению омофонии, появляется некая возможность легально использовать нелитературное слово, так как оно совпадает с литературным. Бранное слово вроде бы не употреблено, и, тем не менее, оно прозвучало. Это разновидность каламбура, построенная на звуковых совпадениях.

Регулярно использование каламбура, обыгрывающего единицы лексического уровня языка: омонимы, значения многозначного слова. В каламбуре актуализируется исходное значение лексемы, употребляемой как эвфемизм, то есть происходит буквализация значения. Например: «*Любовнику от женщины нужно **одно**, а мужу, – и первое, и второе, и третье*» [Свежие отб. анекдоты 2016: 102]. Эвфемизм *одно* обозначает 'сексуальные отношения', но в данном анекдоте обыграно его прямое значение количественного имени числительного, сопоставленное с наименованиями обеденных блюд – порядковыми именами числительными по происхождению.

Эвфемия может затрагивать морфологические средства языка, например, указательные местоимения, причём в этом случае тоже не исключены каламбурные обыгрывания смыслов. Например:

«*Внук подходит к деду, курящему на лавке:*

– *Дедушка, ну когда же ты бросишь курить?*

– *Не переживай, тебе **об этом** сообщат*» [Самые лучшие анекдоты 2017: 254-255].

Обыгрывается местоимение *об этом*, которое соотносится и с семантикой 'о том, что я брошу курить', и со скрытым смыслом 'о моей смерти'. Ответ дедушки по сути обозначает: «*Я никогда не брошу курить. Буду курить до самой смерти*»; семантика, связанная со смертью, в соответствии с традициями эвфемии, остаётся скрытой, при этом каламбурно обыгрывается, что и служит средством создания комического.

Стилистический контраст способствует созданию в анекдотах стилистического контраста. Особенно эффективно использование специальных терминов при описании бытовых явлений. Например:

«*Встречает волк в лесу Красную шапочку и говорит:*

– *Ну что, Шапка, у нас с тобой есть два варианта развития событий: либо **слияние**, либо **поглощение***» [Сергеев 2009: 83].

Эвфемизмами здесь являются термины сферы экономики *слияние* и *поглощение*, которые обозначают соответственно 'сексуальный контакт' и

‘съедение’. Каламбурно обыгрывается многозначность специальной терминологии, возможность с её помощью назвать наименее соответствующие данной сфере понятия.

При разнообразии структурных разновидностей эвфемизмов, которые мы наблюдаем в русском анекдоте, наиболее востребованными способами эвфемизации здесь являются, по нашим наблюдениям, создание эвфемизмов на синтаксическом и текстуальном уровнях.

На синтаксическом уровне наблюдаем выражение комического смысла посредством целого предложения. Например: *«Шеф меня так долго ругал сегодня, что я даже ляпнул “Да, дорогая”»* [Бугага 2018]. Здесь выражается смысл: *«Моя жена меня постоянно ругает»*, но подан он не прямо, а вынесен на задний план, «заслонён» другим, более явным смыслом.

Эвфемизмы синтаксического уровня преобладают потому, что весь текст анекдота создаётся с определённой целью, и эвфемистическая замена часто бывает такой целью. Анекдот – малый юмористический жанр, текст которого подчинён единому замыслу, для реализации которого анекдот служит полностью. Например: *«В ювелирных магазинах появились ожерелья из гречки»* [Анекдотов.net 2018] – данный анекдот выражает смысл *«Гречневая крупа подорожала»*, для передачи которого выбран гиперболический образ (подорожала до стоимости ювелирных украшений), высказанный целым предложением.

Не менее востребованы в анекдотах эвфемизмы на текстуальном уровне, когда для выражения определённой мысли говорящим конструируется целый текст. Например:

«Тамада на свадьбе:

– Эту бутылку вина я отдам тому, кто скорчит самую страшную рожу!

Раз, два, три, начали! ... Стоп! Итак, победила невеста!

Невеста:

– А я не играла...» [Самые лучшие анекдоты 2017: 228-229].

Здесь с помощью анекдота, описывающего целую сценку из традиционного свадебного празднества, передаётся простой смысл: *«Невеста некрасивая»*. В формате свадьбы, где невеста воспринимается как самая красивая женщина, этот смысл является неожиданным, то есть в данном анекдоте видим также использование эффекта неожиданности как юмористического приёма.

На синтаксическом и текстуальном уровнях для создания эвфемизма применяется фигура умолчания – пропуск какого-то смыслового элемента, который адресат способен достроить самостоятельно. В лингвистике умолчание определяется как «оборот речи, заключающийся в том, что автор не до конца выражает мысль, предоставляя читателю (или слушателю) самому догадаться, что именно осталось невысказанным» [Розенталь 1985: 367]. В юмористическом дискурсе, как правило, умалчивается часть предложения (синтаксический уровень) или целое предложение (текстуальный уровень), содержащая напрямую выраженный табуированный смысл. Например, предметом умолчания могут стать некоторые аспекты семейных отношений:

«Обход в психиатрической клинике:

– Этот бедняга спятил, когда его невеста вышла за другого.

Переходят в соседнюю палату:

– А здесь содержится тот, другой...» [Лучшие медицинские анекдоты 2014: 19].

Адресату данного юмористического текста предлагается не только восстановить фразу: *«Он сошёл с ума, потому что женился»* и посмеяться над комической ситуацией, но и поразмыслить над сложной философской проблемой. Сначала мужчина может стремиться к женитьбе и настойчиво добиваться своей цели, страдая, если любимая девушка отказывается выйти за него замуж, а затем, в браке, он страдает от неудачных отношений. Юмористическая форма и эвфемия (сложная проблема не названа напрямую) помогает осмыслить данное явление одновременно и серьёзно, и с юмором.

Предметами эвфемизации в анекдотах становятся различные сферы коммуникации, общения между людьми: бытовые отношения мужа и жены,

детей и родителей, начальника и подчинённых, студентов и преподавателей, врачей и пациентов, автоинспекторов и нарушителей, друзей и т. д. В каждой из сфер эвфемия имеет особые причины своего использования.

Отношения мужа и жены – одна из самых сложных сфер коммуникации, требующая от обоих коммуникантов психологической компетентности, мудрости, терпения и т. д. Далеко не все успешны в этом типе коммуникации, что и обыгрывается в большом количестве анекдотов. Эвфемия помогает здесь описывать ситуации оскорбления без прямой вербальной номинации. Например: *«ГИБДД начала выдачу прав для управления ослом... Жена говорит, что ей не надо, у неё 30-летний стаж»* [Бугага 2018]. В данном анекдоте содержится информация оскорбительного характера: *«Муж – осёл»*.

Часто высмеиваются в анекдотах отношения начальника и подчинённых: *«Офисное наблюдение. Чем хуже шутит начальник, тем легче выявить подхалима»* [Всё шуточки 2018]. В данном анекдоте использована эвфемия, образованная на синтаксическом уровне, завуалирован смысл: *«Подхалимы смеются над несмешными шутками начальника»*. В анекдотах данной тематики находят своё выражение негативные чувства подчинённых, испытываемые по отношению к начальникам, то есть анекдоты выполняют психотерапевтическую функцию. Необходимость для подчинённых постоянно скрывать свои истинные чувства и мысли от начальников делают данную сферу коммуникации нуждающейся в эвфемии и переносят склонность к эвфемизации на анекдоты в том числе.

В медицинских анекдотах нередко изображаются не очень умные больные, которые отвлекают докторов от работы своими необоснованными жалобами. В таких анекдотах врачи проявляют речевое мастерство в искусном оскорблении пациентов с помощью эвфемизмов. Например:

«– Доктор, когда я становлюсь на голову, кровь ударяет мне в голову. А когда становлюсь на ноги, кровь мне в ноги не бросается. Почему это?»

– В ногах нет пустот» [Лучшие медицинские анекдоты 2014: 14].

Эвфемизм, построенный на текстуальном уровне, в данном анекдоте транслирует смысл: *«У вас в голове пусто»*.

Аналогичных примеров обнаруживаем немало:

«– Доктор, сколько можно прожить без мозга?»

– А сколько вам лет?» [Там же].

Закодирован смысл: *«Вы всю жизнь живёте без мозга»*.

В анекдотах такого типа проявляется раздражение врачей по поводу навязчивых и несообразительных пациентов. Это явно юмористические тексты, авторами которых являются сами медики; здесь мы видим собирательный образ автора анекдота – остроумного и усталого доктора. Юмор является действенным средством борьбы со стрессом, психологическим ресурсом, помогающим медицинским работникам справиться с профессиональными стрессогенными факторами [Артемьева 2015].

В медицинском анекдоте нередко примеры чёрного юмора, также отражающего специфику мышления врачей, для которых смерть является каждодневной реальностью и одной из сторон их профессии. Нередко с помощью эвфемии создаются шутки, в которых незадачливые пациенты, сомневающиеся в высокой квалификации врача, уведомляются о возможной смерти. Например:

«– Доктор, я был у нескольких врачей, и ни один не согласен с вашим диагнозом.

– Ну что ж, подождём вскрытия» [Там же: 15].

Для медицинского анекдота, о чём бы он ни был, даже для анекдота о смерти, характерна имитация спокойного тона доктора, не паникующего ни в какой ситуации, и этот тон также выступает как одно из средств комического.

Чёрный юмор может встречаться не только в формате медицинского анекдота; для носителя языка остроумное эвфемистическое обозначение явлений, связанных со смертью, становится игрой. Смысл игры – в поиске новых эвфемизмов, незнакомых адресату текста и поэтому участвующих в создании эффекта неожиданности. Например:

«Перед прыжком инструктор напутствует курсантов:

– *Чтобы не **совместить два прыжка в одном**, точно выполняйте мои указания.*

– *А что за два прыжка?*

– ***Первый и последний***» [Анекдотов.net 2018].

Смысл эвфемизма *совместить два прыжка*, употреблённого в первой реплике данного диалога, становится понятен адресату ('разбиться, умереть') только в последней реплике. Мы видим в данном анекдоте пример чёрного юмора в речи инструктора по прыжкам – человека, постоянно имеющего дело с ситуациями, которые могут привести к смерти. Эвфемизация имеет здесь психотерапевтическую роль – одновременно смягчает высказанную мысль (ведь страшное слово *смерть* благодаря ей не произнесено) и настраивает курсантов на внимание к дальнейшему инструктированию, осведомляет их о реальной опасности для жизни.

Анекдоты о бедняках, которые остроумны и умеют пошутить над своей бедностью, стали особенно популярны в перестроечный и постперестроечный периоды существования России, когда произошло углубление имущественных различий между категориями граждан. Героями таких анекдотов нередко становятся инженеры, учителя и другие представители интеллигентных профессий. Например:

«Инженер зашёл в гости к своему старинному приятелю, новому русскому. Осматривает квартиру: холл, гостиную, спальни, кухню, столовую, детскую, кабинет, библиотеку, гостевые комнаты – и заявляет:

– *И у меня всё это есть, только **без перегородок!***» [Сергеев 2009: 88].

Эвфемизм *без перегородок* обозначает однокомнатную квартиру, в которой живёт инженер и которая одновременно является для его семьи гостиной, спальней, столовой и т. д. Анекдоты такого типа символизируют оптимистическое мировоззрение современного носителя русского языка, его умение легко и с юмором относиться к своим трудностям, временным или

постоянным. Кроме того, постулируется тезис об относительности богатства и бедности.

Эвфемизация часто используется в анекдотах для того, чтобы дать негативную непрямую характеристику какому-либо явлению. Это может быть явление, которое постоянно негативно оценивают, и, чтобы быть оригинальным, необходимо подбирать новые средства создания комического. Эвфемия становится таким средством. Например, она используется для негативной оценки игры российской сборной по футболу: *«В России в футбол умеют играть все, за небольшим исключением: всего одиннадцать человек...»* [Бугага 2018]. На то, что речь идёт о сборной команде по футболу, указывает только количество *одиннадцать*, то есть эвфемия требует от адресата хотя бы небольшой подготовки: он должен знать, по крайней мере, что в футбольной команде одиннадцать игроков. Эвфемизация служит в данном анекдоте не только для негативной оценки игры российской команды; заодно порицаются болельщики, стремящиеся ругать команду, умеющие хорошо играть в футбол только на словах.

Ещё один устойчивый объект оценки в русском анекдоте – интеллектуальные способности блондинок. Едва в тексте анекдота звучит слово *блондинка*, адресату становится ясно, что ему опять расскажут о глупости блондинок, поэтому анекдоты данного типа, чтобы быть оригинальными, нуждаются в особых стилистических и комических средствах, среди которых выделяется и эвфемия. Например:

«– Что делать, если блондинка бросила в тебя гранату?
– Выдернуть чеку и бросить обратно» [Бугага 2018].

Это эвфемия на текстуальном уровне, обозначающая: *«Блондинка настолько глупа, что не способна выдернуть чеку из гранаты»*. Слово *глупый* не использовано, так как эвфемия создаёт условия для того, чтобы адресат анекдота сам осознал ситуацию и сделал такой вывод. Помимо эвфемии, использован эффект неожиданности: вопрос, содержащийся в первой реплике анекдота, предполагает совсем другую реакцию.

Эвфемия в современном русском анекдоте выступает как этическое средство, смягчая грубую лексику и недопустимые в публичном дискурсе наименования, и как художественно-выразительное средство, во многом формируя специфику юмора в данном популярном юмористическом жанре.

3.2. Эвфемизмы в репризах КВН

Юмор КВН представляет собой интереснейшее явление современного юмористического дискурса. КВН изучают специалисты различных гуманитарных дисциплин, в том числе социологи [Будаев 2009], культурологи [Букланс 2010], философы [Редкозубова 2010], психологи [Артюхин 2016], педагоги [Петров 2016] и т. д. Для лингвистов актуально рассмотрение средств создания комического в КВН-текстах, среди которых рассматриваются прецедентные феномены [Соломина 2008]; в целом же языковые способы создания шуток в КВН нельзя назвать достаточно хорошо исследованными. Примеры шуток КВН, основанных на эвфемии, которые мы регулярно приводили для иллюстрации разных явлений в предыдущей главе, демонстрируют востребованность эвфемизмов в структуре репризы КВН. В данном параграфе рассмотрим это явление более внимательно.

Наиболее распространённым жанром в формате КВН является реприза. Этот жанр пришёл на эстраду из цирка, в словаре Т.Ф. Ефремовой он определяется как «короткий шуточный номер, исполняемый клоунами или другими артистами между основными номерами (в цирке и на эстраде)» [Ефремова 2000]. В современном использовании репризы исчезло представление о ней как о номере между другими номерами, и реприза стала самостоятельным отдельным номером малого формата. В КВНе в качестве репризы часто выступает одна шутка, подобная анекдоту: члены команд по очереди представляют на суд жюри и зрителей репризы. Реприза может произноситься

одним человеком или разыгрываться двумя-тремя, если она представляет собой диалог.

Наиболее эффективна в КВН короткая юмористическая фраза. Это как раз тот случай, когда смех должен звучать гораздо дольше, чем сама шутка. Участники КВН постоянно стремятся к формированию коротких реприз, в том числе при помощи эвфемии. Например: *«Когда Надежда Бабкина встречается с Аллой Пугачёвой, их мужья играют в соседней комнате»* [Шутки КВН 2018]. В шутке закодирован смысл: *«Надежда Бабкина и Алла Пугачёва замужем за мужчинами, которые по возрасту им как дети»*.

В репризах КВН используются эвфемизмы, созданные различными способами и относящиеся к разным языковым уровням. Рассмотрим несколько наиболее распространённых моделей.

На словообразовательном уровне обнаруживаем окказионализм, в котором использована словообразовательная модель прилагательного *бальзаковский* (имя писателя, который создавал произведения о женщинах такого возраста + суффикс *-ск-*) и фразеологизм *бальзаковский возраст*, имеющий значение 'возраст женщины от 30 до 40 лет' [Фразеол. словарь 2007: 14]. Реприза выглядит следующим образом: *«Женщина **стасомихайловского** возраста»* [Там же]. Исходным именем собственным стало сочетание *Стас Михайлов* (личность и творчество данного певца регулярно вышучиваются в КВН), юмор подчёркивается различием в смысле с базовой моделью: если Бальзак писал о женщинах данного возраста, то Стас Михайлов поёт **для** женщин определённого возраста (кстати, это возраст более высокий, чем *бальзаковский*, скорее – от 40 лет и старше). В репризе при помощи словообразовательного эвфемизма скрыта информация: *«Стаса Михайлова слушают женщины старшего возраста»*.

Эвфемизмы лексического уровня помогают авторам шуток КВН использовать самые разные лексические средства для эвфемизации смысла. Это может быть метафора: *«Постового полицейского голуби **повысили в звании**»* [Там же]. В переносном смысле здесь передаётся информация о том, что на

погонах полицейского появились новые отметины в виде звёздочек — испражнения голубей.

Используются также эвфемизмы, построенные на основе прецедентного феномена, и здесь у участников КВН есть излюбленные литературные персонажи. Среди них выделяется, к примеру, дед Мазай из детского стихотворения Н.А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы», на отнюдь не невинное отношение которого к зайцам постоянно намекают шутники: *«Дед Мазай, чтобы не спалиться перед зайцами, всегда носит варежки мехом внутрь»* [Там же]. В данном примере скрыт смысл: *«Дед Мазай убивает спасённых зайцев и делает из их меха варежки»*.

Несмотря на то, что среди примеров, отобранных из реприз КВН, можно встретить эвфемию, основанную на языковых средствах разных уровней, здесь так же, как в анекдотах, наиболее востребованы эвфемизмы синтаксического уровня, с помощью которых выражается единый смысл, реализуется цельный юмористический замысел. Эвфемизм-предложение может выражать следствие того, что не названо, опущено, заменено эвфемистической единицей. Например: *«Лена увеличила губы, просто матерясь при родителях»* [Там же]. Слушатель может предположить, что Лена получала по губам от родителей, ругаясь при них, и именно поэтому она обошлась без модной сегодня среди девушек пластической операции, получив тот же эффект бесплатно. Эвфемизация на синтаксическом уровне предлагает адресату текста максимально завуалированную информацию, восприятие которой требует в некоторых случаях значительных усилий, воссоздания целой ситуации, использования собственной фантазии. Ещё один пример: *«Сын борца сумо всю жизнь мечтал и мечтает обнять отца»* [Там же]. Зрителю может быть непонятно, почему сын не может обнять отца (Может быть, у него нет отца?), однако фантазия помогает воссоздать скрытый синтаксической эвфемизацией смысл: *«Борец сумо такой полный, что его сын не может его обнять, как бы ни мечтал»*.

В репризах КВН на синтаксическом и текстуальном уровнях, как и в анекдоте, может встречаться фигура умолчания. Например: *«Судились еврей с*

*татарин*ом. Судье дали пять лет» [Там же]. В данной репризе мы видим некий рассказ, который представлен первым и последним предложениями, а вся основная часть рассказа (середина) опущена. Адресату юмора предлагается достроить эту часть, исходя из культурного стереотипа: «Еврей и татарин очень хитрые». Умолчание помогает говорящему простым способом избежать прямого выражения негативной информации о представителях разных национальностей, причём оставшаяся в анекдоте часть рассказа исключает возможность непонимания данной информации. Она всё равно выражена, только имплицитно.

Сочетание эвфемии с другими средствами создания комического является в репризах КВН регулярным явлением и отражает комплексный подход авторов шуток к языковым средствам, их стремление и умение сделать юмор более ярким.

Вообще шутки по поводу стереотипного восприятия представителей разных наций в КВНе не редкость, что выделяет данную программу на фоне основанного на толерантности дискурса современных СМИ. Данными шутками члены команд показывают, что им позволено шутить на эту запретную тему, так как сам КВН – интернациональная игра. Естественно, эвфемия становится важнейшим из способов в такого рода репризах, причём более всего распространена форма умолчания или инфериорности, когда используются только наименования национальностей, а остальная информация является скрытой и достраивается адресатом шутки. Например: «Необычный эксперимент! Эстонцы пересчитывают китайцев!» [Там же]. Здесь не названа табуированная информация о медлительности эстонцев и многочисленности китайцев, то есть опять же применена фигура умолчания. Суть шутки в том, что названный в ней процесс должен получиться чрезвычайно длительным.

Такую особенность, как регулярное обращение к темам, которые можно назвать запретными с точки зрения политкорректности, мы хотим назвать «вызывающей нетолерантностью». Шулки данного типа (над представителями разных наций, над полными людьми, над инвалидами и под.) – своеобразный

протест кавээнщиков против становящихся более строгими требований политкорректности. В других жанрах юмористического дискурса подобные темы в настоящий момент не затрагиваются, а в КВН количество неpolitкорректных шуток не уменьшается. Самое интересное, что они не выглядят как издевательские, как способные унижить людей, ставших объектами шуток. Напротив, введение их в круг высмеиваемых делает особенных людей обычными, а значит, это какая-то своеобразная форма толерантности.

Палитра тем и проблем, которые поднимают участники КВН и в обрисовке которых используют эвфемизмы, очень широка.

В КВН шутят по поводу социальных проблем, существующих в России, так как молодёжь интересуют происходящие в стране процессы, она надеется воздействовать на общество, внести свой вклад в решение его проблем. Например, вышучивается коррупция: *«В маршрутке, набитой чиновниками, деньги до водителя так и не дошли»* [Там же]. В этой шутке, основанной на эвфемии синтаксического уровня, скрыт обличительный смысл: *«Чиновники не в состоянии пропустить мимо рук деньги, даже если это плата за проезд в маршрутке»*. Юмор создаётся за счёт контраста: реальные размеры взяток чиновников, о которых студенты-кавээнщики могут узнать из СМИ, контрастируют с мизерностью платы в маршрутном такси.

Постоянными героями шуток становятся некоторые публичные личности, деятели шоу-бизнеса, спорта, медийные персонажи: Никита Джигурда, Николай Валуйев, Аркадий Укупник, Николай Басков, Анатолий Вассерман, Михаил Боярский, Тимати, Елена Малышева и др. К их числу относится и Сергей Зверев: *«Сергея Зверева не пускают в церковь без платка»* [Там же]. Высмеивается женственность известного стилиста, подразумевается, что в церковь без платка его не пускают, так как принимают за женщину. Это регулярный образ, создаваемый на основе эвфемии для характеристики данного персонажа: *«Родители Сергея Зверева до сих пор хотят мальчика»* [Там же].

Есть также профессии, представители которых постоянно выставляются в КВН в смешном виде: футболисты, пластические хирурги, водители маршруток,

охранники и сторожа, разгадывающие кроссворды, и т. д. Особенно часто упоминаются кавээнщиками фрезеровщики, относительного количества пальцев у которых распространён чёрный юмор. Например: *«Судя по татуировкам на пальцах, фрезеровщик Коля теперь Оля»* [Там же]. Подразумевается смысл: *«У фрезеровщика отсутствует один из пальцев с татуировкой буквы К»*. Футболисты сборной России по футболу подчас становятся объектами чрезвычайно злых шуток. Например: *«Выяснилось!!! Футболисты сборной России на выездах всегда играют плохо, потому что **разглядывают новые ворота**»* [Там же]. Эвфемия позволяет одновременно замаскировать и, наоборот, выставить напоказ весьма изощрённое оскорбление: апелляция к устойчивому сравнению *как баран на новые ворота* ('о чьём-либо непонимающем и крайне озадаченном взгляде' [Мокиенко 2003: 33]) в данной шутке демонстрирует, что футболисты сравниваются с баранами.

Обычно с помощью эвфемизмов, направленных на людей каких-то профессий, в шутках констатируются факты, которые и так всем известны, например, плохая игра футболистов сборной: *«После матча Кержаков хотел от злости пнуть мусорку в раздевалке, но промахнулся»* [Там же]. Юмор создаётся не столько смыслом шутки, который очевиден (*«Кержаков не попадает по мячу»*), сколько фантазией кавээнщиков. Например, в приведённом примере комична гипербола (не попал не только по мячу, но и по мусорной урне) и сам предмет, по которому бьёт футболист (урна).

К числу организаций, которые часто становятся объектами юмора КВН, относятся Почта России, Газпром, АвтоВАЗ и др. Например: *«Сотрудник Почты России выпал из окна седьмого этажа и упал через две недели»* [Там же]. Вышучивается медленная работа почты, скрытый смысл: *«Письма и посылки доходят по почте не раньше, чем через две недели»*. Ещё один пример: *«Сотрудникам Газпрома разрешают фотографироваться на паспорт с улыбкой»* [Там же]. Скрытый смысл: *«У сотрудников Газпрома запредельно высокая зарплата, они счастливее других россиян (постоянно улыбаются)»*.

Эвфемия в обозначенных выше случаях (когда объектами юмора становятся медийные персонажи, представители определённых профессий и организации) имеет отличительные особенности. В каждом из приведённых примеров скрытая эвфемизмами информация на самом деле не является тайной и известна всем. По крайней мере, в репризах КВН она постоянно акцентируется. Эвфемия становится здесь лишним, избыточным средством, и её использование является игрой, состоящей в ещё одном обсуждении всем известных фактов. Целью юмориста, участвующего в этой игре, становится сконструировать ещё одну оригинальную шутку на тему, которая звучит постоянно и доказать тем самым свою авторскую состоятельность.

Кажется, что нет такой темы, по которой не шутили бы кавээнщики с использованием эвфемизмов. Это могут быть допинговые скандалы и тема употребления спортсменами запрещённых препаратов: *«Победу фехтовальщику из Голландии принес укол, сделанный до соревнований»* [Там же]. Эвфемия сочетается в примере с эффектом неожиданности: зрители предполагают, что если герой миниатюры – фехтовальщик, то речь идёт об уколе рапирой или шпагой, однако оказывается, что подразумевается укол допинга. Затрагивается и «туалетная» тема: *«В жизни каждого человека может наступить момент, когда любая бумага становится ценной»* [Там же]. Здесь, как видим, эвфемия (под словом *момент* подразумевается поход в туалет, а под *ценной бумагой* – туалетная) сочетается с каламбурным обыгрыванием устойчивого сочетания *ценная бумага*, приобретение словом *ценная* исходного значения, то есть буквализация.

Вышучивается точность прогнозов погоды: *«Завтра телезрители не смогут увидеть прогноз погоды! В Гидрометцентр не завезли кофейной гущи»* [Там же]. Скрытый смысл: *«Прогнозы погоды такие неточные, словно синоптики гадают на кофейной гуще»*. Для юмора КВН важно создать противоречие между скрытым и явным смыслом. С одной стороны, эвфемия предполагает существование скрытого смысла, с другой – он должен быть понятным всем, а попытка его скрыть как раз делает информацию более явной.

Кавээнщики стремятся к стиранию возможных границ в выборе объектов юмора. Распространены даже шутки, героями которых и объектами подшучивания являются члены их семей – мамы, папы, дедушки, сёстры и т. д. Это могут быть весьма злые шутки, а также репризы, построенные на чёрном юморе: *«Мой дед, когда был в Сибири, на медведя в тайгу с голыми руками ходил, он мне писал об этом. Ну, как писал, диктовал кому-то»* [Там же]. Здесь завуалирована информация: *«После встречи с медведем у деда нет голых рук, с которыми он ходил на медведя»*.

Чёрный юмор – одна из сфер юмора, которые требуют искусства в использовании эвфемизмов. Члены КВН демонстрируют это искусство, не называя смерть напрямую: *«Маленький мальчик в зоопарке пролез в клетку со львом и протянул печеньку. Ну что же тут сказать, мальчик хотел покормить льва – мальчик покормил льва»* [Там же]. Шутки по этому поводу, особенно с участием персонажей-детей, имеют, как нам кажется своими истоками детские садистские стишки (мы рассмотрим их в п. 3.4). Обращение к данной теме и свобода в её обыгрывании указывают на молодой возраст кавээнщиков, ещё не страшащихся смерти и ещё не очень далеко ушедших от детства, когда наслаждались садистскими стишками.

В целом репризы КВН во многом схожи с анекдотами (часто членами команд используются анекдоты в практически неизменном виде, или, наоборот, шутки КВН становятся анекдотами). Рассмотрим далее жанры юмористического дискурса, которые имеют иную специфику.

3.3. Эвфемизмы в жанре детского садистского стишка

В юмористическом дискурсе особо выделяется сфера «чёрного» юмора: вышучиваются «такие серьёзные понятия, как смерть, над которыми способен смеяться не каждый человек» [Шмелева 2009: 210]. Сама суть чёрного юмора заключает в себе противоречие: юмористически осмысливаются явления,

предполагающие противоположные чувства – грусть, скорбь, сочувствие. Одним из первых пытался разобраться в феномене чёрного юмора немецкий учёный Э.З. Фромм, который видел основную причину появления и широкого использования чёрного юмора в наличии деструктивного начала в человеческой природе. Человеку, считал Э.З. Фромм, свойственны стремление к жизни и одновременно – к смерти [Фромм 1994: 222]. Культурологи видят в чёрном юморе «духовное и нравственное сопротивление деконструктивному началу» [Перфильева 2006: 6]. Чёрный юмор оценивается как одно из проявлений карнавализации; А.Г. Тепляков отмечает, что карнавал «даёт ощущение полной свободы и возможности влиять на других, нацепив нужную маску» [Тепляков 2013: 105]. В ситуации чёрного юмора говорящий «нацепляет» на себя маску циничного и равнодушного к смерти человека, он стремится выделиться на фоне остальных, стать особенным, способным на действия, недоступные другим и порицаемые ими.

Среди жанров чёрного юмора выделяется садистский стишок, который относится исследователями к детскому, подростковому, а также взрослому фольклору. Наше внимание привлекли в первую очередь произведения детского и подросткового фольклора, адресованные детям 10-13 лет. Здесь несоответствие между смыслом (садистский стишок повествует чаще всего о смерти) и его языковым выражением (рисуеться обычная, бытовая ситуация) интенсифицируется за счёт «детского» характера юмора. Ситуация воспринимается глазами ребёнка, не понимающего трагизма происходящего и последствий описываемых действий. А.А. Куляпин считает, что детский садистский стишок восходит к народной мифологии [Куляпин 2007].

Чёрному юмору свойственна двойственность: внешне это явление циничное, разрушающее традиционную систему ценностей, и в то же время чёрный юмор представляет собой способ борьбы человека со страхами. Через высмеивание приходит преодоление страха смерти – вечного спутника человека. Психотерапевтическое значение чёрного юмора особенно велико, когда речь идёт о детском чёрном юморе. Именно дети более других подвержены

разнообразным страхам, которые они учатся преодолевать в ходе взросления. Смешное уже не страшно, поэтому в детском и подростковом фольклоре и сформировался особый жанр чёрного юмора – садистский стишок. Ещё одно качество чёрного юмора – бессмысленность, отмечаемое У. Шиблесом [Shibles 1998], позволяет ему стать важной частью детского юмора: дети в силу своей природы пока не ищут глубоких смыслов в дискурсе, для них актуален смех ради смеха, важен смех как процесс, даже если он нарушает какие-то этические нормы, может оскорбить чьи-то чувства. Смех может также выступать как форма подросткового протеста против правил, устанавливаемых взрослыми и обязательных для исполнения. Рассматривая детский юмор, большинство исследователей анализируют жанры анекдота, дразнилки, перевёртыша, загадки [Лавринiec 2016]. Садистский стишок становится предметом внимания учёных реже. М.Л. Лурье анализирует в нём особенности «жанровой модели организации текста на всех уровнях: композиционном, синтаксическом, лексическом, ритмическом и др.» [Лурье 2007: 287]. А.А. Власова в кандидатской диссертации одним из маркеров жанра называет словосочетание *маленький мальчик*, занимающее сильную позицию в тексте садистского стишка [Власова 2006: 4].

Чёрный юмор касается различных сторон жизни человека, связанных с унижениями и страданиями. О.В. Эпштейн выделяет в тематической сфере чёрного юмора «болезни, увечья, несчастья, унижения, сексуальную несостоятельность, неудачи, нехватку различного рода (пищи, удобств, самоутверждения), недостаток свободы, расизм и репрессии» [Эпштейн 2014: 127]. В жанре садистского стишка особенно актуальны темы смерти, увечий и боли.

В произведениях чёрного юмора используются те же средства создания комического, что и в других юмористических текстах. Однако здесь особенно актуализируется эвфемия. Объектами чёрного юмора становятся явления, «смех над которыми считается табу» [Гросс 2014: 88], поэтому эвфемистическая замена для чёрного юмора просто необходима.

Садистский стишок – это стихотворение из четырёх строк (реже двух), написанное дактилем, в котором первые строки содержат завязку и обрисовывают какое-то действие, а в последних строках появляется развязка, фиксирующая смерть или какое-то другое трагическое событие. В садистском стишке представлена антитеза на уровне композиции. Именно в заключительной части обычно используется эвфемия – как способ сообщения слушателям о произошедшем (чаще о смерти). Например:

*Девочка в поле цветы собирала,
Сенокосилку она не видала.
Та продолжала тихонько косить –*

Папе опять за бездетность платить [Садистские стишки 2018].

В последней строке содержится скрытый смысл: «*Девочка погибла*». Эвфемия выполняет здесь не роль смягчения или вуалирования информации (что свойственной ей при сообщении о смерти в других жанрах, не юмористических), она используется как элемент игры. Суть игры при эвфемистическом сообщении о смерти в детских садистских стишках состоит в том, чтобы сделать это сообщение максимально оригинальным, найти новый способ передачи того же смысла. В приведённом выше примере в качестве эквивалента сообщения о смерти стало упоминание о налоге за бездетность, который платили в советское время граждане, не имеющие детей. Кстати, эта деталь указывает на то, что авторами садистских стишков часто были взрослые, ведь именно им знакома данная информация, не имеющая особого значения для детей.

Эвфемизация смерти в садистском стишке может быть основана на отсутствии у детей достаточной информации о смерти, на том, что герой стишка может смотреть на умершего и не понимать, что он умер:

*Я спросил у техника Петрова:
«Почему у вас на шее провод?».
Он молчит, не отвечает,
Только ножками качает* [Там же].

Может выделяться и совсем иное детское чувство – эгоизм, переходящий в безразличие к другим людям, даже если это близкие родственники. В стихках подчёркивается, что собственные удовольствия для детей важнее, чем жизнь родных:

*Папа цветной телевизор чинил,
Фролушка штепсель в розетку включил...
Сказку теперь каждый день смотрит Фрол:
Не переключит отец на футбол [Там же].*

В данном случае в садистском стихке наблюдается доведение ситуации до абсурда. Появляется представление о том, что детский эгоизм, если его не держать в рамках, не стараться бороться с ним, может быть потенциально опасен. В стихке описывается нереальная ситуация, которая невольно продуцируется на жизнь и обретает признаки реальной. Смягчающим фактором является то, что детский эгоизм – временное психологическое явление, которое с возрастом перестаёт (при благоприятном воспитательном воздействии) быть компонентом психики ребёнка.

В детских садистских стихках мир детей и мир взрослых противопоставлены. Смерть и страдания являются компонентами мира взрослых, который для детей пока чужой и непонятный, а значит, боль и смерть не воспринимаются как что-то реальное. Кроме того, в детских садистских стихках нередко выражается озлобление детей против мира взрослых, непонимание детьми ценностей взрослых. Доведение до абсурда и здесь становится важным стилистическим приёмом:

*Маленький Костя с карниза сорвался,
Крик его вскоре внизу оборвался.
Бабушка в комнату кинулась ланью –
Нет! Не задел он горшочек с геранью [Там же].*

Приведённый пример демонстрирует, что эвфемизм может быть не основным стилистическим средством в садистском стихке (основное средство – приём абсурда при описании противоестественной реакции бабушки на

выпадение внука из окна), и в этом случае он находится не в заключительной части стихотворения, используется ранее. Но это важное средство, без которого садистский стишок не существует как жанр.

Приведём примеры эвфемизмов, обозначающих смерть, из различных стишков, в которых описываются опасные детские игры: *«Вова сумел улететь дальше всех»* (Дети играют в птиц и прыгают с балкона), *«Раздались два выстрела, стало потише»* (Дети играют с оружием), *«Мама собрала пепел в совочек»* (Мальчик играет с электричеством), *«Мясо варёное вынес поток»* (Мальчик играл в котельной с кранами). Не менее разнообразны ситуации, описывающие несчастные происшествия, приключившиеся с детьми, и здесь также используются эвфемизмы: *«Роемся мама в куче костей»* (Оборвался трос лифта), *«Папа склонился над кучкой углей»* (Мальчик коснулся электрического провода), *«Нет, не доест он свою колбасу»* (Мальчика, открывшего холодильник, убило током), *«Слева пол-Пети и справа пол-Пети!»* (Мальчика, катавшегося на льдине, разрезал ледокол), *«В среду нырнула, в субботу всплыла»* (Девочка утонула, когда купалась в реке) и т. п. Мы видим разнообразие ситуаций и возможных в данных ситуациях летальных исходов. Показательно, что все приведённые выше истории вполне могли быть реальными: дети действительно много шалят и играют там, где нельзя, и с теми вещами, которые взрослые запрещают трогать. Дети постоянно подвергаются опасности, и поэтому нередко излишне опекаются взрослыми, протест по поводу чего является одной из причин появления садистских стишков. Кажется, что собирательный автор садистских стишков пытается вспомнить все случаи, в которых может наступить смерть неосторожного ребёнка. Удивительным представляется то, что это не сводка трагических происшествий, а чёрный детский юмор.

Надо отметить, что нереальные ситуации тоже описываются. Это ситуации, в которых злые родственники: мама, папа, бабушка – убивают детей или подвигают их к убийству. Например:

Мама детишкам своим подарила

Пете – топорик, Сереженьке – шило,

Митеньке – ломик, а Васеньке – ножик.

Пьяный сосед больше их не тревожит [Там же].

В этих случаях эвфемизмы так же востребованы и описывают последствия нереального происшествия – смерть или тяжкое увечье. Помимо примера, приведённого выше, это эвфемизмы: «*Ножка у Танечки стала короче*», «*Дяденьке больше не нужно сапог...*».

Удивительно юмористическое звучание садистских стишков потому, что сами ситуации даже не предполагают возможности юмористического осмысления событий, и всё же такое осмысление происходит. Среди других способов формирования юмористического звучания у трагических историй (нарочитая серьёзность повествования, бодрость тона, абсурдность ситуаций и поведения в них детей и взрослых и др.) выделяется и оригинальный подход авторов к сообщению плохого события с использованием разнообразных эвфемизмов.

Тон эвфемизмов, обозначающих смерть в детских садистских стишках, очень бодрый и жизнерадостный. Он символизирует отсутствие в детской психике точного представления о смерти, её реальности. Для ребёнка смерть и страдания невозможны, мифологичны. Кроме того, жизнерадостная интонация звучит как протест против несправедливости и злобы взрослого мира, несущего детям эти страдания и нередко являющегося причиной смерти.

Эвфемия в детском садистском стишке чаще всего основана на неполноте информации. Само описание смерти опускается, после рассказа о событии следует упоминание какого-то последствия смерти. Приведём классический пример в формате двустишия:

Девочка в море каталась на лодке,

Вместе с прибором вернулись колготки [Там же].

Данный приём характерен для описания страшных происшествий в художественной литературе и кинематографе, в жанре хоррора. В этом случае читателю предоставляется возможность самое страшное достроить самому,

пользуясь собственной фантазией, что, с одной стороны, смягчает языковую форму сообщения, с другой – делает его ещё более страшным. И всё же двусмысленное толкование исключено, так как сам жанр настраивает адресата на восприятие информации определённым образом.

В сопоставлении с другими рассмотренными нами жанрами юмористического дискурса садистский стишок представляет собой жанр, в котором эвфемия является обязательным стилистическим элементом.

3.4. Эвфемизмы в современном российском ситкоме

Ситком – это ситуационная комедия, разновидность телесериала, в котором действие строится на основе определённых смешных ситуаций. Э.Р. Каюмова определяет ситком как «разновидность комедийных радио- и телепрограмм, с постоянными основными персонажами и местом действия» [Каюмова 2013: 130]. В России ситкомы в формате телесериала появились в постперестроечный период, а стали очень распространённым юмористическим жанром в начале XXI века. Наиболее известны и популярны у зрителей ситкомы «Моя прекрасная няня» (2004-2006), «Кто в доме хозяин?» (2006-2008), «Счастливы вместе» (2006-2013), «Папины дочки» (2007-2013), «Универ» (2008-2011), «Воронины» (2009 – настоящее время), «Интерны» (2010-2016), «Универ. Новая общага» (2011 – настоящее время), «Кухня» (2012-2015) и др. Это как адаптированные сериалы, опирающиеся на зарубежные (международные) телепродукты, так и оригинальные, снятые по идеям и сценариям российских авторов.

Ситком стал значимым явлением российской масс-культуры и вызывает к себе стабильный интерес учёных разных гуманитарных специальностей. Искусствоведов интересуют особенности становления ситкома как жанра, его жанровые истоки (среди которых выделяются «комедия положений», «комедия характеров»), сочетание в формате ситкома «театральной эстетики и

телевизионной природы» [Беленький 2012а: 120], а также «художественные особенности и социокультурные функции ситкома» [Беленький 2012б: 17]. Психологи и культурологи рассматривают реализацию в ситкомах гендерных стереотипов, которые, в силу популярности ситкомов, могут влиять на формирование семейных ценностей современного россиянина [Маркова 2013]. Несомненно, ситкомы являются интересным и перспективным объектом для самых разных исследований. В том числе заслуживает внимания категория комического в них, способы создания шуток, среди которых выделяется и эвфемизация.

Эвфемия в ситкомах может выполнять различные функции. Во-первых, это функция вуалирования информации, которая не вписывается в телевизионный формат, так как связана со сферой «ниже пояса», с обсценными ругательствами, оскорблениями. Действительно, речь современных средних носителей языка – героев сериалов – сегодня бывает очень грубой, и на экране телевизора в полном соответствии с реальностью изображаться не может. Эвфемизмы являются средствами смягчения данной грубости. Например, не вызывает сомнения тот факт, что обсценная лексика стала неотъемлемой частью языка молодёжи [Сагирьянц 2017], но использовать её в сериале нельзя. В ход идут соответствующие эвфемизмы: в ситкоме «Универ» в речи Аллы Гришко таким словом становится *нипец*, в речи Кузи (Эдуарда Кузьмина) – *блин блинский*. Эти элементы символизируют обсценную лексику, которую в данной ситуации использовал бы реальный студент. Эвфемия в случае замены обсценных слов мнимая, чисто формальная, так как каждый зритель прекрасно понимает, о каких именно ругательствах идёт речь. Кроме того, существует опасность пополнения речи молодёжи – зрителей сериала – данными ругательствами-эвфемизмами, воспринимаемыми как «разрешённые», ведь они неоднократно звучат с экранов телевизоров. Например, слово *нипец* с выходом сериала «Универ» на экраны стало, по статистике, одним из наиболее широко используемых современной молодёжью вульгаризмов. Подтверждают это, к примеру, данные Национального корпуса русского языка, в котором после выхода сериала в 2008

году зафиксировано многократное увеличение частотности употребления данного слова.

Естественная для эвфемии функция смягчения не является в ситкомах единственной: использование эвфемизмов становится важным средством создания комического, а также характерологическим, оценочным, сюжетообразующим и экспрессивным (эмоциональным) средством.

Для создания комического эффекта используются эвфемизмы, относящиеся к разным уровням языка. Например, могут использоваться описательные выражения, заменяющие негативную лексику: *«Я как-то своей девчонке кольцо с бриллиантом подарил... Ну, правда, его пришлось из магазина вынести, не заплатив»* [Как я стал русским 2018]. Вынести не заплатив обозначает 'украсть'. Эвфемия здесь практически не обыгрывается, однако в контексте рассказа о любви и отношении мужчины к женщине выражение звучит юмористически.

Эвфемизмы, конструируемые на синтаксическом уровне, позволяют выразить скрытый смысл с помощью фразы, часто ёмкой и приобретающей черты афоризма. Например: *«Угрозы не помогут, я женат!»* [Счастливы вместе 2018]. Здесь содержится смысл: *«Семейная жизнь настолько страшна, что любые угрозы становятся бессмысленны»*, выраженная с помощью синтаксического эвфемизма, во-первых, кратко, во-вторых, не так грубо, в-третьих, смешно.

Эвфемия на текстуальном уровне также наблюдается в языке телесериалов, причём, как правило, в формате диалога, являющегося основной формой текста в ситкоме:

«— Там, между прочим, моим именем все заборы исписаны!

— Так уж и все?

— Да, все! Правда, не всё, что на них написано — моё имя...» [Кто в доме хозяин 2018].

Подразумевается информация о ругательствах, написанных на заборах, однако подана она в игровой форме, скрыто. Синтаксический уровень позволяет

максимально вуалировать информацию, нежелательную как в речи положительного героя сериала, так и в языке ситкома вообще. Комический эффект создаётся за счёт сопоставления написанного на заборах имени героя с другими словами, написанными там же. Для данного эвфемизма характерна функция стимулирования воображения адресата речи, так как ему необходимо представить сказанное, выстроить визуальный образ.

Как средство эвфемизации используются в ситкоммах также прецедентные феномены. Например: *«Труд превратил обезьяну в человека, так что у тебя тоже есть шанс»* [Папины дочки 2018]. Данная фраза представляет собой завуалированное оскорбление: *«Ты – обезьяна»*, средством смягчения которого стала фраза *«Труд превратил обезьяну в человека»*, отсылающая к теории эволюции Чарльза Дарвина. Выбор прецедента из сферы науки обусловлен спецификой персонажа, произносящего фразу: это школьная учительница Таисия Кирилловна.

Эвфемизмы могут выполнять характерологическую функцию, в первую очередь, служат для характеристики героев. Уже упомянутая выше Алла из сериала «Универ» изображается с помощью её любимого эвфемизма *пипец* как грубая, не отличающаяся умом, воспитанием и культурой девушка, то есть эвфемизм служит средством её речевой характеристики. Сценаристы и авторы сериалов часто вводят в речь героев эвфемизмы, свойственные только им, являющиеся частью их индивидуального речевого образа. В речи старшей медсестры Любови Михайловны из ситкома «Интерны» таким элементом становится новообразование *едрид-мадрид*. Эта фраза используется как экспрессивное выражение, эвфемизм обценного ругательства, она характеризует героиню как простую женщину с невысоким уровнем образования и культуры, но с яркой эмоциональностью. Эвфемизм *блин блинский* в речи Кузи из ситкома «Универ» характеризует его как не очень культурного и образованного, но очень эмоционального персонажа. Такие эвфемизмы становятся своеобразными «визитными карточками» героев сериалов, их

опознавательными знаками, запоминаемыми в комплексе с интонацией выражения, мимикой персонажа.

Характеризовать героев могут эвфемизмы, используемые не только ими самими, но и другими персонажами сериала. Например, для характеристики Кузи («Универ») как глупого другие герои часто используют весьма изобретательно подобранные эвфемизмы: *«Тише, Кузя думает, а это реже, чем твои солнечные затмения»* [Универ 2018].

С помощью эвфемизмов, используемых героем в его речи, его можно характеризовать как личность творческую, способную изобретательно обращаться с языковыми ресурсами, играть словом. Например, таков Артур Микозян (Майкл) из сериала «Универ»: прощаясь с девушкой по телефону, он говорит: *«Пока, целую во все незагорелые места»* [Универ 2018]. Эвфемизм нацелен на пробуждение фантазии зрителя, который представляет, какие же места у девушки являются незагорелыми; кроме того, с его помощью сценаристам удаётся практически полностью нивелировать смысл «ниже пояса», сделать его второстепенным и вынести на передний план языковую изобретательность героя.

Эвфемия может использоваться для характеристики не только героев, но и предметов, явлений, например:

«Пуговка: Папа, а что такое ипотека?»

*Папа: Это, доченька, **сказка** такая»* [Папины дочки 2018].

В приведённом примере эвфемизация и выбранный для неё образ диктуются особенностями персонажа: Пуговка – маленькая девочка, и папа объясняет ей сложное явление и своё отношение к нему (*«Я не верю в возможности ипотеки, считаю, что они значительно преувеличены»*) по-детски, с помощью образа сказки. Характерологическая функция сочетается здесь с оценочной: говорящий даёт оценку явлению, о котором говорит.

Сюжетообразующая функция эвфемизмов проявляется тогда, когда эвфемия становится поводом для развёртывания диалога, для обсуждения. Например:

«– Ты считаешь меня болтливой?

– Да нет, я не считаю тебя болтливой! Ты у меня *общительная*!

– Это одно и то же!

– Нет, это не одно и то же! Есть разница, как “жадный” и “бережливый”. Как “зануда” и “начитанный”. Как “толстый” и “солидный” ...» [Воронины 2018].

В данном диалоге предметом обсуждения героев эпизода, мужа и жены, становятся эвфемизмы, выполняющие смягчающую функцию и часто используемые в общении людей, в том числе в семье. Собственно эвфемизм используется только один раз (*общительная*), а затем приводятся пары заменяемых слов и эвфемизмов практически как в учебном пособии, только без специальной терминологии. То есть эвфемизм, использованный героем, становится толчком для дальнейшего развития действия, играет определённую роль в развитии сюжета.

В сериале «Воронины» обыгрывание эвфемии, подобное тому, что приведено выше, встречается неоднократно. Чувствуется, что сценаристы (авторы диалогов) сознательно используют и обыгрывают коммуникативный потенциал эвфемизмов, их возможности в общении между людьми.

В подобных диалогах не только показывается, как с помощью эвфемизмов можно более деликатно оценивать кого-либо, но и обсуждается механизм этой оценки, её языковая суть.

На эвфемизме как сюжетообразующем средстве может быть построен целый эпизод ситкома (серия). Например, в одной из серий «Универа» преподаватель сказал отличнице Тане Архиповой, что ей придётся *попотеть*, чтобы сдать экзамен. Девушка восприняла данное слово как эвфемизм, указывающий на половые отношения, и восприняла внимание педагога как сексуальное домогательство. На обыгрывании многозначности слова, то есть фактически на каламбуре, построен эпизод: преподаватель видит в студентке научный потенциал, а Таня считает, что он пристаёт к ней. Эпизод наполнен комизмом: двузначно воспринимаются не только слова (*девочка моя, поехать*

вместе на конференцию), но и невинные действия (положил руку на плечо). Эпизод помогает сценаристам в создании юмористического фона сериала, а также в более точной обрисовке характера одной из главных героинь, умницы Татьяны; показывает её независимой, ранимой, мнительной.

Эвфемизация – это своеобразная игра, в ходе которой задействуются потенциал и языка, и культуры, актуализируются способности личности к восприятию не прямых смыслов, к декодированию скрытой информации. Создаётся впечатление, что авторы диалогов в ситкоммах соревнуются в создании при помощи эвфемизмов оригинальных оскорблений, звучащих мило и непонятно для не очень умных девушек – типичных персонажей юмористических сериалов. Например:

«– Многие считают змей очень милыми.

– Эля, ты такая милая» [Кухня 2018].

Эвфемизм скрывает смысл: «Эля, ты змея».

Предметом игры становятся сами эвфемизмы, ощущаемые говорящими как элементы обмана, например, в случаях объяснения детям причин рождения ребёнка (нашли в капусте, аист принёс и т. д.). Не зная лингвистической сути эвфемии, не владея теоретическими знаниями о ней, не будучи знакомыми с самим термином «эвфемизм», говорящий тем не менее понимает суть данного явления и его роль в языке и общении. На этом часто и основано обыгрывание эвфемизмов героями ситкоммов. Например, на вопрос девушки о том, как мама могла забеременеть, её брат отвечает: «*Смотри: яйцеклетка надёжно прикреплена к стенке яичника, сперматозоид после двух-трёх дней плавания проникает в яйцеклетку и оплодотворяет её. А потом **прилетает аист и приносит ребёнка***» [Счастливы вместе 2018]. Эвфемизм выглядит комично после того, как подробно и с физиологической точностью описан процесс зачатия. Кстати в сериале «Счастливы вместе» тема эвфемистических объяснений причин появления детей поднимается неоднократно, например, конструируются новые юмористические эвфемизмы такого типа:

«– Откуда берутся дети?

– *От бутылки водки и двух озабоченных подростков*» [Счастливы вместе 2018].

Игровая функция эвфемизмов проявляется и в тех случаях, когда герои сериалов с их помощью оригинально номинируют постоянно повторяющиеся явления или действия. Например, в ситкоме «Интерны» доктор Быков часто оставляет своих интернов на ночное дежурство. Для данного героя авторами сериала, как мы уже упоминали выше (п. 2.2), избран тип изобретательного, творческого человека, находчивость которого проявляется, в числе прочего, в его языке. Доктор Быков разнообразными способами именуется ночное дежурство, в том числе с помощью эвфемизмов: *«Кто расстроит меня сегодня – пойдёт домой завтра»* [Интерны 2018]. Использование данным персонажем многочисленных эвфемизмов, обозначающих оскорбление его интернов по признаку интеллектуальной несостоятельности (смысл: *«Вы – глупые!»*), мы также уже упоминали. Рассмотрим ещё один пример: *«Пока у тебя не отросло собственное серое вещество, на, пользуйся моим»* [Там же]. Для эвфемии персонаж, в соответствии со своей профессией, применяет биологический (и медицинский) термин *серое вещество*. Эвфемизация в данном сериале становится игрой не только для персонажа и сценаристов, но и для зрителей, которые, во-первых, постоянно находятся в ожидании новых эвфемизмов в привычных ситуациях (например, в ситуации оскорбления или для наименования ночного дежурства), а во-вторых, вырабатывают готовность быстро декодировать данные эвфемизмы. Данную функцию эвфемизмов можно назвать функцией коммуникативно-прагматического воздействия на зрителей. Особенно актуальна она в жанре ситкома, где зритель словно присутствует (как известно, в первых ситкомах звучал реальный закадровый смех присутствующих на съёмочной площадке, а в ряде современных сериалов запись такого смеха по-прежнему накладывается на картинку, имитируя эффект присутствия).

Игра с эвфемизмами может также заключаться в использовании эффекта обманутого ожидания, при котором развитие юмористического действия идёт в обратном направлении: от «неприличного» к «приличному». То есть сначала в

диалоге подразумевается смысл «ниже пояса» (тематика сексуальных отношений), а затем оказывается, что такого смысла не подразумевалось и диалог был невинным. Подобные примеры уже отмечались нами в анекдотах (п. 3.1). Пример из ситкома «Кухня»:

«– А какие планы на вечер?

– У меня никаких. А что, есть варианты?

*– **Вариант один, только заниматься им нужно вдвоем.***

– Какой тонкий намек.

– Я вообще хотел за покупками съездить, но твой вариант мне нравится больше» [Кухня 2018].

В шутках такого типа мы наблюдаем насмешку над теми, кто понимает высказывания в неприличном смысле, везде выискивает намёки и недосказанности, то есть стремится к декодировке эвфемии там, где её нет, а высказывание не скрывает никаких смыслов.

Нам хочется обозначить, кроме того, такую функцию эвфемизмов, проявляемую в ситкоммах, как выражение героями чувств. Мы уже сталкивались с повышенной экспрессивностью эвфемизмов, служащих заменой обценной лексики. Однако эмоциональная функция проявляется и в других ситуациях эвфемии, причём порой с их помощью выражаются очень болезненные чувства, а также переживания героев. Например:

«– Вот тебя когда-нибудь друзья предавали?

– Нет.

– Подружись с моими!» [Универ. Новая общага 2018].

В форме шутки, построенной на игровом использовании эвфемии, герой сериала передаёт смысл: «*Меня предавали друзья*» и выражает свои сложные чувства по этому поводу: нежелание говорить об этом напрямую, самоиронию, горечь.

Выводы

В каждом из жанров современного юмористического дискурса эвфемия имеет свои особенности, обусловленные спецификой данного жанра.

Анекдот является наиболее популярным жанром современного юмористического дискурса. Эвфемия в анекдоте выступает как важнейшее средство создания комического эффекта. Здесь используются эвфемизмы фонетического, лексического, морфологического и других уровней языка, применяются стилистические средства эвфемии, фигура умолчания, используется эффект неожиданности, приёмы каламбура и буквализации. Наиболее часто эвфемия конструируется в анекдоте на синтаксическом и текстуальном уровнях языка, то есть весь текст, вся коммуникативная единица является эвфемизмом и служит для выражения единого содержания, конструируется с целью формулировки данного содержания. Эвфемизмы в анекдотах затрагивают различные коммуникативные ситуации: общение мужчины и женщины, начальника и подчинённого, врача и пациента, богатого и бедного, автоинспектора и нарушителя и т. д.; применяются с целью завуалированного, неявного оскорбления, негативной характеристики явления, чёрного юмора.

Из всего разнообразия языковых способов эвфемии (лексических, словообразовательных и др.) в шутках КВН наиболее востребованы эвфемизмы синтаксического уровня, что указывает на сходство данного жанра с анекдотом и обязательность в нём цельного юмористического смысла.

Тематика шуток КВН имеет свою специфику. У кавээнщиков есть излюбленные объекты юмора: масс-медийные персоны (Сергей Зверев, Никита Джигурда, Максим Галкин и др.), представители определённых профессий (футболисты, охранники, фрезеровщики и др.), организации (Газпром, АвтоВАЗ и др.). Кроме того, для КВН характерны шутки, которые «вызывающе нетолерантны». Их объекты – люди разных рас и национальностей (евреи, чернокожие, китайцы и др.), люди с лишним весом, инвалиды, явления, связанные со смертью (чёрный юмор) и т. п. Кавээнщики стремятся подчеркнуть

свою свободу в выборе объектов подшучивания и высмеивания. Интернациональный характер игры позволяет её участникам многочисленные шутки над национальными стереотипами (в этом случае часто используется фигура умолчания). Кроме того, данные шутки являются формой протеста против строгих требований политкорректности в современном масс-медийном пространстве. При этом кавээнщикам удаётся, как это ни странно, оставаться в рамках своеобразной толерантности: введение в сферу юмора представителей разных наций, полных людей, инвалидов уравнивает их с остальными людьми, указывает на то, что они обычные, такие, как все, а значит, служит распространению толерантности.

Эвфемия в шутках КВН редко бывает обособленным приёмом, она выступает как комплексное средство и сочетается с конкретизацией, гиперболизацией, парцелляцией, использованием фразеологизмов, пословиц и прецедентных феноменов, эффектом неожиданности, каламбуром, буквализацией и т. д. В этом проявляется интеллектуальность кавээнщиков, высокий уровень владения языком.

Жанр детского садистского стишка интересен одновременной отнесённостью к детскому фольклору и чёрному юмору. В нём за маской внешнего цинизма скрывается психотерапевтическая функция борьбы ребёнка со страхами, а также проявляется проблема организации взаимодействия детей со сложным и непонятным для них миром взрослых. Предметом эвфемизации здесь становятся смерть и другие трагические события (увечье, страдание). Эвфемия выступает не как способ маскировки смерти (что свойственно ей в других дискурсах), а как способ игры, заключающейся в поиске говорящим оригинальных форм непрямого сообщения о смерти и других трагических событиях.

В одном из наиболее молодых жанров современного российского юмористического дискурса – ситкоме (ситуационная комедия, юмористический сериал) эвфемизмы выполняют важные функции: служат смягчению грубой речи героев, предназначены для создания комического на разных уровнях языка –

лексическом, синтаксическом, текстуальном, интертекстуальном, а также являются художественными средствами: характерологическими (служат для речевой и поведенческой характеристики героев), оценочными (используются для оценки предметов, явлений, личностей, творчества), сюжетообразующими (используются как элементы построения сюжетного эпизода), игровыми (становятся частью диалогической речи героев сериалов, обыгрываясь ими на языковом и культурном уровнях) и яркими эмоциональными (применяются для выражения чувств персонажей). Активное использование богатого потенциала эвфемии сценаристами ситкомов, то есть в популярном масс-медийном дискурсе, демонстрирует актуальность данного языкового средства в русском языке на современном этапе его развития.

В каждом из рассмотренных юмористических жанров эвфемия выступает важным средством создания комического, при этом жанр обуславливает специфику эвфемии. В жанрах малого объёма (анекдот, реприза КВН) особенно популярна синтаксическая форма эвфемии; для шутки КВН эвфемизм становится средством интеллектуального юмора; в детском садистском стишке специфика эвфемии определяется «чёрным» характером юмора; в ситкоме эвфемизация приобретает черты художественного приёма. Анализ эвфемии в пространстве разных жанров позволил нам увидеть многообразие и многофункциональность данного языкового средства, его способность к развитию и трансформации в зависимости от характера текста, в котором оно функционирует.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный русский язык находится в процессе постоянного активного развития. Трансформируются его лексика, фонетика и грамматика, а модификации в сферах употребления языка влияют на прагматические установки говорящего и влекут за собой изменения в коммуникативной и дискурсивной сферах. Демократизация современного языка, необходимость реализации в нём творческого потенциала языковой личности способствуют, в числе прочего, развитию юмористического дискурса как дискурса, в сфере которого говорящий решает многие свои коммуникативные, эмоциональные и психологические проблемы, реализует свою креативность, выражает собственное отношение к ненормативному в окружающем мире.

Юмористический дискурс предполагает способность и возможность говорящего в использовании богатых ресурсов русского языка для создания шутки, формирования юмористического высказывания как основной конструктивной единицы данного дискурса. С этой целью языковая личность оперирует самыми разными языковыми средствами, среди которых особо выделяются эвфемизмы – слова и выражения с позитивной или нейтральной коннотацией, заменяющие в речи грубые, нежелательные в процессе коммуникации слова и выражения. Эвфемизмы используются современным говорящим достаточно активно, так как обладают функцией нейтрализации негативных эмоций, актуальной для обеих сторон коммуникации. В юмористическом дискурсе данная функция также востребована, является одной из принципиальных. Именно поэтому говорящий обращается к эвфемии, конструируя юмористическое высказывание.

Однако эвфемизмы в юмористическом дискурсе служат не только и даже не столько смягчающим средством, маскирующим грубость, негативные эмоции и отношения. За этим общеязыковым назначением скрывается масса специальных функций, приобретаемых эвфемизмами в юмористическом дискурсе. Особого внимания заслуживает использование языковой личностью

эвфемизации как средства создания комического эффекта, как языкового инструмента, с помощью которого в том или ином конкретном случае конструируется шутка.

Создавая эвфемизм в юмористическом дискурсе, говорящий прибегает к разнообразным языковым средствам, относящимся к различным уровням (ярусам) русского языка. На фонетическом уровне основным способом создания эвфемизма является созвучие слова русского языка с табуируемым элементом – обценным словом или вульгаризмом. В данном случае эвфемизация нередко подменяется дисфемизацией, так как для адресата текста вполне очевидно, какой именно грубый элемент скрывается за эвфемизмом. Эвфемизм утрачивает своё прямое назначение, перестаёт быть смягчающим средством и становится инструментом юмора. На лексическом уровне языковая личность конструирует эвфемизмы с помощью заимствованных и широкозначных слов, гипонимов, антонимов и т. п., использует метафоризацию. На словообразовательном уровне происходит конструирование окказиональных эвфемизмов по продуктивным языковым моделям, а также обыгрывание значений и функций словообразовательных элементов – приставок, суффиксов; кроме того, используется игровой потенциал аббревиации. На морфологическом уровне средствами создания эвфемии становятся местоимения, в первую очередь указательные. Активно создаются эвфемизмы на уровне предложения и текста (на синтаксическом и текстуальном ярусах языка), когда целая коммуникативная единица становится средством передачи эвфемистического юмористического смысла. Языковая личность достаточно изобретательна в применении средств разных языковых ярусов для формирования эвфемии в качестве инструмента создания шутки. Используется также интертекст – наблюдается апелляция к различным прецедентным именам, текстам, ситуациям с целью передачи эвфемистически скрытого юмористического смысла.

Способствуют эвфемизации и служат её средствами также различные языковые приёмы: каламбур – обыгрывание слов и фразеологизмов, буквализация значения, инфериорность – недостаточность информации,

стилистический контраст – введение в юмористический текст элементов книжных функциональных стилей, эффект обманутого ожидания, приём умолчания и др. Для языковой личности в юмористическом дискурсе актуально как создание новых эвфемизмов, так и разнообразное обыгрывание уже имеющихся в языке эвфемистических слов и выражений.

Эвфемия как способ формирования комического эффекта в юмористическом дискурсе отличается от общеязыковой настолько значительно, что можно говорить даже о её противоположной направленности. Не сокрытие негативной и нежелательной в коммуникативном акте информации, а предъявление её становится основной целью говорящего, прибегающего здесь к посредству эвфемизма. Средство, созданное изначально для маскировки табуированного материала, перестаёт быть таковым и направляет внимание адресата шуток на данную якобы табуируемую информацию.

Формальная суть эвфемии (замена негативного материала эмоционально и оценочно нейтральным) вступает в противоречие с её реальной для юмористического дискурса сутью. Негативная характеристика, оскорбление становятся более явными, яркими, очевидными и в то же время не названными прямо. Формально объект юмора замаскирован, а реально он обозначен и демонстративно предъявлен с целью обратить на него внимание слушателя или читателя.

Игровая функция эвфемии, которая в языке является одной из возможных её функций (наряду с манипулятивной, экспрессивной, контактоустанавливающей (коммуникативной), эстетической и функцией политкорректности), в юмористическом дискурсе становится основной, а если речь идёт о создании комического, то практически единственной. Здесь она уточняется и детализируется в специфических функциях – привлечения внимания адресата к табуируемой информации и собственно шутке; функции маскировки негативной характеристики лица или явления, а также маскировки оскорбления, которые, тем не менее, остаются явными для адресата; функции пробуждения воображения адресата шуток, который должен визуализировать

представленную в юмористическом дискурсе ситуацию; функции политкорректности, представляющей в данном случае игровое обозначение неpolitкорректного явления, а не его маскировку. В любом случае, какая бы из функций ни применялась, наблюдается игра смысла и формы выражении данного смысла; обыгрывание говорящим эвфемии как явления. Маскировка же, даже если она фигурирует среди функций эвфемизмов в юмористическом тексте, является мнимой.

В каждом языке эвфемия, которая наблюдается в юмористическом дискурсе, имеет свои отличительные особенности. Китайский язык, имеющий значительные типологические отличия от русского, тем не менее во многом близок ему в применении эвфемизмов как инструмента юмора. Шутки, конструируемые здесь на синтаксическом и текстуальном уровнях, можно назвать интернациональными и очень схожими с соответствующими шутками в русском языке. Наблюдается влияние на китайский юмористический дискурс глобализации и интернационализации коммуникативного пространства, что приводит к смягчению и даже снятию культурных ограничений на некоторые темы юмора: в китайском юмористическом дискурсе сегодня можно встретить подшучивание младших над старшими, шутки о личных отношениях между мужчиной и женщиной, шутки сексуальной тематики и т. д. Эвфемизмы становятся адекватным языковым средством, обеспечивающим данные запретные прежде темы соответствующей формой выражения.

Эвфемия имеет отличительные особенности в различных жанрах юмористического дискурса. Для анекдота, при разнообразии языковых способов эвфемизации, характерно предпочтение синтаксических и текстуальных эвфемистических средств. Малый формат жанра обуславливает построение всего текста на основе одной эвфемистически описанной ситуации. Данная форма выражения эвфемии свойственна также шуткам (репризам) КВН, небольшим по размеру. Кроме того, в шутках КВН эвфемия является элементом интеллектуального юмора, апеллирующего к возможностям интеллекта адресата шутки. Здесь также широко применяются построенные на основе эвфемизмов

шутки, которые мы характеризуем как «вызывающе нетолерантные»: в них кавээнщики вышучивают явления, скрывать которые требует политкорректность, – инвалидность, интеллектуальную несостоятельность, лишний вес, расовые отличия и т. п. Эвфемизмы в таких шутках особенно ярко выделяют явления, которые по своей общезыковой природе призваны вуалировать. Возникает толерантность некоего нового уровня: внимание говорящих к данным явлениям демонстрирует адекватное их восприятие, свободное включение в коммуникативную сферу, а значит, признание их соответствующими норме.

В жанре детского садистского стишка эвфемия является важнейшим структурным компонентом «чёрного» юмора и способствует оригинальному, креативному наименованию явлений, связанных со смертью и увечьями персонажей. В наибольшей степени связана с художественным использованием эвфемия в жанре ситуационной комедии (юмористического телесериала). Здесь она выступает как художественный приём, служит оценке персонажей и ситуаций, характеристике героев сериала, является средством движения сюжета (в отдельных эпизодах), эмоциональным инструментом.

В юмористическом дискурсе эвфемия применяется в сочетании с другими языковыми средствами и приёмами, чаще всего с каламбуром, конкретизацией понятия, гиперболизацией, парцелляцией, повторами. Эвфемия, которой свойственно разнообразие способов образования, сочетается, помимо того, с обыгрыванием фразеологических единиц, использованием прецедентных феноменов и т. п. Можно говорить о тенденции к комплексному применению эвфемизмов с другими средствами языка в юмористическом дискурсе, основанной на самой креативной природе данного языкового средства.

У рассмотрения эвфемии как элемента юмористического дискурса и инструмента юмора большие исследовательские перспективы, связанные с расширением здесь данным средством своих границ, изменением функций. Кардинальная трансформация природы эвфемии, противоречие формального и реального в сути данного средства, игровая природа эвфемии требуют

дальнейшего изучения её на материале юмористических произведений разных жанров, в сопоставительном аспекте применительно к разным языкам и т. д. Кроме того, могут быть задействованы психолингвистическая методика, а также коммуникативный подход, так как использование эвфемизмов в юмористическом дискурсе находится в зависимости, во-первых, от психологических установок языковой личности, во-вторых, от интенций говорящего и особенностей коммуникативного акта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абакова, Т.Н. Парадигматические отношения и семантико-прагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов современного английского языка (на материале текстов британской прессы): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – Саратов, 2007. – 22 с.
2. Азнабаева, А.Р. Эвфемизация и дисфемизация лексики русского языка в постперестроечный период / А.Р. Азнабаева // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14. – № 2. – С. 486-488.
3. Айтасова, С.И. Система средств эвфемизации в творчестве Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Самара, 2013. – 18 с.
4. Акылбекова, Г.Ш. Культурные различия между английским и китайским языками: эвфемизмы / Г.Ш. Акылбекова, К.А. Тухтасинов // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2015. – № 6. – С. 200-202.
5. Александрова, Е.М. Специфика создания языковой игры в анекдотах на русском языке / Е.М. Александрова // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2014. – № 1. – С. 523-532.
6. Алексикова, Ю.В. Эвфемия как частный случай синонимии / Ю.В. Алексикова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 6 (74). – С. 261-267.
7. Амосова, Н.Н. О некоторых типовых конструкциях в английском языке / Н.Н. Амосова // Вестник Ленинградского государственного университета. – 1961. – № 8. – С. 125-132.
8. Андреев, В.В. Средства выражения семантики умолчания в произведениях З.Н. Гиппиус: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – Самара, 2007. – 21 с.
9. Андреева, О.И. Социальные эвфемизмы как основополагающий элемент эзопова языка романов М.Е. Салтыкова-Щедрина / О.И. Андреева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. – № 3. – С. 44-49.

10. Арапова, Н.С. Эвфемизмы / Н.С. Арапова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 590.
11. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
12. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учебник / И.В. Арнольд. – М.: Высш. шк., 1986. – 295 с.
13. Арсентьева, Ю.С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань, 2012. – 23 с.
14. Артемьева, Т.В. Юмор как психологический ресурс преодоления стресса у медицинского персонала / Т.В. Артемьева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 687.
15. Артюхин, И.Н. О значении конфликта на сцене КВН / И.Н. Артюхин // Научные основы современного прогресса: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: Омега Сайнс, 2016. – С. 216-217.
16. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136-137.
17. Бадина, В.П. Рекламный дискурс как целостная лингвистическая система / В.П. Бадина // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: Сб. мат. 17-й междунар. науч.-практ. конф. – Махачкала: Апробация, 2015. – С. 63-64.
18. Барина, А.В. Эвфемизация как объект изучения науки о культуре речи / А.В. Барина // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – С. 348-351.
19. Баскова, Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2006. – 23 с.

20. Баскаков, Н.А. Пережитки табу и тотемизма в языках народов Алтая / Н.А. Баскаков // Советская тюркология. – 1975. – № 2. – С. 3-7.
21. Балакшина, Ю.В. Комическое в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – СПб., 1999. – 19 с.
22. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
23. Барашева, Д.Е. Психосемантика концепта «психолог» в обыденном сознании и в юмористическом дискурсе анекдота / Д.Е. Барашева, М.А. Морозова // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2017. – № 35. – С. 49-61.
24. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1990. – 395 с.
25. Беленький, Ю.М. Жанровые характеристики ситкома / Ю.М. Беленький // Вестник ВГИК. – 2012а. – № 11. – С. 120-132.
26. Беленький, Ю.М. Становление жанров отечественных сериалов (начальный этап формирования современной структуры телевидения): автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.03. – М., 2012б. – 30 с.
27. Белоглазова, Е.В. Когнитивные условия восприятия интеллектуального юмора / Е.В. Белоглазова, Л.И. Шмелевич // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 1. – № 3. – С. 183-190.
28. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
29. Беретарь, Н.Г. Социокультурные особенности юмора в ценностной системе этноса: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Майкоп, 2006. – 23 с.
30. Бирюков, Н.Г. Феномен русского грамматического анекдота: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов-на-Дону, 2005. – 25 с.

31. Бойко, Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2005. – 19 с.
32. Бородина, Л.В. Антропоцентризм юмористического дискурса (на материале русского и французского анекдота): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2015. – 18 с.
33. Бочкарева, Ю.Ю. Юмористический дискурс как сфера игровой коммуникации / Ю.Ю. Бочкарева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2013. – № 2 (24). – С. 249-250.
34. Бревдо, И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тверь, 1999. – 20 с.
35. Будагов, Р.А. Явления табу. Эвфемизмы и их функции // Р.А. Будагов. Введение в науку о языке. – М.: Просвещение, 1965. – С. 104-110.
36. Будаев, П.Е. КВН-хронотоп: социокультурная характеристика: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Ростов-на-Дону, 2009. – 27 с.
37. Букланс, Д.Г. КВН как феномен современной массовой культуры: коммуникативные аспекты: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Киров, 2010. – 19 с.
38. Булаховский, Л.А. Табу и эвфемизмы // Л.А. Булаховский. Введение в языкознание. Ч. 2. – М.: Учпедгиз, 1953. – С. 50-54.
39. Бушуева, Т.С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Смоленск, 2005. – 22 с.
40. Ванюшина, Н.А. Происхождение и генезис термина «эвфемия» / Н.А. Ванюшина // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 8-1. – С. 33-35.
41. Ванюшина, Н.А. Семантическая и прагматическая характеристики эвфемизмов в современных немецких и российских печатных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2011. – 22 с.

42. Васильев, А.Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ / А.Д. Васильев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2010. – № 1. – С. 150-161.
43. Введенская, Л.А. Русский язык и культура речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 544 с.
44. Вержинская, И.В. Понятие «юмор» в лингвокультурологическом аспекте / И.В. Вержинская // Наука и современность. – 2012. – № 19-2. – С. 105-108.
45. Видлак, С. Проблемы эвфемизма на фоне теории языкового поля / С. Видлак // Этимология 1965: Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. – М.: Наука, 1967. – С. 267-285.
46. Вильданова, Г.А. Гендерный аспект эвфемизации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Бирск, 2008. – 22 с.
47. Влавацкая, М.В. Языковые особенности создания комического эффекта в аспекте сочетаемости слов / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1-2 (55). – С. 94-99.
48. Власова, А.А. Жанровый инвариант и его модификации в фольклоре и литературе (на материале «садистских стишков»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. – Тверь, 2006. – 18 с.
49. Водясова, Л.П. Роль эвфемизмов и какофемизмов в создании эмоциональности художественного текста / Л.П. Водясова // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 6 (62). – С. 636-641.
50. Воркачев, С.Г. Игры разума: интеллект в юмористическом дискурсе / С.Г. Воркачев // Лингвокультурология. – 2016. – № 10. – С. 26-51.
51. Воробьева, М.А. Коммуникативно-прагматическая заданность языковых средств создания комического эффекта в произведениях В.Н. Войновича: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2006. – 26 с.

52. Вострикова, О.В. О комической функции эвфемизмов / О.В. Вострикова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2012. – № 1. – С. 17-23.

53. Воякина, Е.Ю. Метафорический взгляд на общественно-политический дискурс / Е.Ю. Воякина, Л.Ю. Королева // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2013. – № 1 (45). – С. 224-231.

54. Гавронская, Т. Философско-правовой дискурс понимания свободы и необходимости в историческом контексте / Т. Гавронская // Гилея: научный вестник. – 2015. – № 97. – С. 173-177.

55. Геращенко, О.В. Способы создания комического эффекта в китайском языке: варианты перевода / О.В. Геращенко // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX-XXI вв.: Сб. научн. ст. по мат. II Междунар. науч.-практ. конф.; под научн. ред. С.И. Якимовой. – Хабаровск: Тихоок. гос. ун-т, 2014. – С. 151-157.

56. Глазова, Н.А. Тропы как средство создания комического эффекта / Н.А. Глазова // Риторика. Лингвистика. – 2015. – № 11. – С. 24-29.

57. Го, Д.Ц. Особенность китайского юмора / Д.Ц. Го // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность – X: Мат. междунар. науч.-практ. конф. молод. ученых. – Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2016. – С. 227-229.

58. Гончарова, Е.С. Магический дискурс как суггестивный тип коммуникации / Е.С. Гончарова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 2. – С. 167-170.

59. Горбунов, С.А. Юмор как составная часть эмоционального интеллекта / С.А. Горбунов // Мир науки. – 2015. – № 3. – С. 9.

60. Горбунова, М.В. О понятии «дискурс» в отечественном речеведении / М.В. Горбунова // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 161-164.

61. Горькова, А.А. Эпиграмма как малая поэтическая форма / А.А. Горькова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2014. – Т. 4. – № 5. – С. 456.

62. Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: УрГПУ, 2008. – 165 с.
63. Гридина Т.А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте / Т.А. Гридина // Лингвистика креатива-4. Коллективная монография. Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: УрГПУ, 2018. – С. 270-281.
64. Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: УрГПУ, 2018. (2-е изд., испр. и доп.).
65. Гридина Т.А. приколы "русского радио": новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры / Т.А. Гридина // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 34-38.
66. Громенко, М.В. Эвфемизмы как средство манипулирования в политическом дискурсе / М.В. Громенко, А.А. Пигорева // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: Мат. VI Междунар. научн. конф. – Курск: Ю.-Зап. гос. ун-т, 2015. – С. 93-100.
67. Гросс, М.А. Основные признаки «черного юмора» как литературного явления / М.А. Гросс // Теоретические и практические проблемы развития современной науки: Сб. мат. VI Междунар. науч.-практ. конф. – Махачкала: Апробация, 2014. – С. 88-89.
68. Давыдкина, Н.А. Употребление наречий типа *несколько, немного* для создания комического эффекта / Н.А. Давыдкина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2011. – № 7. – С. 12-18.
69. Дегтярева, Е.Р. Функциональная типология эвфемизмов современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Кемерово, 2015. – 265 с.
70. Демидова, Е.Б. Приёмы создания иронического эффекта в текстах М. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита») / Е.Б. Демидова // Преподаватель XXI век. – 2015. – Т. 2. – № 1. – С. 386-396.
71. Денисова, Э.С. Эвфемизмы русского и китайского языков (на примере тематической группы «непрестижные профессии») / Э.С. Денисова,

М.Б. Халиман // Культура и искусство: поиски и открытия: Сб. ст. – Кемерово: Кемер. гос. ин-т к-ры, 2016. – С. 185-191.

72. Добрицын, А.А. Эпиграмматические цитаты в «Евгении Онегине» / А.А. Добрицын // Philologica. – 2005. – Т. 8. – № 19-20. – С. 175-186.

73. Евстафьева, М.А. Когнитивные стратегии языковой игры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Калининград, 2006. – 20 с.

74. Ермоленко, В.Е. Chinese humour / В.Е. Ермоленко // Язык. Культура. Образование. – 2017. – № 2. – С. 79-82.

75. Ершова, Р.В. Представления о чувстве юмора в психологии / Р.В. Ершова, Р.З. Шарапова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2012. – № 3. – С. 16-22.

76. Желтухина, М.Р. Метафора в политическом дискурсе как средство создания комического эффекта / М.Р. Желтухина // Языковая личность: система, нормы, стиль: Тез. докл. научн. конф. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 36.

77. Жильцова, О.Ю. Шутка как малый речевой жанр / О.Ю. Жильцова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2014. – Т. 4. – № 5. – С. 460.

78. Залялова, Р.Р. Лингвокогнитивный аспект профессионального анекдота: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Казань, 2007. – 23 с.

79. Зелезинская, Л.А. Юмор как предмет социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Благовещенск, 2014. – 19 с.

80. Зелезинская, Л.А. Юмор как средство политического влияния / Л.А. Зелезинская // Краеведение Приамурья. – 2012. – № 3 (20). – С. 73-77.

81. Зеленин, Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии / Д.К. Зеленин // Сборник музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929-1930. – Т. 8-9. – С. 1-167.

82. Зеленовская, А.В. Понятия «компьютерный дискурс», «интернет-дискурс», «виртуальный дискурс» / А.В. Зеленовская // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – № 12. – С. 17-21.

83. Зимин, Р.В. Философский дискурс: методология анализа и проблемы социальной обусловленности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Иркутск, 2004. – 17 с.

84. Иванюшкин, А.А. Политический юмор как фактор взаимодействия общества и власти: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. – М., 2006. – 23 с.

85. Иерусалимская, А.А. Прецедентные тексты как основа создания языковой игры в интернет-коммуникации / А.А. Иерусалимская // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С. 569.

86. Кагилева, А.О. Политически корректные эвфемизмы / А.О. Кагилева // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: Междунар. сб. научн. ст. – Нижний Новгород: АЛББА, 2015. – С. 117-123.

87. Казакова, Д.В. Прецедентное имя как средство формирования смеховой метафоры в медицинском дискурсе / Д.В. Казакова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 4 (26). – С. 249-252.

88. Калачинская, Е.В. Языковая игра в русских и китайских анекдотах / Е.В. Калачинская // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – Т. 8. – № 3 (2016). – С. 158-166.

89. Карамова, А.А. Эвфемизмы как средство речевой манипуляции в политическом дискурсе / А.А. Карамова // Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: Мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: Уфимский гос. нефт. техн. ун-т, 2016. – С. 98-100.

90. Карасик, В.И. Ценностные приоритеты в анекдотах о новых русских / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3. – С. 17-25.

91. Карасик, В.И. Языковое проявление личности: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 449 с.

92. Карасик, В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

93. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю.Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Докл. сов. делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1986. – С. 105-126.

94. Кацев, А.М. Роль ассоциативности в эвфемии / А.М. Кацев // Проблемы синхронного и диахронного описания германских языков. – Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1981. – С. 140-146.

95. Кацев, А.М. Эвфемистический потенциал и его реализация в речи / А.М. Кацев // Некоторые проблемы слова и предложения в современном английском языке. – Горький: Горьк. гос. пед. ин-т, 1976. – С. 19-35.

96. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия / А.М. Кацев. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1989. – 79 с.

97. Кипрская, Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Киров, 2005. – 17 с.

98. Климович, О.В. Судебный дискурс как вид речевой деятельности / О.В. Климович // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 1 (68). – С. 175-176.

99. Князян, А.Т. Вербальная и невербальная агрессия в юмористическом дискурсе (на материале английских, русских и армянских «бытовых» анекдотов) / А.Т. Князян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4-2 (46). – С. 94-96.

100. Козинцев, А.Г. Смех, плач, зевота: психология чувств или этология общения? / А.Г. Козинцев // Этология человека на пороге XXI века: новые данные и старые проблемы: Сб. ст. / Отв. ред. М.Л. Бутовская. – М.: Старый сад, 1999. – С. 97-121.

101. Кознова, О.А. Изучение особенностей юмора в контексте двух культур / О.А. Кознова // Вестник научных конференций. – 2016. – № 3-4 (7). – С. 73-76.

102. Козырева, М.К. История возникновения понятий «дискурс» и «электронный дискурс» / М.К. Козырева // Научный альманах. – 2017. – № 3-2 (29). – С. 431-434.
103. Колобаев, В.К. О некоторых смежных явлениях в области лексики / В.К. Колобаев // Иностранные языки в школе. – 1983. – № 1. – С. 11-13.
104. Комарова, Е.В. Фразеологизмы как средства создания комического эффекта (на материале пьес-шутки А.П. Чехова) / Е.В. Комарова // Современные гуманитарные исследования. – 2016. – № 5 (72). – С. 84-89.
105. Коромысленко, Е.Г. К проблеме изучения комических эвфемизмов русского языка / Е.Г. Коромысленко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015а. – № 1 (10). – С. 41-43.
106. Коромысленко, Е.Г. Комические эвфемизмы деликатной темы / Е.Г. Коромысленко // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: Мат. V Междунар. научн. конф. – Тольятти: Тольят. гос. ун-т, 2015б. – С. 58-62.
107. Корчевская, М.А. Эвфемия как инструмент воздействия на аудиторию в журналистике и рекламе (на материале англоязычных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2012. – 18 с.
108. Косинова, Л.В. Китайский комический дискурс (на примере жанров «сяншэн», «куайбань», «анекдот»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2017. – 21 с.
109. Косинова (Максимова), Л.В. Национально-специфические способы создания комического эффекта в китайском языке / Л.В. Косинова (Максимова) // Общество и государство в Китае. – 2015. – Т. 45. – № 18-2. – С. 424-432.
110. Костина, Е.А. Комплексная характеристика эвфемизмов-соматизмов русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Самара, 2013. – 19 с.
111. Кравчук, В.О. Лингвокультурный механизм английского юмора / В.О. Кравчук // Язык и текст: структура, дискурс, перевод: VI междунар. науч.-практ. конф. – М.: Градиент, 2015. – С. 83-87.

112. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
113. Крылова, М.Н. Введение в языкознание для бакалавров: учебное пособие / М.Н. Крылова. – Саратов: Вузовское образование, 2014. – 275 с.
114. Крылова, М.Н. Каламбур как особый вид тропа / М.Н. Крылова // Русский язык и литература для школьников. – 2012. – № 9. – С. 61-64.
115. Крылова, М.Н. Каламбур на основе фразеологических единиц в современной литературе / М.Н. Крылова // European Scientific Conference: Сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Г.Ю. Гуляев. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017а. – С. 93-97.
116. Крылова, М.Н. Наши дети: жизнь в условиях неблагоприятного языкового окружения / М.Н. Крылова // Метеор-Сити. – 2017б. – № 1. – С. 18-24.
117. Крылова, М.Н. Эвфемизмы как средства создания неприличных шуток в современном русском юмористическом дискурсе / М.Н. Крылова // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: коллективная монография / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: Наука и Просвещение, 2018. – С. 96-106.
118. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1-2. – С. 28-49.
119. Кудлиньска, Х. Отрицательные структуры в эвфемистической функции в русском и польском языках / Х. Кудлиньска // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 157. – № 5. – С. 90-97.
120. Кудряшова, А.П. Процессы образования и функционирования эвфемизмов в семантических полях «смерть», «болезнь», «возраст» (на материале современных русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2002. – 19 с.
121. Куляпин, А.А. Мифопоэтика детских «садистских» стихов и «черный юмор» в современной литературе / А.А. Куляпин // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2007. – № 4. – С. 275-277.

122. Кушлина, О.Б. Жанровое своеобразие русской сатирической поэзии начала XX века (пародия, эпиграмма, басня): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1983. – 19 с.

123. Лавринiec, И.А. Смеховая культура общества и развитие детского юмора / И.А. Лавринiec // Символ науки. – 2016. – № 3-2 (15). – С. 97-99.

124. Лаврова, Н.А. Окказионально-игровая коммуникация как непосредственная составляющая дискурсивной деятельности / Н.А. Лаврова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 5. – С. 160-165.

125. Лаврова, С.Ю. Концепты «ум» и «глупость» в современном русском юмористическом дискурсе (на материале текстов М. Жванецкого и «Comedy club») / С.Ю. Лаврова, Ю.Ю. Бочкарева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 31-36.

126. Лаврова, С.Ю. Юмористический и институциональный дискурсы: сопоставительный анализ / С.Ю. Лаврова, Ю.Ю. Бочкарева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – Т. 1. – № 38-2. – С. 89-92.

127. Лазаревич, Е.М. Употребление эвфемизмов с функцией политкорректности в публицистических текстах (на материале английского языка) / Е.М. Лазаревич // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 378. – С. 25-29.

128. Лазаревич, Е.М. Эвфемия как языковая реализация политкорректности / Е.М. Лазаревич // Молодой ученый. – 2011. – № 9. – С. 120-121.

129. Лаптев, И.В. Эвфемизмы тематической группы «старение» в языке рекламы / И.В. Лаптев // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1 (10). – С. 46-49.

130. Ларин, Б.А. Об эвфемизмах / Б.А. Ларин // Проблемы языкознания: Сб. статей, посвященный 75-летию акад. И.И. Мещанинова; Отв. ред. Ю.С. Маслов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – С. 23-48, 115-130.

131. Латышев, Ю.В. Феномен юмора в социально-информационном взаимодействии (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Новосибирск, 2003. – 18 с.
132. Леонтьев, А.А. Табу / А.А. Леонтьев // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 501.
133. Лихачёв, Д.С. Смеховой мир Древней Руси / Д.С. Лихачёв, А.М. Панченко. – Л.: Наука, 1976. – 200 с.
134. Лич, Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / Э. Лич. – М.: Восточная литература, 2001. – 142 с.
135. Логачев, С.А. Политический фельетон в семантико-прагматическом аспекте (на материале немецкой публицистики): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2009. – 21 с.
136. Лукьянова, Е.С. Комическое и смешное: к вопросу о разграничении понятий / Е.С. Лукьянова // Коллоквиалистика и лексикография: точки пересечения и перспективы развития: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., посв. пам. проф. В.Д. Девкина. – Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2015. – С. 152-156.
137. Лурье, М.Л. Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое / М.Л. Лурье // Антропологический – форум. – 2007. – № 6. – С. 287-313.
138. Лушникова, Г.И. Когнитивные и лингвостилистические особенности литературной пародии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Кемерово, 2010. – 44 с.
139. Малыхина, Е.С. Языковые средства создания комического в сказке Е. Шварца «Золушка» / Е.С. Малыхина // Наука, образование и культура. – 2016. – № 7 (10). – С. 43-46.

140. Мамушкина, С.Ю. Междометные эвфемизмы в русском и английском языках / С.Ю. Мамушкина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 4 (13). – С. 33-36.

141. Маркова, А.В. Гендерные стереотипы в семейных ситкомах на современном российском телевидении / А.В. Маркова // Вестник культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 103-105.

142. Мартынова, Е.В. Лингвокультурологический анализ истории развития юмора в США / Е.В. Мартынова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 8-5 (50). – С. 121-123.

143. Матрусова, А.Н. Явление фонетической стилизации в русском кинематографе и мультипликации / А.Н. Матрусова, А.Г. Столярова // Общие и частные вопросы языкознания: Сб. научн. ст. по мат. VIII Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун- им. И.Я. Яковлева, 2016. – С. 23-30.

144. Медведева, Н.Е. Эвфемизмы политического дискурса как инструмент манипулятивного воздействия / Н.Е. Медведева // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2015. – № 1. – С. 43-54.

145. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М.-Л.: Гос. соц-экон. изд-во, 1938. – 510 с.

146. Мейриева, А.С. Эвфемистическая лексика в современном русском языке (комплексная характеристика): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Магас, 2004. – 26 с.

147. Месропова, О.М. Структурные, прагматические и содержательные аспекты текстотипов «анекдот» и «шутка»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 1999. – 19 с.

148. Микова, С.С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни (диахронический аспект исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2011. – 18 с.

149. Милоенко, Е.О. Специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Курск, 2009. – 23 с.

150. Миронова, А.Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе (на материале публичных выступлений Б. Обамы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Нижний Новгород, 2012. – 19 с.

151. Морозова, А.М. Жанровая специфика юмористического дискурса / А.М. Морозова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013а. – Т. 1. – № 1. – С. 216-222.

152. Морозова, А.М. Предпосылки появления юмористической тональности в дискурсах разного типа / А.М. Морозова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013б. – № 4 (79). – С. 38-40.

153. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1999. – 262 с.

154. Моу, Ш. Лингвокультурологический анализ русского юмора / Ш. Моу // Молодой ученый. – 2015. – № 24 (104). – С. 879-882.

155. Мусийчук, М.В. Когнитивные механизмы юмора в структуре комического / М.В. Мусийчук // Сибирский философский журнал. – 2010. – Т. 8. – № 2. – С. 48-52.

156. Мухина, С.А. Феномен комического в творчестве Ф.М. Достоевского (1864-1881 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2012. – 26 с.

157. Нагуш, Н.В. Механизмы функционирования метафоры в анекдоте (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 2006. – 17 с.

158. Наумов, В.В. Чувство юмора в вербальном и параязыковом выражении / В.В. Наумов // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 98-105.

159. Никитина, И.Н. Проблема перевода эвфемизмов экономического дискурса (на материале английского и русского языков) / И.Н. Никитина // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 11 (27). – С. 13.

160. Никитина, И.Н. Эвфемизмы в художественном тексте / И.Н. Никитина // Современная наука: теоретический и практический взгляд: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.А. Сукиасян. – Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 272-274.

161. Ницула, А.Ю. Эвфемизмы в межкультурной коммуникации (на примере русской, английской и китайской культур) / А.Ю. Ницула // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. мат. Всерос. студ. науч.-практ. конф. – М.: РУДН, 2016. – С. 273-277.

162. Новоселова, В.А. Эвфемизмы в политическом дискурсе (по материалам газеты «Карелия») / В.А. Новоселова // CARELiCA. – 2015. – Т. 1. – № 2 (14). – С. 39-55.

163. Обвинцева, О.В. Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2004. – 20 с.

164. Орлецкая, Л.В. Фразеологизмы как средство создания юмористического эффекта в тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1994. – 26 с.

165. Орлова, С.Н. Причины появления эвфемизмов в экономической прессе / С.Н. Орлова // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – № 5. – С. 169-172.

166. Осильбекова, Д.А. Активные процессы в современном глагольном словообразовании / Д.А. Осильбекова // Русский язык в школе. – 2009. – № 2. – С. 24-28.

167. Осипенко, Н.Ю. Военно-политический дискурс и концепт «война» // Н.Ю. Осипенко // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития: Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 140-144.

168. Павлюк, Д.А. Особенности передачи британского юмора при переводе: лингвокультурологический аспект / Д.А. Павлюк // Языки и литература в поликультурном пространстве. – 2015. – № 1. – С. 123-125.

169. Паршина, М.В. Лингвистическая и экстралингвистическая репрезентация оценки в анекдоте / М.В. Паршина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (87). – С. 29-33.

170. Паршина, М.В. Эволюция анекдота как речевого жанра (на материале региональной газеты XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Махачкала, 2015. – 22 с.

171. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 494 с.

172. Перфильева, Е.Ф. Культурная сущность «черного» юмора и формы его проявления в западном киноискусстве: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Барнаул, 2006. – 22 с.

173. Петренко, С.А. Лингвокогнитивные основания юмористического дискурса / С.А. Петренко // Когнитивно-семантические исследования предложения и текста: Межвуз. сб. научн. тр. – Пятигорск: пятигорск. гос. ун-т, 2016. – С. 92-101.

174. Петренко, С.Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой / С.Н. Петренко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7 (92). – С. 129-135.

175. Петров, С.В. Использование педагогического потенциала КВН в вузе как инновационный подход в развитии конкурентных качеств личности / С.В. Петров // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2016. – № 2. – С. 115-118.

176. Печак, А.С. Эвфемизмы в политическом дискурсе в английском и русском языках / А.С. Печак // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-2. – С. 161.

177. Пирогова, Н.В. Позиционирование отелей в межнациональном туристическом дискурсе: рекламные стратегии, тактики и тенденции / Н.В. Пирогова // Аграрный вестник Урала. – 2014. – № 4 (122). – С. 89-92.

178. Полуянова, Л.Н. Лингвостилистические особенности текста басни (на материале англоязычной литературной басни): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2001. – 19 с.

179. Полякова, С.Е. Военно-политическая эвфемизация как намеренная стратегия вуалирования коммуникативных задач / С.Е. Полякова // От звука к смыслу: Сб. ст. к юбилею О.А. Барташовой. – СПб.: С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2017. – С. 87-92.

180. Попов, Я.М. Основные социальные страхи в современном русском юморе / Я.М. Попов // Вестник Московской международной академии. – 2015. – № 9 (9). – С. 86-91.

181. Порохницкая, Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; 10.02.20. – М., 2014. – 45 с.

182. Порохницкая, Л.В. Культурологические и когнитивные принципы эвфемии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2004. – 20 с.

183. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / В.Я. Пропп; научн. ред., коммент. Ю.С. Рассказова. – М.: Лабиринт, 1999. – 288 с.

184. Прядильникова, Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Самара, 2007. – 18 с.

185. Разумовская, В.А. Юмористический дискурс как переводческая проблема (на материале переводов романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев») / В.А. Разумовская, Цзан Годун // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 4. – С. 87-93.

186. Райчева, Э.А. Принципы описания литературной эвфемии (на материале идиостиля А.С. Пушкина): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2011. – 24 с.

187. Реброва, Н.Е. Реальные, потенциальные и окказиональные эвфемизмы / Н.Е. Реброва // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – Т. 21. – № 4. – С. 121-124.

188. Редкозубова, О.С. Смеховая культура студенчества как креативно-онтологический феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Тамбов, 2010. – 22 с.

189. Романов, А.А. К соотношению понятий дискурс vs текст в гуманитарной парадигме: обзор, оценка и размышления / А.А. Романов // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2005. – Т. 1. – № 1. – С. 119-128.

190. Романченко, Ю.В. О понятии «теоретико-теологический дискурс» (на материале немецкого языка) / Ю.В. Романченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 560. – С. 211-220.

191. Рудко, А. Обыгрывание табуизмов в русском лингвистическом фольклоре. 22.10.2013 / А. Рудко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4883388/post296488139/>. – 21.07.2017.

192. Рутер, О.А. Табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой (лингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.

193. Саакян, Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2010. – 23 с.

194. Сагирьянц, Е.С. Модальное поле литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры / Е.С. Сагирьянц // Современные технологии в мировом научном пространстве: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 150-154.

195. Саммани, М.Х. Семантические особенности эвфемизмов в русском языке / М.Х. Саммани // Молодой ученый. – 2014. – № 6. – С. 643-649.
196. Сандалова, Т.А. Интертекстуальные включения как средство языковой игры в тексте советского газетного фельетона (на материале центральных газет с 1970 по 1991 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 1998. – 20 с.
197. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
198. Сахарова, Е.Е. Проповеднический дискурс как жанр религиозной коммуникации / Е.Е. Сахарова // Казанская наука. – 2014. – № 1. – С. 152-155.
199. Сахно, О.С. Фразовая номинация как средство речевой эвфемизации (на материале языка русской художественной литературы XIX-XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Пятигорск, 2006. – 19 с.
200. Семенец, А.И. Гендерные стереотипы и политический дискурс / А.И. Семенец, Н.В. Ройба // Студенческая наука XXI века. – 2016. – № 3 (10). – С. 96-99.
201. Семенова, Е.Е. Когнитивное обоснование юмора в современной лингвистической науке / Е.Е. Семенова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 5. – № 1. – С. 78-84.
202. Сеничкина, Е.П. Прономинация эвфемизмов деликатной темы / Е.П. Сеничкина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – № 3. – С. 48-53.
203. Сеничкина, Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учебное пособие / Е.П. Сеничкина. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
204. Середа, П.В. Графические средства создания языковой игры в русском и английском языках / П.В. Середа // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2015. – № 10. – С. 148-157.

205. Середа, П.В. Омонимия и многозначность как инструмент языковой игры (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Краснодар, 2013. – 20 с.

206. Ситдикова, М.Г. Комическое как проявление коммуникативных неудач и сбоев в восприятии адресата (на примере анализа творческих заданий ЕГЭ) / М.Г. Ситдикова // В мире научных открытий. – 2013. – № 3.2 (39). – С. 33-49.

207. Сковородников, А.П. Буквализация метафоры, или реализация метафоры / А.П. Сковородников // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): Словарь-справочник; Под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 75.

208. Соловьева, Н.В. Сопоставительный анализ терминов «эвфемизм», «дисфемизм» и «табу» / Н.В. Соловьева, Л.С. Мартынова // Сопоставительные исследования 2016. – М.: Истоки, 2016. – С. 160-165.

209. Соломина, Н.В. Интертекстуальный тезаурус современной языковой личности (на материале письменных текстов СМИ, КВН и интеллектуальных игр): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Омск, 2008. – 25 с.

210. Старук, М.М. Фразеологические эвфемизмы в современном русском языке / М.М. Старук // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Мат. V Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов-на-Дону: Донское кн. изд-во, 2015. – С. 203-211.

211. Старук, М.М. Эвфемизация наименований малопrestiжных профессий в современном русском языке / М.М. Старук, В.Ю. Меликян // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Мат. IV Всерос. науч.-практ. конф.; Отв. ред. В.Ю. Меликян. – Ростов-на-Дону: Дониздат, 2014. – С. 129-133.

212. Степанова, Е.Н. Эвфемизмы в телевизионной рекламе лекарственных средств / Е.Н. Степанова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2017. – № 16. – С. 50-54.

213. Степанова, Н.Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Коломна, 2009. – 20 с.

214. Суровегина, Д.И. Концепт смеха в прагмалингвистике (к вопросу о речевой комической ситуации) / Д.И. Суровегина // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 62-69.

215. Тарасова, Ю.В. Современный политический дискурс: тенденции развития, фреймирование, образные средства / Ю.В. Тарасова, Е.В. Абраменко // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 3. – № 3. – С. 90-95.

216. Тепляков, А.Г. Инфернальная карнавализация: «черный юмор» партизан и чекистов 1920-1930-х гг. / А.Г. Тепляков // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 1. – № 3. – С. 105-116.

217. Тетюхин, С.Г. Способы образования и стилистические функции эвфемизмов в речи на примере рассказа Пелевина «День бульдозериста» / С.Г. Тетюхин // Молодой ученый. – 2014. – №1. – С. 709-711.

218. Тирская, А.А. Особенности взаимодействия участников юмористического дискурса / А.А. Тирская // Наука и школа. – 2012. – № 5. – С. 38-40.

219. Тишина, Н.В. Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2006. – 24 с.

220. Торопцева, Е.Н. Использование эвфемизмов в шутках / Е.Н. Торопцева // Гуманитарный вестник. – 2014. – № 1 (28). – С. 70-75.

221. Торопцева, Е.Н. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории и культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2003. – 20 с.

222. Трубачев, О.Н. Из истории табуирующих названий / О.Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1958. – № 3. – С. 120-127.

223. Тулина, Е.В. Прецедентные феномены анекдотического пространства: лингвокультурологический и лексикографический аспекты / Е.В. Тулина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 63-66.
224. Тюрина, Е.Е. Семантический статус эвфемизмов и их место в системе номинативных средств языка (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Нижний Новгород, 1998. – 19 с.
225. Тюрина, С.Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст / С.Ю. Тюрина // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2009. – № 1. – С. 75-77.
226. Ульман, У. Семантические универсалии / У. Ульман // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 5-31.
227. Федюк, П.С. Специфика определения критериев широкозначности лексических единиц / П.С. Федюк // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 200-205.
228. Феоктистова, К.А. Фразеология как средство сатиры и юмора в произведениях В.В. Маяковского / К.А. Феоктистова // Педагогический институт им. В.Г. Белинского: традиции и инновации: Сб. ст. научн. конф. / Под общ. ред. О.П. Суриной. – Пенза: Пензенск. гос. ун-т, 2016. – С. 208-210.
229. Филатов, А.В. А.В. Корчинский. Форманты мысли: литература и философский дискурс / А.В. Филатов // Вопросы философии. – 2016. – № 3. – С. 216-219.
230. Филатова, В.Ф. Магический дискурс: монография. – Воронеж: Изд.-полигр. центр Воронеж. гос. ун-та, 2010. – 356 с.
231. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
232. Хайрутдинова, Г.А. О морфологических средствах создания комического / Г.А. Хайрутдинова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2008. – Т. 10. – № 6-1. – С. 305-310.

233. Харитонова, В.Ю. Эвфемизм как средство непрямой коммуникации / В.Ю. Харитонова // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма: Сб. ст. – Саратов: Сарат. соц.-экон. ин-т (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – С. 141-146.

234. Харитонова, В.Ю. Эвфемистическая репрезентация концептов в англоязычной речевой культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Воронеж, 2008. – 23 с.

235. Харитонова, В.Ю. Эвфемизмы в экономическом дискурсе / В.Ю. Харитонова // Язык и мир изучаемого языка. – 2015. – № 6 (6). – С. 129-132.

236. Хибарин, Д.П. Морфологические и синтаксические эвфемизмы в федеральной газете «Аргументы и факты» / Д.П. Хибарин // Слово. Словесность. Словесник: Мат. межрегион. науч.-практ. конф. преп. и студ.; отв. ред. И.Н. Хрусталева и др. – Рязань: Концепция, 2016. – С. 404-407.

237. Хохонин, Д.Е. Лексические средства создания комического в русских социально-бытовых анекдотах / Д.Е. Хохонин, Е.А. Шедогубова // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика. Направления и тенденции современных исследований: Мат. Всерос. (с междунар. участ.) заочн. научн. конф. / Отв. ред. А.В. Курочкина. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2017. – С. 111-112.

238. Храмушина, О.С. Эвфемизмы в художественной речи (на примере смягчающих наименований в поэзии А.С. Пушкина) / О.С. Храмушина // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. – 2017. – № 1 (12). – С. 65-69.

239. Хрущева, Е.А. Национально-культурная основа анекдота (сопоставительный анализ английского, французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2009. – 28 с.

240. Цикушева, И.В. Лингвистические средства создания комического эффекта в сказках / И.В. Цикушева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 10. – С. 92-95.

241. Цыдендамбаева, О.С. Эвфемистическая картина мира: концептосфера «человек» (на материале бурятского, русского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Улан-Удэ, 2011. – 20 с.

242. Чан Тхань Тунг. Русский юмористический текст на фоне вьетнамской лингвокультурной традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2014. – 18 с.

243. Черняков, А.Н. Политический дискурс в аспекте самореализации в сети интернет / А.Н. Черняков, Р.А. Дунаев // Наука Искусство Культура. – 2016. – № 1 (9). – С. 107-111.

244. Чжан, С. Приёмы создания комического эффекта на примере китайского дискурса / С. Чжан // Иностранные языки в XXI веке: актуальные вопросы лингвистики, теории перевода и методики преподавания иностранных языков: Мат. IV Междунар. науч.-практ. конф.; под общ. ред. Ю.А. Шурыгиной. – Пенза: Пензен. гос. ун-т, 2015. – С. 66-69.

245. Чжан, Ч. Соотношение понятий табу и эвфемизм (на примере русского и китайского языков) / Ч. Чжан // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 6. – С. 83-87.

246. Чжан, Ч. Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2013. – 22 с.

247. Чжан, Ч. Эвфемизмы в наименованиях профессий в русском и китайском языках / Ч. Чжан // Грани познания. – 2010. – № 5 (10). – С. 64-65.

248. Чжан, Ч. Эвфемизмы сексуальных отношений в русском и китайском языках / Ч. Чжан // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10 (64). – С. 38-42.

249. Чжон Тэ Он. Языковые средства создания комического в рассказах М. Зощенко / Чжон Тэ Он // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – С. 117-120.

250. Чжэн, Г. Средства создания комического в современной детской литературе / Г. Чжэн // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12-2 (66). – С. 54-58.

251. Чжэн, Ф. Русские и китайские филологические традиции использования языкового юмора / Ф. Чжэн // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: В 4 ч. Ч. 3. – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 91-98.

252. Чэнь, Л. К вопросу о национальных особенностях и специфике лингвистических средств создания комического эффекта (на фоне русского и китайского комического текста) / Л. Чэнь // Современные тенденции в изучении и преподавании русского языка и литературы: Мат. докл. и сообщ. XXII междунар. науч.-метод. конф. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т пром. техн. и дизайна, 2017. – С. 210-213.

253. Шабаев, В.Г. Лексические и грамматические проблемы широкозначности / В.Г. Шабаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4-3 (34). – С. 192-201.

254. Шевченко, Б.А. Специфика военно-повествовательного дискурса / Б.А. Шевченко // Язык и культура (Новосибирск). – 2017. – № 27. – С. 88-94.

255. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 367 с.

256. Шилихина, К.М. Неуместная ирония и неудачная шутка: маркеры переключения между bona fide и non-bona fide модусами коммуникации / Шилихина К.М. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 5. С. 52-59.

257. Широкова Е.Н. Дискурсивность и интертекстуальность как источники поликодовости художественного текста / Е.Н. Широкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2-2. – С. 597-600.

258. Широкова Е.Н. хронотоп текста, хронотоп дискурса (к вопросу разграничения текстовых и дискурсивных категорий) /

Е.Н. Широкова // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции. – 2016. – С. 179-184.

259. Шмелёва, Е.Я. Этнические стереотипы в русских анекдотах / Е.Я. Шмелёва, А.Д. Шмелёв // Отечественные записки. – 2014. – № 4 (61). – С. 167-177.

260. Шмелева, Н.Л. Понятие «черный юмор» и его функционально-стилистические особенности / Н.Л. Шмелева // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 8-2. – С. 210-212.

261. Шмулевич, Л.И. Когнитивно-прагматические основания порождения юмористического эффекта (на материале англоязычных юмористических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2015. – 18 с.

262. Шпар, Е.В. Типология языковой игры как основы создания комических афоризмов (юморизмов) / Е.В. Шпар // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. – Уфа: Башк. гос. ун-т, 2015. – С. 274-279.

263. Щурина, Ю.В. Метафора как источник комического в современном российском медиа-дискурсе / Ю.В. Щурина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 116-122.

264. Щурина, Ю.В. Шутка как речевой жанр: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Красноярск, 1997. – 19 с.

265. Эпштейн, О.В. Лингвокультурный феномен черного юмора / О.В. Эпштейн // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2014. – № 1.1. – С. 126-130.

266. Якупова, А.В. Американские ценности в рекламном дискурсе / А.В. Якупова // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2017. – Т. 37. – С. 265-266.

267. Яшина, Е.А. Риторико-герменевтические аспекты языка литературной пародии (на материале русских и английских пародийных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тамбов, 2002. – 20 с.

268. Kany, Ch. E. *American-Spanish Euphemisms*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960, VII, 249 p.

269. Sadovnikova M.N., Nevolnikova S.V., Bogatskaia E.Y. Euphemisms in language of the french mass media: pragmatical aspect, *Russian linguistic Bulletin*, 2016, No 3 (7), p. 69-74.

270. Shibbes W.A. *Humor Reference Guide: A Comprehensive Classification and Analysis*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1998, 956 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.

2. Булыко, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / А.Н. Булыко. – Минск: Харвест, 2007. – 448 с.

3. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – М.: Дрофа, 2000. – 1233 с. (онлайн версия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>. – 20.11.2017.

4. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

5. Иванян, Е.П. Многоязычный словарь эвфемизмов туалетной темы / Е.П. Иванян, Х. Кудлинская-Стемпель, И.Н. Никитина; под общ. ред. Е.П. Иваняна. – М.: Флинта, 2013. – 167 с.

6. Каюмова, Э.Р. Тематический словарь лексических неологизмов начала XXI в. (фрагмент) / Э.Р. Каюмова // Лексикографические штудии 2013: междунар. коллект. монография / под ред. Н.В. Пятаевой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. – С. 124-138.

7. Кузмич, В. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. – М.: Зеленый век, 2000. – 448 с. [Электронный ресурс] // Словари на Академике [Сайт]. – Режим доступа: URL: <http://folklor.academic.ru>. – 02.10.2017.
8. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.
9. Мокиенко, В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – СПб.: Норинт, 2003. – 608 с.
10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
11. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
12. Русские пословицы и поговорки. Комментарии, толкование значений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.rusaying.ru>. – 19.11.2017.
13. Сеничкина, Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
14. Словарь русского арго [Электронный ресурс] // Словари на Академике [Сайт]. – Режим доступа: URL: http://russian_argo.academic.ru. – 05.10.2017.
15. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
16. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Громов, Л.А. Ломова. – М.: Русский язык – Медиа, 2007. – 334 с.
17. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Анекдотов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://anekdotov.me>. – 05.05.2018.

2. Анекдотов.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://anekdotov.net>. – 12.05.2018.
3. Анекдоты (до 16-ти и старше...) / Сост. Ю.А. Паркевич. – Волгоград: Царицын, 1994. – 288 с.
4. Анекдоты. – Воронеж: Садко, 1993. – 400 с.
5. Анекдоты.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://anekdoty.ru>. – 09.05.2018.
6. Анекдоты: Верблюды / Авт.-сост. Н.В. Адамчик. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. – 144 с.
7. Бугага. Анекдоты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.bugaga.ru/anecdote/>. – 30.05.2018.
8. Воронины: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citaty.info/serial/voroniny>. – 22.05.2018.
9. Всё шуточки... Лучшие, свежие, твои [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://vse-shutochki.ru>. – 22.05.2018.
10. Задорнов, М.Н. Энциклопедия всенародной глупости / М.Н. Задорнов. – М.: Центрполиграф, 2016. – 310 с.
11. Интерны: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citaty.info/serial/interny>. – 27.05.2018.
12. Как я стал русским: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://quoteka.org/source/kak-ya-stal-russkim/>. – 15.05.2018.
13. Китайские анекдоты [Электронный ресурс] // Легендарный Китай [Сайт]. – Режим доступа: URL: <http://azialand.ru/kitajskie-anekdoty/>. – 25. 05.2018.
14. Кто в доме хозяин?: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citaty.info/serial/kto-v-dome-hozyain>. – 22.05.2018.
15. Кухня: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citaty.info/serial/kuhnya>. – 22.05.2018.
16. Лучшие медицинские анекдоты. – Минск: Бук-мастер, 2014. – 64 с.

17. Моя прекрасная няня: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citaty.info/serial/moya-prekrasnaya-nyanya?page=1>. – 05.05.2018.
18. Мухин, В. Извиняйте, не еврей / В. Мухин. – М.: Аргументы недели, 2017. – 256 с.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.ruscorpora.ru>. – 21.05.2018.
20. Папины дочки: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citaty.info/serial/papiny-dochki>. – 22.05.2018.
21. Садистские стишки и частушки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.ermak.su/context/sad_stihi.htm. – 28.05.2018.
22. Самые лучшие анекдоты и тосты для любого застолья / Сост. Е. Маркина. – М.: АСТ, 2017. – 320 с.
23. Свежие отборные анекдоты / Сост. М.В. Савченко. – М.: Книжкин дом; АСТ, 2016. – 110 с.
24. Сергеев, А. Анекдоты тренеров о бизнесе и не только / А. Сергеев, М. Казанцев, К. Хутаева. – СПб.: Речь, 2009. – 112 с.
25. Счастливы вместе: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citaty.info/serial/schastlivy-vmeste?> – 04.05.2018.
26. Универ. Новая общага: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citaty.info/serial/univer-novaya-obshaga>. – 21.05.2018.
27. Универ: цитаты из сериала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://citaty.info/serial/univer>. – 21.05.2018.
28. Шутки КВН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://vse-shutochki.ru/kvn-shutki>. – 12.05.2018.